



Троецарствие

Юрий НИКИТИН

Артания

«ЭКСМО»

2002

Никитин Ю. А.

Артания / Ю. А. Никитин — «Эксмо», 2002 — (Троецарствие)

Юрий Никитин – последовательный противник развернутых аннотаций, пересказывающих читателю содержание книги. Поэтому мы можем себе позволить лишь единственную подсказку: перед вами – новый роман в жанре фэнтези, слава которого, безусловно, затмит знаменитых «Троих из Леса»!

Содержание

К читателю	5
Часть I	6
Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	22
Глава 4	32
Глава 5	38
Глава 6	45
Глава 7	54
Глава 8	62
Глава 9	70
Глава 10	76
Глава 11	83
Глава 12	91
Глава 13	98
Глава 14	105
Конец ознакомительного фрагмента.	109

Юрий Никитин

Артания

К читателю

От древних авторов дошли сведения, что задолго до возникновения Киевской Руси на тех же просторах существовали могучие государства: Куявия, Славия, Артания. Это почти все, что известно. Т.е. простор для пишущего!

Нас собралась могучая кучка, каждый пишет в цикл «Троецарствие» по роману, где минимальный объем должен быть не меньше чем 200 тысяч слов. К примеру, в данном романе их 207 тысяч. Это вдвое больше, чем в привычных нам хардкорах.

Надеюсь, вы получите от этих толстячков удовольствие! Напоминаю адрес нашей могучей кучки:

<http://nikitin.wm.ru/>

А также знаменитой Корчмы:

<http://nikitin.wm.ru/cgi/forum/read.pl?forum=nikitin>

Искренне,

ЮРИЙ НИКИТИН

Часть I

Глава 1

Встречный ветер старался раздуть ноздри и вывернуть веки, вышибал слезу из глаз. Весеннее, но уже по-летнему яростное солнце обжигает голые плечи. Привыкшим к простору глазам артанина больно, когда в бескрайней степи хоть на грани земли и неба узрят жилище соседа. А здесь как вызов: далеко впереди высокие темные горы со снежными пиками преграждают победный бег зеленой и вольной Степи! Она ударилась о каменную стену, застонала и распростерлась покорно у подножия...

Придон стиснул челюсти так, что заломило в висках. На этих неприступных горах – черные башни колдунов. Без их мерзкой мощи та подлая страна, Куявия, уже лежала бы под копытами их быстрых коней!

Слева под грохот копыт начала выдвигаться потная сопящая морда. Ветер срывает пену с губ, конь старшего брата храпит, вытягивается в струнку. Даже в глазах коня та страсть, что владеет артанскими воинами: достичь края мира, напиться воды из самого дальнего моря!

Придон приподнял голову от конской гривы. Копыта звонко стучат, горяча кровь. Дикая Степь – пристанище удальцов! Это немалая часть Артании, граничит с Куявией, но сейчас пустует. Не из-за страха перед Куявией: за здешние владения спорят могучие племена артанских князей Номингов, Артепов и Улегвичей. Никто не скажет, сколько народу сложило головы, никто не сочтет, сколько битв, сражений или просто жарких схваток оросило здесь землю кровью молодых и горячих сынов Артании.

Земля так и осталась ничейной, ибо могучие племена, потеряв многих героев, молчаливо условились о перемирии, а то, пока истребляют друг друга, другие богатеют в набегах на богатый Вантит, дерутся за право избрать на трон Артании своего человека. Конечно, если по этим землям попытается пройти караван без охраны, то быть ему добычей: в степи всегда рыщут охотники разбогатеть быстро. Если где-то из высокой травы взметнулось воронье и злобно каркает, то явно отогнали волки и степные лисы от убитых...

Убитыми, правда, чаще оказывались не караванщики, а охотники за чужим добром. Все караваны идут с охраной, но, правда, иногда охраны недостаточно, и тогда удальцы возвращаются с богатой добычей, приводят домой повозки, доверху нагруженные товарами. Приводят пленников, и сразу же новые охотники, распаленные их хвастовством, вскакивают на коней и мчатся искать удачи.

Вся эта Степь – огромное ристалище, где только один закон... И многие удальцы, ощутив в сердцах отвагу, а в руках крепость, отправляются в эти дикие места проверить свое умение, добиться победы над противниками, вернуться с добычей и заслужить славу настоящего бывалого воина. Здесь, по слухам, встречаются удальцы-славы, даже куявские искатели приключений попадают – бывают и в той стране изнеженных трусов смельчаки...

Придон неся, снова зарывшись лицом в конскую гриву, иначе могучий кулак встречного ветра смахнет с конской спины, словно глупого овода, пытающегося сесть на потные плечи. Мир заполнен горячим встречным ветром. Солнечные лучи жгут голые плечи и спину, воздух как будто только что из кузнечного горна, а конь – не конь вовсе, а раскаленная глыба камня, что несется по гремящей степи, брошенная рукой великана.

Из груди, переполненной щенячьим восторгом, вырвался ликующий вопль. Ноздри жадно задрожали, в сухой накаленной печи, именуемой Степью, почудился новый запах... Впереди появилась и начала вырастать темно-зеленая полоска. Издали донесся крик:

– Реку не переходить!..

Скилл мчался в сотне шагов справа. Он пригнулся, чуть привстав на стремянах, лицо прятал от ветра за конской гривой. Встретив взгляд младшего брата, прокричал:

– За рекой – их земли!

Темно-зеленое быстро превращалось в деревья. Пахнуло свежестью. Отяжелевшая от сырости пыль осела, знойный воздух стал прозрачнее.

Придон придержал коня, но тот, весь в мыле и с безумными глазами, яростно храпел, порывался в бешеный бег, пока не разорвется сердце: настоящий артанский конь с душой воина.

Конь Скилла первым взлетел на берег. Мгновение плечистая фигура старшего брата грозно темнела на пронзительно синем небе. Придон уловил короткий взмах руки, и Скилл исчез по ту сторону берегового холма.

За спиной загрели тяжелые конские копыта. Земля затряслась, пахнуло животным теплом, ароматом кожи, пота и смазанных маслом поясных ремней. Сбоку вдвинулась в поле зрения массивная серая гора: на чудовищно огромном коне, что и на коня уже не похож, – Аснерд, старый воевода. На разгоряченного Придона повеяло еще большим жаром, воевода что накаленный в пламени костра камень, на котором пекут лепешки.

Придон с неудовольствием покосился на этого няньку, приставленного еще отцом. Вообще-то воевода похож на всех воевод, каких Придон встречал по всей Артании: массивный, плотный, жилистый, прокаленный солнцем и огрубевший на морозе и под ветрами. По возрасту ему в отцы, даже в деды, но, не в пример другим воеводам, на коня вспрыгивает еще как молодой удалец, хотя в бою голову не теряет, потому за последние десять лет ни единой царапины, однако все еще старается начать битву первым, а выйти из нее последним. Но опять же, без молодой ярости, а, как он говорит: «для примера молодым».

Его цепкие настороженные глаза сразу прошупали Придона, метнули в спину Скилла, словно острое копье, такой же отточенный взгляд. Придону он всегда казался выросшим в старые кожаные латы, которые не снимает, хотя это вовсе не латы, а широкая, продубленная зноем, ветрами и битвами могучая грудь, такая же бугристая спина и плоский, в тугих валиках, живот. Складками кожи выглядит даже широкий наборной пояс, где справа два ножа, а слева – боевой топор, тоже будто часть его могучего тела.

Сейчас на коричневом от солнца лице блеснули светло-серые глаза. Вообще надбровные дуги Аснерда толстые и тяжелые, брови на них мохнатые, и потому глаза сверкнули настолько ярко, свирепо и с такой силой, что Придон пошатнулся, взгляд с силой выброшенного вперед кулака толкнул в грудь.

– Вот она, – проревел Аснерд, словно огромный сытый медведь, – проклятая Куявия!..

– На том берегу красиво, – возразил Придон.

Возразил не потому, что пестроту считал в самом деле красивой, а чтобы хоть в чем-то возразить наставнику.

– Чем? – медленно удивился Аснерд.

– Как будто радугу изломали на мелкие кусочки!

Воевода морщился, скептически хмыкал, нижняя челюсть угрожающе выдвинулась. Узкий шрам на чисто выбритом подбородке побагровел и вздулся, как сытая пиявка. В своей угрожающе повелительной позе: огромные кулаки уперты в бока, губы плотно сжаты, взгляд суров, – он и без того страшен, а со своим оседланным чудовищем он казался уже не человеком на буйволородном коне, а осадной башней или тараном для выбивания ворот крепости.

Подъехал четвертый – верховный волхв всей Артании Вяземайт. Его конь, в отличие от легких и стремительных коней Придона и Скилла, не так скор на бег, зато обладает удивительным умением бежать ровно и без усталости целые сутки, даже если в седельный мешок напихать тяжелые камни.

Невысокий Вяземайт, однако, не только выглядит, но и на самом деле крепок, как гранитная скала. На нем, как всегда казалось Придону, точно так же, как и на Аснерде, плотно сидит обтягивающий тело старый вытертый кожаный панцирь, что на самом деле не панцирь, а его огрубевшая кожа, а вот штаны действительно кожаные, ветхие, башмаки вот-вот развалятся, зато пояс почти новый, на поясе короткий меч в новеньких, расшитых бисером ножнах.

Седые волосы волхва почти достигают плеч, закрывая уши. Придон никогда не видел его ушей. Поговаривали, что у Вяземайта нет их вовсе, другие клялись, что уши есть, но только в шерсти, как у волка, и такие же заостренные кверху. В отличие от младших волхвов, лицо Вяземайта – верховного волхва чисто выбрито, на голом подбородке белеет глубокий шрам, ибо не всегда верховный волхв был волхвом, не всегда.

Вяземайт коротко взглянул на Аснерда, тот кивнул, и оба пустили коней к холодной воде. Придон с высокого берега все еще жадно смотрел на тот берег. Река широкая, весной и осенью по ней идут корабли, но в жаркое время вода сильно падает, конница перейдет вброд, и на той стороне куявы удваивают сторожевые посты и стягивают к кордону большие отряды.

Издали донесся drobный стук копыт. Справа и слева к ним неслось по всаднику. Братья Олекса и Тур, сыновья Аснерда, могучие и немногословные воины. Аснерд в пути рассылал их далеко в стороны, чтобы все видеть и замечать, но сейчас впереди проклятая Куявия, дальше всем шестерым пора держаться вместе.

Придон смотрел на широкую мелководную реку, на далекий берег, в сердце заползало острое разочарование. Даже вода на той половине реки должна быть другой, не говоря уже о берегу, ведь там проклятая Куявия, страна подлых колдунов! Но пока что все такое же, даже на том дальнем берегу у воды такие же седые ветлы, могучие яворы, а берег покрыт зеленой травой, которую не отличишь от этой, настоящей артанской травы!

– Нас не обманешь, – процедил он с ненавистью. – Это подлая страна мрака, мерзости и бесчестных людей! И все здесь – обман.

Конь, наскучив стоять на прокаленном пригорке, когда рядом прохладная вода, сам пошел вниз, остановился не раньше, чем по брюхо в воде. Вблизи Скилл спрыгнул нарочито шумно, подняв тучу брызг. Оба, он и его конь, бок о бок жадно пили чистую холодную воду, потом Скилл поливал храпящего друга и тер щеткой. Вода вокруг сразу помутнела. Аснерд расседлал своего великана, седло тяжело бухнуло в воду. В прозрачной воде от упавшего с неба чуда потянулись восхитительные мутно-желтые струи, явно пахучие, рыба мелочь жадно устремилась к находке, но только самые отважные мальки смело тыкались мордочками и хватали мягкими губами крупинки соли конского и человеческого пота.

Придон жадно и разочарованно рассматривал дальний берег. На залитом оранжевым солнцем песке отчетливо видны фигурки людей в красных одеждах, голубых, желтых, зеленых. Тоже всматриваются сюда, там множество пеших воинов с копьями в руках, немало всадников. У тех и других блестят металлические доспехи, но в движениях нет достоинства, суетятся...

Вяземайт бросил короткий взгляд на ту сторону.

– Разряженные куры! – прорычал он с ненавистью. – Эх, ударить бы... Вшестером всех бы смели!

– Нельзя, – ответил Скилл с сожалением. – Это встречающие.

– А мы сами без глаз, что ли? Не отыщем в Куябу дорогу?

Скилл улыбнулся.

– Не хотят терять людей.

– А потеряют?

– А ты как думаешь?

Вяземайт хмыкнул.

– Ну, если таких орлов, как наш неистовый Придон, пустить добираться самим...

Коней вывели на берег, вытерли. Под мокрыми телами на траве образовались лужи, воздух уплотнился, поднимаясь плотным паром. Придон все рассматривал далекие пестрые фигурки, на всех слишком много одежды, а цвета такие, будто на том берегу в самом деле изломанная радуга...

Скилл сказал значительно:

– Помните, за оружие не братья! Даже ножи да пребудут в ножнах, будто туда пакостный Вяземайт налил вишневого клея.

– Вождь, – обратился к нему почтительно Аснерд, даже слишком почтительно, – а как же хлеба отрезать, мяса, рыбы?

Скилл нахмурился.

– Не знаю. Смотрите, как делают местные. Разве не знаете, что обнаженного оружия куявы страшатся?

Мужчины переглянулись: только нечистые силы пугаются железа. Аснерд засмеялся, он уже седлал своего чудовищного коня.

Скилл усмехнулся.

– Я поеду первым, – сообщил он. – Если в реке чудища, о мою шкуру обломают зубы.

– Лучше я, – вызвался Вяземайт. – Я быстрее увижу, где можно по отмели.

– Нет, я, – предложил Олекса. – Мои стрелы догонят и в воде любого зверя!

Придон подавил вздох острой зависти. Скилла, его старшего брата, мать готовила к подвигам, тайком от отца закаляла еще в колыбельке. Теперь в нем сердце ребенка, сила дракона, а кожа прочнее драконьей чешуи. Ни единого шрафика, в то время как он, Придон, носит эти белые отметины на всем теле, даже на лице. Отец застал мать, когда она, искупав годовалого Скилла в молоке кобылицы, держала вниз головой над огнем. Отец едва не сошел с ума от страха, отстранил мать, которая даже ему не раскрывала все свои тайны, от детей и больше не разрешал их воспитывать, из-за чего Скилл так и остался смертным...

Вяземайту тоже можно завидовать: ведет род от старых водяных богов, его конь может пронестись по любой глубокой реке или озеру, лишь слегка замочив копыта. А сам Вяземайт, как бы ни был изранен, залечивает любые раны, стоит добраться до реки или озера. Олекса – лучший стрелок в Артании, его стрелы направляет, как говорят, влюбленная в него богиня ветра. Аснерд ведет свой род от горных великанов, в нем их сила, у Тура глаза орла и уши волка, и только он, Придон, владеет лишь той малостью, что боги определили человеку!

Кони в охотку вошли в воду. Конь Придона порывался пойти вскачь, поднимая тучи брызг, Придон успокаивал, а у самого сердце трепыхалось и кровь шумела в ушах.

– Где же башни магов? – спросил он шепотом, словно на куявском берегу могли услышать.

– Там, – ответил Скилл, – в глубине.

– В горах, – добавил Аснерд.

– Если не врут про их мощь, я бы поставил прямо на берегу!

Аснерд смолчал в затруднении, он тоже так бы сделал, а Вяземайт пояснил злорадно:

– Башни черпают магию только в горах. Там еще остались источники нечистой силы. А где все честно, там куявы стоят дешевле скорлупок яиц, которые едят.

– Едят скорлупки? – не понял Тур.

Аснерд отмахнулся с великолепным добродушием.

– Это ж куявы! Какую только гадость не жрут, аки свиньи.

– Так они и есть свиньи.

Сердце Придона бухало часто и мощно. Снизу от реки холод, сверху жаркое солнце, блестящие волны отшвыривают лучи, те припекают еще и снизу, из-под конского брюха. Волосы снова мокрые, то ли от брызг, то ли ветер не успевает слизывать пот.

Иногда дно поднималось, кони шли по щиколотку, стараясь поднять серебристые крылья брызг, снова проваливались по брюхо. Скилл соскользнул с седла, поплыл рядом с конем, Олекса и Тур сошли с коней от берега, только Аснерд восседал такой же неподвижный, тяжелый. Волны обтекали его опасно, потом долго не могли успокоиться, уходили клином к берегу, а он равнодушно пересекал глубокое место, наконец его конь, как гора во время отлива, начал медленно вырастать из воды.

На том берегу, постепенно приближаясь, толпились и галдели, теряя достоинство, люди. Мужчи́нами бы их Придон не назвал, мужчины не надевают столько одежд в такой зной, да и не галдят, как болтливые женщины...

От берега пугливо убегает вдаль дорога, очень далеко видна каменная стена, там сторожевая башня, а возле нее собрались, как овцы, каменные дома. Придон жилища из камня видел только в Арсе, стольном граде Артании, дворцы из мрамора и гранита существуют вовсе не для жилья, жить надо в шатрах...

Вместе с удивлением ощутил и презрение, и даже жалость к людям, вынужденным жить в норах из камней, не видя днем синевы неба, а ночью – великолепия звезд! Как хорошо, что он – артанин.

Разбрызгивая воду, все шестеро коней выбрались на берег. Люди в пестрых одеждах опасно отступили, вперед выдвинулись воины с копьями. Доспехи металлические, из блестящей меди, у некоторых даже бронзовые, цельнокованные, а на головах настоящие шлемы. Придон ощутил острый укол зависти.

С бронзовых щитов злобно скалили зубатые пасти разъяренные драконы. А их командир, немолодой ветеран с хмурым, страшно обожженным и потому безбровым лицом, в драконах с головы до ног: драконы на шлеме, драконы на груди панциря, даже рукоять меча в виде изогнутой шеи дракона.

На гребне шлема присел перед прыжком крохотный, но очень искусно сделанный дракон с поднятым гребнем.

Придон сказал негромко Аснерду:

– Какие шлемы! Даже с ремнями... А ремни под подбородком зачем?

– Чтоб челюсти поддерживать, – буркнул Аснерд. – Иначе слюни выползают, доспехи ржавеют. Да и самим скользко.

Вяземайт возразил:

– Это чтобы шлемы с головы не срывало, когда артан видят! Ведь волосы-то сразу дыбом...

Олекса и Тур нагло захохотали. В сторонке от стражи на низкорослом коне сидел мужчина в халате и с головой, повязанной бабьим платком. Остальные всадники исчезли, словно их сдуло ветром, а этот сидит и смотрит на артан выпученными глазами.

– Кто такие? – вскричал командир стражи тонким голосом.

Скилл медленно пустил коня вперед. Его правая рука медленно поднималась в приветствии. Ладонь широка, в твердых желтых мозолях, толстых, как конское копыто, настоящая рука воина. По лицам куявов Придон уловил с тайной гордостью, что их устрасил этот жест, ибо во всей страшной красоте видны могучие мышцы вождя артан.

– Мы приехали торговать, – ответил Скилл надменно. – Нас пригласил ваш тцар. И если ты, жаба косоротая, не сойдешь с дороги, пеняй на себя!

Он не оглядывался, но чувствовал, как все пятеро артан за его спиной опустили руки на рукояти боевых топоров. Солнце играет на бронзовых телах, высвечивая и оттеняя их мощь, а суровые и надменные лица, что и так словно из камня, наверняка стали еще злее.

Командир стражников поспешно отступил, лицо стало цвета сырого мяса, вскрикнул:

– Да знаю, знаю!.. Я только спросил!

Скилл, не меняя надменного лица, проехал мимо. Придон сделал такое же лицо, напряг мышцы. Солнце сверкает на могучих плечах его брата, чистая кожа блестит силой и здоровьем. Он чувствовал, как огненные капли проникают и в его плоть, отчего и без того горячая кровь вскипает, как олово на жаровне.

Всадник, который с бабьим платком на голове, наконец тронул коня, тот пугливо пошел рядом с грозными артанами. Всадник сказал торопливо:

– Мне поручили проводить вас до Куябы, нашего стольного града!

Скилл бросил в полнейшем безразличии:

– Провожай. Только под ногами не путайся.

Аснерд буркнул:

– Затопчем.

Всадник коротко вздохнул.

– Если бы я!.. А так, придется... Эй, Вихрян!

Он небрежным кивком подозвал командира стражников. Тот подошел без угодливой поспешности, не старый по годам, но уже бывалый воин, иных и не посылают на кордоны. Серые глаза цвета холодной стали пронзительно ярко взглянули с безбрового лица.

– Вихрян, – велел всадник с бабьим платком, – проводишь этих... артан до самого стольного града! Следи, чтобы им не чинили помех, но посматривай, чтобы и они не своевольничали. Если что...

Скилл посмотрел насмешливо.

– Если что?

Всадник сказал Вихряну:

– Если что... скажешь об этом тем, кто встретит их в Куябе.

Он подал коня назад, Вихряну подвели тучную коротконогую лошадь. Артане с молчаливым презрением смотрели, как он сунул ступню в стремя и взобрался в седло с натугой, кряхтя и хватаясь за луку.

Этот Вихрян в разговоры не вступал, прищипоренный конь пошел бодрым галопом, и почти весь остаток дня видели только его спину. Он держался впереди за сотню шагов, время от времени оглядывался, словно в самом деле мог бы обогнать их на своем коротконогом толстом коне, больше похожем на брюхатую корову.

Башня и каменные дома выросли, приближались. На высокой каменной стене можно было различить зубцы для стрелков из луков, закопченные жаровни, груды камней. Дорога повела к воротам. Массивная башня высилась только с одной стороны ворот, но Придон всей кожей ощутил, как от нее веет недоброй мощью. Над воротами широкий козырек, острые глаза Придона издали заметили сложенные горкой камни, закопченные бочки, оттуда будут лить кипящую смолу на головы и плечи осаждающих.

Наверху в башнях заблестало оружие, показались мужские лица. Из пристроек, которые при осаде будут сожжены, не артанами, так самими же куявами, торопливо выбежали воины с нелепыми копьями. Провожатый что-то крикнул, воины разбежались, послышался скрип, ворота медленно поднялись.

Придон заметил, как обменялись насмешливыми улыбками Аснерд и Вяземайт. В самом деле, подумал он пристыженно, чего я утратил? Каменных стен? Как будто нельзя объехать эту маленькую крепость по окрестным полям и с окровавленным куявской кровью топором двигаться на столицу!

Крепостица уплыла, даже ускакала за спину, впереди простор, но усталые кони перешли на рысь. Лошадь их провожатого вообще едва тащилась, он постоянно понукал, она мотала головой, со всем соглашалась, но скорости не прибавляла.

Скилл поравнялся с ним, на своем горячем тонконогом жеребце он высился над куявом почти на две головы.

– Ты кто?

Воин поколебался с ответом, взгляд уперся в горизонт, горы маячат вдали, но не приближаются, так что колдуны с ответом не помогут, а дорога ведет параллельно горному хребту.

– Берич Вихрян, – сказал он неохотно. – Десятник сторожевого поста.

– Берич? – удивился Скилл. Аснерд и Вяземайт тоже посмотрели на куява, подъехали ближе. – А что ты всего лишь десятник?

– Я разжалован в песиглавцы, – процедил куяв.

– Ого! – сказал Скилл. – За что?

– Дал в рыло знатному беру.

– За что?

– Приставал к моей невесте.

– Ого, – повторил Скилл уже с уважением, – да за это надо не только в рожу!

Куяв усмехнулся, в глазах блеснуло злое веселье.

– Так и вышло. И хотя были свидетели, что он первым... но у меня нет такой знатной родни, таких земель и таких богатств. Словом, он остался в Куябе, хоть и калека, а меня... меня вот сюда.

С другой стороны подъехал Аснерд, прогудел добродушно:

– Не горюй!.. Зато дышишь свежим воздухом у реки, а не смрадом в их вонючих тесных городах. Ловишь рыбу и ешь, а не покупаешь тухлую на базаре. А когда начнется война, первым скрестишь меч с нашими удалцами!

Вихрян покосился, не издевается ли артанин, вздохнул, уже знает странное для куявов убеждение, что самое интересное для мужчин – скрестить оружие с равными себе по силе. А еще лучше – найти такого мордоворота, чтобы, всем на страх, задраться с ним, дабы взрастить себе славу на зависть соседям.

Глава 2

От кордонной речки ехали, мчались, а кое-где и едва ползли шагом. Ночевали на постоянных дворах, их полно на перекрестках дорог. Придон все дивился: в этой проклятой стране колдунов и подлых людей такие же стада скота, такие же гуси прут на озеро, а их мерзкие пастухи щелкают кнутахми так, что не отличишь от щелканья кнута артанина.

Вдоль дороги ровной стеной вздымаются ухоженные деревья, словно нарочито посаженные так, что закрывают поля от взглядов проезжающих. Придон загляделся на красивую, как игрушечную, елочку, но Тур, перехватив взгляд, тут же проворчал наставительно:

– Тупое дерево! Не может отличить зимы от лета!

Придон не нашелся что сказать, но услышал Вяземайт, возразил:

– Зато красивое.

Тур раскрыл рот.

– Э-э... чем?

– Верное, как артане. Никогда не изменяет богам весны и лета. Гордо носит свой зеленый наряд, когда все остальные трусили, покорно разделись... Ее ненавидят за то, что осмелилась бросить вызов, не покориться. Я люблю ее! Она – частичка моей гордой непокоренной родины. Елочка, соловьи, водопады, прекрасные цветы... намного прекраснее тех красавиц, с которыми их сравнивают!

Аснерд прорычал:

– Ты прав, хоть и сменил топор на жезл! Ель в самом деле частица нашей гордой родины. И везде, где растет, наша земля. По праву! Подлые куявы лишь временно захватили эти земли и укрепились на них с помощью подлой магии и черных колдунов!

Вяземайт кивнул, но глаза неотрывно следили за Скиллом, что с проводником вырвались далеко вперед. Далеко на горизонте заблестала дивная искра. Проводник оглядывался, его руки взлетали к небу, как крылья мельницы, а Придон с замиранием сердца всматривался в то, что издали выглядит осколком слюды.

– Куяба? – спросил он с жадностью.

– Красиво? – поинтересовался Аснерд.

– Очень!

– Это Белая Вежа, – сообщил Аснерд с усмешкой, – заурядная каменюка. Ничего особенного. Человек сто воинов за ее стенами. Таких в Куявии сотни. Если не тысячи. А Куяба... о, ты еще раскроешь пасть так, что стая ворон влетит.

Придон привставал в стремени, крепость проплывает далеко от их дороги, немыслимо огромная, даже более огромная, чем понял сразу, ибо из веж белая только одна, ее и заметил сразу в ярком солнечном свете, а остальные башни и толстые стены сложены из темных и серых камней. Все это поросло зеленым мхом, и на фоне зеленой долины крепость теряется так, что можно с разбегу удариться мордой.

– Таких в Куявии много?

– Много, – вздохнул Аснерд. – Этот трусливый народ не понимает таких красивых мужских забав, как удалые походы, сражения, набеги!.. А страшатся их так, что... сам видишь, как отгораживаются.

Вяземайт добавил наставительно:

– Куявы – ленивый народ. Им хоть горы ворочать, лишь бы лежать...

Еще несколько дней земля гремела под копытами, встречный ветер охлаждал разгоряченные лица. Однажды Аснерд крикнул довольно, его толстая, как бревно, рука повелительно указала вперед.

Сердце Придона учащенно забилося. Далеко-далеко на самом горизонте появился нещадный блеск, словно там поднималось второе солнце.

– Куяба?

– Она, – ответил Аснерд с некоторой торжественностью. – Жемчужина этой проклятой страны... Но пройти к ней непросто, слишком много на пути крепостей. А подъедем ближе, увидишь две черные башни.

Придон сжал кулаки. О страшных черных башнях любят рассказывать ночами у костра бывалые воины. Некоторые сами видели, как чародей может одним заклятием обратить целое войско в лед, еще больше слышали про их чудовищную мощь. Больше всего черных башен в горах, там что-то связано с самой магией, а на равнине только две башни, обе оберегают Куябу.

Сердце сразу пошло бить в ребра зло и требовательно, горячая кровь хлынула по жилам кипящей волной. Не могут колдуны свысока смотреть на мир, не могут быть выше и сильнее благородных воинов!

Кони все еще шли вскачь, далекая Куяба разрасталась, блистала на чистом синем небе, похожая в ярком солнечном свете на раскаленный до оранжевого блеска слиток. А сам слиток, уже видно, если прищурить глаз, окружен такой же сверкающей, просто снежно-белой стеной.

Коням передался трепет всадников, пошли наметом, став похожими на низко летящих над верхушками травы птиц. Город приближался, разрастался, стали отчетливее видны стены, ворота, золотые крыши дворцов. Придон чувствовал, как на загровке начинают шевелиться волосы. Город с такими стенами не взять штурмом никогда и никому!

Блистающий белым камнем город, расположенный посреди изумрудно-зеленой долины, показался ему утонувшим в разноцветном артанском борще. На ровной зелени, почти закрыв ее собой, торчат нелепые кочки шатров, крохотные фигурки людей еще неразличимы, но сама людская масса уже гадостно пестрая, яркая, словно все разом превратились в скоморохов.

Да куявы и есть скоморохи, сказал Придон себе презрительно. Кони все еще идут наметом, ветер треплет волосы и свистит в ушах, копыта стучат дробно и часто, как будто на деревянный пол сыплется горох из порванного мешка. Долина от края и до края запружена пестро одетым людом, эти яркие цветные шатры тянутся за горизонт, всюду выносные лавки с товаром, множество знамен и прапоров с гербами, эмблемами, слышен зов труб, крики зверей, рев скота, пригнанного на продажу...

Ярмарка, напомнил себе Придон, – самый важный праздник для этого торгашеского люда! Куявы – народ, который продаст отца и мать, если на этом заработает хотя бы медную монетку. И как боги терпят на земле таких людей?

Вяземайт сказал наставительно:

– Они полагают, что они, куявы, богаты. Но беден не тот, у кого мало, а кому надо много. Мы, артане, богаты! У нас есть все, что нам нужно. Мы умеем наслаждаться скачкой на горячем коне, а куяв остается несчастным в огромном дворце из золота...

Аснерд услышал, крикнул на скаку:

– Причиной бедности чаще всего бывает честность. А куявы никогда в честности замечены не были!

Конь несясь вдоль побережья, за поворотом еще не открылась обширнейшая гавань, но Придон уже увидел целую щетину мачт, похожих на обглоданный лес, где прошла гусеница загульника. Даже ему, степняку, показалось, что мачт чересчур, чересчур... Тоже прибыли на ярмарку, торговые души! Нет мужчин в Куявии, ибо настоящие предпочли бы праздник Танца с Мечом или же кровавое жертвоприношение чужаков свирепой богине Табитс.

Каменная гряда медленно уползала в сторону. Взору открылся залив, где в беспорядке перемешались огромные корабли людей с юга: в бортах по два ряда весел, быстрые и свирепые боевые корабли северян, эти предпочитают ходить под парусом, хотя и на веслах им нет равных, но больше всего кораблей презренных куявов: толстые, с раздутыми, как у коров, боками,

забитые товаром, пусть даже самым никчемным, вдобавок эти куявы снуют на лодках между большими кораблями, что-то предлагают, покупают, выклянчивают, торгуются...

Дальше ярмарка с долины сомкнулась с той частью торгашей, что устроили торг прямо в гавани. Придон вынужденно перевел коня на шаг, чтобы не подавить этих жонглеров, скорморохов, торговцев шелками, сладостями, цветными бусами, серьгами, душистыми маслами и притираниями, снова разноцветными платками и ожерельями, будто в этой стране совсем нет мужчин.

Впрочем, в одном месте увидел лавку оружейника, тот выложил на широкий стол искусно выкованные мечи, остро наточенные и хорошие по форме, но с такими яркими и неудобными рукоятками, что Придон презрительно засмеялся, словно заржал его конь, дал шпоры и поскакал к городу, уже не заботясь, если кого собьет или стопчет.

Конь Вихряна едва передвигал ногами, хотя песиглавец менял их у каждого сторожевого поста. Он с завистью посматривал на огненных коней спутников: с сухими мышцами, горячие, без единой капли жира, даже без подков, ибо от крохотной прибавки в скорости зависят жизни, тугие и выносливые, и сейчас выглядят так, словно только-только вышли на прогулку.

На расстоянии выстрела из лука от ворот придержали коней, Вихрян громко возблагодарил богов, а шестеро молча смотрели на стену, на город.

Куяба окружена просто чудовищной стеной, а по верху, говорят, могут проехать два всадника стремя в стремя. Сам город на возвышении, и целый ряд дворцов, башен и дивных многоэтажных строений, устремившись к чистому синему, почти артанскому небу, сумел высунуть крыши над верхом стены. Под заходящим солнцем крыши домов знати горят расплавленным золотом, есть – серебром, а у тех, кто победнее, – красной черепицей. Багровое солнце блестит и в окнах, где вставлены прозрачные пластинки слюды, тонкие, как кленовый лист, а то и еще тоньше.

Скилл молча повел дланью, указывая на южную часть города, там река, берег со стороны Куябы поднят, весь в ровных каменных плитах, как спина гигантской черепахи, и кажется, что сама городская стена уходит в далекие темные глубины воды и даже земли.

Аснерд хмыкнул:

– Хорошо укрепились, ничего не скажешь.

Олекса и Тур, что всегда следовали за спинами, молчаливые, как тени, заворчали, Тур сказал негромко:

– Трусые. Стены города – доблесть его жителей.

Придон со смешанным чувством смотрел на город, там тесно, великолепнейшие здания толкаются, то лезут вверх, то чуть ли не через стены, являя собой дивное богатство и красоту. Почему боги такую красоту и богатство дали презренным куявам?

Аснерд проговорил с затаенной гордостью:

– Что умеют куявы, так это строить!.. Как муравьи, копают, роют, тащат в свои норки. А потом и вовсе уже не норки, а купола над норами... В этом городе столько мрамора и черного гранита, целую гору можно сложить! А тащили издалека, представляешь?

Придон невольно повернулся в седле в сторону далеких, очень далеких гор. Как из такой дали тащить хоть одну глыбу, видно же, из каких брыл сложены стены?

– Не морочь ребенка, – проворчал Вяземайт. – Мрамор ломали вблизи, покажу заброшенные каменоломни. Гранит, правда, издалека, верно. Но это ж куявы, для защиты своих трусливых душ чего не сделают!.. Будто за стенами можно отсидеться.

На самой вершине гигантского пологого холма со срезанной верхушкой – величественный дворец, крыша блестит червонным золотом, стены из белого мрамора, три этажа, вдоль окон последнего, третьего, идет широкий балкон, можно пробежать вокруг всего здания, заглядывая в окна и вламываясь в двери.

– Дворец Тулея, – объяснил Аснерд. – Тцарский, построил еще Видевдат, потом, правда, перестраивали, расширяли, украшали...

Вяземайт хмыкнул:

– Расширяли!.. Твой Видевдат построил мелкий курятник! Из камыша, если вообще... не при коне будь сказано. Вспомни, какое время было.

Аснерд подумал, почесал в затылке, взгляд стал задумчив.

– Да, подзабываю...

Над главными воротами, распахнутыми во всю ширь, распростер крылья бронзовый дракон. На каменных стенах справа и слева от ворот во всю высь каменные рыла разъяренных драконов. Аснерд уважительно покачал головой, Вяземайт придержал коня и всмотрелся с холодноватым отрицанием, а Придон стиснул челюсти в немом бешенстве.

Скилл сразу уловил перемену в настроении брата, в глазах засверкали веселые искорки.

– Брось, – сказал он легко, – на всю Куявию не найдешь сотни человек, которые бы видели живого дракона! Это все спесь, спесь...

– Знаю, – процедил сквозь зубы Придон. – Это и бесит.

Скилл расхохотался.

– Пусть убоженькие гордятся. Мы-то знаем настоящую цену.

Придон хмуро промолчал. Драконы живут только в дальних отрогах Рипейских гор, нашлись безумцы, что приручили... Не так, как люди собак, собаки – преданные друзья, а как приручают быков или лошадей, но теперь это гордость всей Куявии. Мол, ни один народ не настолько отважен, чтобы вступить в союз с драконами! Однако же быков или коней используют по всей Куявии, а драконы и сейчас живут сами по себе, в войнах их не видели, а все, что удавалось куявам, – это пролететь раз-другой на спине дракона. Но непонятно, что потом. Может быть, дракон потом съедает наездника.

Из ворот медленно выдвигались, словно город выдавливал тесто, одинаково тучные, неповоротливые люди. Все в цветных одеждах, свободных, похожих на женские, все неторопливые, будто плавающие в теплой воде. Вперед, как облако, выплыл на коротких толстых ногах непомерно тучный мужчина с выпирающим животом. Он отдувался на ходу и вытирал потное лицо широким рукавом.

Артане пустили коней шагом, а когда до встречающих оставалось не больше пяти шагов, Скилл вскинул руку ладонью вперед. Это было небрежное приветствие и одновременно приказ своим остановиться.

Толстый человек с натугой поклонился. Его мясистое лицо сразу налилось кровью, а толстые складки на необъятной шее побагровели.

– Меня зовут Череве, – сказал он придушенным голосом. – Череве, наместник земель Лесогорья, бер из рода Улиновичей. Великий тцар благословенной Куявии, блистательный Тулей, велел мне встретить дорогих гостей и вообще... показать город. Если надо, помочь, дабы не претерпели неудобств.

Скилл захохотал:

– Неудобств? Я сам умею расстегивать портки.

За его спиной загоготали. Череве снова поклонился, но уже чуть-чуть, развел руками.

– Мир между нашими странами едва-едва установлен. Малейшее нарушение обычаев... даже по незнанию... и новая бойня? Хочешь ли этого ты, старший сын тцара?

Скилл внезапно стал серьезным.

– По крайней мере, – ответил он сухо, – не сейчас. Но поспеешь ли за нами, бер?

Череве щелкнул пальцами. Из ворот бегом вывели красивого коня под дорогой попоной и с расшитым золотом седлом. Уздечка и вся сбруя блистали как жар, украшенные золотыми и серебряными бляхами. Один воин поспешно опустился на колени, а еще два помогли Череву

взобраться на коня. От усилий вельможа побагровел еще больше, лицо и толстая шея едва не лопались от прилива дурной крови.

Оглянулся на артан, те наблюдали с издевкой во взглядах, пробурчал:

– Ничего не понимаете... Для счастья любой женщины нужен мужчина, а для полного счастья – полный мужчина. Не какой-нибудь обрубок дерева, как... гм, словом, следуйте, если сумеете, за мною...

Придон косился с гадливостью. Белое жирное тело, похожее на кожу червяка, что роется в толще земли и никогда не зрит солнца, жирные складки на щеках, шее, на боках выпирают целые валики. Это не воин, не работник, вообще не мужчина.

Медные ворота города, толстые и с выступающими драконами из начищенной меди, Придону показали створками гигантской раковины. Он почти ожидал увидеть за ними мягкое рыхлое мясо перловицы. За воротами в самом деле открылось пестрое, неопрятное – рыхлое и гадкое мясо дешевого базара, пахло нищими, больными и чем-то гадким, гниlostным, что может существовать только за такими вот высокими и непродуваемыми стенами.

Скилл ехал впереди, Аснерд и Вяземайт по бокам, приотстав на полкорпуса, а Придон, так и не найдя себе места, тащился сзади, даже за Олексой и Туром, зато можно глазеть по сторонам, никто не одернет.

За воротами копыта застучали звонче. Придон почти со страхом увидел брызги оранжевых искр из-под копыт их коней. Всюду, куда достигал взор, вместо земли блестят каменные плиты. Мальчишки с разбегу плескали на них воду, смывая пыль, солнце отражается в мелких лужицах и мокром камне.

Череву придержал коня, Придон не слышал, что проводник говорит Скиллу, с жадностью стрелял глазами по сторонам, в то же время стараясь держать лицо суровым и неподвижным, а смотреть, как и надлежит мужчине, красиво, гордо и только прямо перед собой.

С внутренней стороны к городской стене лепятся дома, но неопрятные, хоть и каменные. Много нищих, зато дальше дома добротные, улицы чистые, а народ одет богато, не по-мужски ярко. Встречались мужчины, женщины, много детей, все останавливались, с испугом и суеверным восторгом начинали рассматривать мускулы проезжающих гостей Куябы. Качали головами, в глазах ужас и детское удивление.

Придон чувствовал, что среди этих одетых с ног до головы, словно больных людей они выглядят как сказочные герои. Могучие, рослые, на таких же огромных могучих конях, обнаженные до пояса, с блестящей на солнце здоровой кожей сильных мужчин, смотрятся как шесть быков среди стада коз.

Странно, он не ощутил со стороны куявов вражды или страха. Он сам почувствовал бы вражду к человеку, который едет вот так, как они: разведя плечи, напрягая мышцы, играя мускулами, это же вызов, но куявы только тарасили глаза, качали головами, а когда артане проезжали, Придон еще долго чувствовал на спине пораженные и опять же восторженные взгляды.

Из большого богатого дома выпорхнула стайка молоденьких девушек. На ходу смеялись, сплетничали, но, увидев проезжающих Скилла, а за ним страшноватых даже для артан Аснерда и Вяземайта, могучих Олексу, Тура, Придона, замерли, как испуганные степные зверьки. Их большие блестящие глаза провожали статные фигуры артан с непонятным выражением.

Придон поспешно выпрямился в седле. Плечи красиво развернуты, а когда девушки повернулись и стали смотреть на него блестящими любопытными глазами, вскинул руку и поправил медный обруч, что прижимает волосы на лбу. При таком движении мышцы могучей длани играют особенно красиво...

Он знал, что кожаные брюки плотно обтягивают его сильные икры, а сапоги сшиты лучшими умельцами Артании. И еще он знал, что со своим устрашающе суровым лицом с тремя шрамами пугает женщин и в то же время притягивает их взоры, как притягивает иной раз пропасть или темный омут.

Щеки молодых куявок заалели, но все рассматривали в упор без привычной застенчивости артанок, а когда поравнялся с ними, одна задорно показала язык, а вторая громко пожалела, что он на таком красивом коне обнажен только до половины, какая жалость, она бы тогда за таким красавцем бежала до тех пор, пока бы он не остановился...

Придон ощутил, что теперь покраснели щеки уже у него самого. Он проехал мимо надменный и неподвижный, не зная, что сказать и как отреагировать, и только страшился, чтобы еще не покраснела и спина под их взглядами.

Черев, проводник, вел их по главной улице, а с соседних доносились запахи свежего хлеба, сырых и уже выделанных кож, горьковатый аромат горелого железа, сырой и обжигаемой глины – из-за высоких заборов слышалось конское ржание, надсадный рев верблюдов, бляенье коз.

Придон покосился на двух богато одетых мужчин, что остановились так внезапно, словно их дернули сзади. Не бездельничающие торговцы, явно богатые горожане, вельможи. Сразу вперили удивленные глаза в проезжающих артан, Придон ощутил их острые как булавки взгляды.

Один сказал потрясенно:

- Ты смотри!.. Я таких здоровяков еще не видел.
- Да, – согласился второй, – у них мышцы, как у... даже не могу припомнить!
- У Гертона?
- Пожалуй, Гертонд будет послабее, – сказал второй.

Придон чувствовал, как взгляд вельможи скользит по его могучему телу, инстинктивно напряг мышцы. В теле разливался жар, кровь кипела и раздувала мускулы, и без того толстые, могучие.

- Ты прав, – согласился первый. – Гертонд рядом с ними мальчишка.
- Да, это просто быки, а не люди!... Я даже не подберу слов.
- Смотри-смотри, у них даже волхв...
- Да что волхв, ты взгляни на этого мальчишку!.. Его плечи двумя руками не обхватить!

Остались далеко позади, но Придон чувствовал, как взгляды разодетых, как селезни, вельмож скользят по его бугристой от мышц спине, широченным плечам, и велел мускулам вздуться еще больше. Пусть считают его мальчишкой, но даже артанский мальчишка справится со взрослым куявом.

Здания тянулись по обе стороны высокие, от стен несло полуденным жаром. Копыта коня Черева звенели звонко и чисто, искры выскакивают быстрые, но все же заметные даже в солнечный день, а что будет вечером или ночью? Проклятые куявы уродуют коней этими бронзовыми штукаками, что приколачивают к копытам, в то время как артанские кони вольно скачут по степи без всякой тяжести на ногах.

Проезжая мимо переулочка, он увидел, как двое обнаженных до пояса людей тащат тяжело груженную телегу. Оба потемневшие от беспощадного солнца, крепкие, жилистые. Собственно, одеждой им служат разве что набедренные повязки, словно оба направляются на состязания в честь Волшебного Меча.

Придон догнал Скилла, спросил:

- Это что, артане?

Скилл повернулся, Придон успел увидеть гнев в лице старшего брата, успел подумать, что плохо придется тем, кто держит вольных артан в плену, но Скилл лишь бросил короткий взгляд на впряженных в телегу, отвернулся с ледяным безразличием.

- Нет. Поехали, поехали!

Придон пустил коня следом, но не выдержал, оглянулся. Оба одетых так не по-куявски все так же тащили телегу, уже в гору, мышцы вздувались на руках, плечах, по всему телу, а голые ноги стали похожи на обвитые толстыми корнями стволы деревьев.

– А кто?

– Да так, – отмахнулся Скилл. Он настороженно всматривался вперед. – Поехали, не отставай!

– Не отстаю, – крикнул Придон сердито. – Ты чего? Тебя как зачаровали! Я брат тебе или не брат?

Скилл оглянулся, в глазах мелькнуло виноватое выражение.

– Прости. Там чуть дальше дом одной... гм... знакомой... отца. А муж ее в это время обязан бывать у тцара. Прости, брат!.. Но эти жалкие люди недостойны твоего внимания. Это всего лишь рабы. Там дальше их будет намного больше. А если проедем мимо каменоломен, то там и вовсе, как муравьев...

Он некоторое время сдерживал коня, терпел ради брата, но конь сам, чуя нетерпение хозяина, перешел с шага на грунь, затем на рысь. Придон ехал сзади. Некоторое время двигались за Черевом, сокращая путь, по улочкам настолько кривым и тесным, что два таких широких всадника обдерут бока о стены, а надо еще и местный народ не пораздавливать... плечи обвисали все больше. Его сильный и мудрый старший брат едет все так же: гордо выпрямившись, могучие плечи разведены, грудь вперед, смотрит свысока, солнце играет на плотной, как у быка, коже, коричневой от жаркого солнца, обветренной... как у тех двух несчастных, что тащат повозку.

Теперь он по-другому расценивал взгляды куявов. Кто-то из этих жалких людей в самом деле смотрит как на героев, но кто-то... Те двое вельмож с крашеными бородами рассматривали не как героев. Скорее, как особо могучих рабов. Которых хоть в каменоломню, хоть на ловлю диких зверей...

Конь под Скиллом уже перешел в веселый галоп. Любой бы всадник пригнулся к конской гриве, но старший брат все такой же ровный, гордый, с надменно разведенными плечами и гордо вскинутой головой. Ему плевать, что о нем думают и как на него смотрят жалкие куявы.

Придон сжал челюсти, мысленно воззвал к Роду. Вообще-то Рода почитают как верховного бога и в этой Куявии, даже в загадочной Славии, но артане прекрасно знают, что только они, народ воинов, достойны внимания Рода! Остальные так... даже у великих родителей бывают неудачные дети. Род их любит, конечно, он всех детей любит, даже кривеньких, но все надежды возлагает на славный народ Артании.

Аснерд успел показать огромные дворцы беров Волога и Плеска, знатных наместников Нижней и Северной Куявии, что годами не показываются в Куябе, но дворцы по размерам, богатству и пышности соперничают с тцарским. Злые языки говорят, что и превосходят. Такую наглость ни в одной стране не потерпят, но нынешний тцар совсем выпустил вожжи из рук...

Придон рассмотрел еще с десяток удивительно красивых, богатых домов, сердце стучало часто и взволнованно, но дорога пошла с холма вниз, да и солнце заходит, нещадный блеск на крышах гаснет, на мир начала опускаться тьма, только город удивительнейшим образом засиял, словно на него одного продолжает светить солнце.

Аснерд проворчал:

– Я ж говорю, богатый город, богатый!.. Дорогого масла не жалеют, совсем не жалеют. Ишь, освещают даже улицы.

Вяземайт указал на высокий и длинный серый дом на перекрестке дорог.

– Постоялый двор. Заночуем.

– Еще ведь совсем рано! – взмолился Придон.

– А что нам ночью в этом протухшем городе делать? – хладнокровно сказал Вяземайт.

В восточной части города прозвучали трубы. Придон встрепенулся, более чистых звуков не слышал: боевые трубы артан всегда ревут хрипло и зло. А других труб, не зовущих к кровавой битве, не бывает, просто не должно быть: зачем они?

Его пальцы сжали рукоять топора. Скилл хмыкнул, и Придон, устыдившись, отдернул пальцы.

Трубы чисто и звонко прозвучали ближе, потом еще ближе. Артане видели, как с той стороны города вдоль улицы понеслись всадники в дорогах одеждах. Народ разбежался, прятался в дома. Мать выскочила и поспешно увела играющих детей.

Череву вскрикнул умоляюще:

– Вам нельзя здесь стоять!.. Вернемся обратно... там, в переулке, переждем за углом...

Придон вспыхнул до корней волос от стыда и унижения. Воины заворчали, Скилл обронил веско:

– Мы останемся.

Череву вспикнул, торопливо соскочил на землю. Скилл фыркнул, но знатный бер, бросив коня, начал пятиться, пока не очутился за крупами артанских коней. На площади народ не бежал, у торговцев здесь лавки, товар, но все становились на колени, опускали головы, как покорные рабы, которым отрубят головы.

Скилл сидел в седле неподвижный, надменный. Конь превратился в скалу – такой же могучий и несокрушимый, только чуть помахивал хвостом, чуя, как в зад дышит испуганный куяв, но лень поднять ногу и треснуть копытом. Придон, подражая все знающему брату, тоже выпрямился и сделал лицо каменно недвижимым, хотя внутри все бурлило и клекотало.

Трубы прозвучали совсем близко: звонко, предостерегающе. В дальнем конце опустевшей улицы показались легкие носилки с красным покрывалом сверху и голубыми занавесками со всех четырех сторон. Носилки легко держали на плечах четверо крепких мужчин, все обнажены до пояса, все широкоплечие и широкогрудые, мышцы вздуваются красивые, выпуклые.

Придон ощутил смутное желание не то съежиться, не то вообще укрыться под какой-нибудь одеждой. Но, как истинный артанин, раздвинул плечи шире, выпятил нижнюю челюсть и постарался смотреть как можно неприятнее.

За спиной визгливо причитал Череву, вдруг умолк, как свинья с кляпом во рту. По обе стороны носилок тяжело бухали в землю сапогами на толстой подошве очень богато одетые воины. Настолько богато, что Придон ощутил в этом странную красоту: пышные перья на железных шлемах, нагрудные латы, украшенные фигурами диковинных зверей, руки и ноги закрыты железными щитками, а зазоры искусными кузнецами сделаны такими незаметными, что даже лезвие ножа не просунуть! Таких только боевым молотом, чтобы всмятку, как птичьи яйца...

А при одном взгляде на обувь сердце Придона дернулось от зависти. Легкая, из тонкой кожи, но с виду очень прочная, хороша и в степи, и в лесу, и на горных тропах...

Носилки приближались, воины начали поглядывать на неподвижных артан угрожающе. Кое-кто опустил ладонь на рукоять меча слева на поясе, на ходу прожигал этих дикарей ненавидящим взглядом. Впереди носилок на красивом и богато украшенном коне ехал немолодой человек, весь в золотых пряжках, кольцах, цепочках, в широком брыле, даже сапоги блестят золотыми набойками. Конь тоже с золотыми бляшками на узде, золото на стремянах, подпруга и та украшена золотым шитьем.

Всадник угрюмо и с неприязнью покосился на артан, на лице отразилось колебание, но конь мерно двигался давно известной дорогой, и его хозяин, такой же немолодой и умудренный жизнью, похоже, решил проигнорировать дикарей.

От носилок исходил свет, настолько ткань чистого небесного цвета, радостная, словно смех ошастливленного ребенка. Этот свет падал на носильщиков, достигал охранявших носилки великолепных воинов, явно из знатнейших семей беричей, а то и беров. Придон невольно тронул коня, неосознанно стремясь, чтобы этот свет, эта небесная благодать пала и на него.

Носилки проплывали мимо всего в пяти шагах. В щели между занавесками показалась белая нежная рука, тонкая и с множеством колец на пальцах, отодвинула на короткий миг... На Придона взглянуло удивленное девичье лицо.

Глава 3

Он выронил повод, обе руки ухватились за грудь. Вдруг взбесившееся сердце пыталось разломать свою темницу и, вырвавшись на свободу, броситься под эти носилки. Кровь вскипела, в ушах раздался грохот, словно понесся табун в сто тысяч голов. Ноздри раскалились от горячего дыхания, а губы сразу пересохли и покрылись коркой.

Занавески опустились, тонкие пальцы исчезли, словно последние лучики солнечного света. Носилки проплыли, удаляющиеся подошвы сапог мерно бьют в каменные плиты. За носилками еще с десятков пеших воинов, тоже одеты так, что за одну пряжку на одежде можно купить стадо скота, но Придон ничего не видел, не ощущал, кроме того, что носилки уходят, уплывают, удаляются, уносят там, за этими занавесками, его воспламененное сердце.

Сильная рука старшего брата с такой силой натянула повод его коня, что Придон едва не вылетел через конскую голову.

– Куда собрался?

Придон вскрикнул:

– Кто это был? Брат, кто это...

Скилл сдвинул плечами, оглянулся. Из-за коней вынырнул Черевое, бледный, глаза навывкате, губы дрожат. Суетливо отряхнулся, ибо какой-то из коней, воспользовавшись остановкой, вывалил ему на одежду и сапоги груды теплых пахнущих каштанов.

– Повезло! – вскрикнул он счастливо. – Просто повезло!.. Нам нельзя было даже смотреть в ту сторону!

Скилл обронил спокойно:

– Артане без страха смотрят в лица даже богам.

– Вы не понимаете, – проговорил Черевое торопливо. – Это Итания, дочь тцара! Она так нежна, что если мимо пролетит даже самая крохотная в мире бабочка, то Итания мерзнет от взмахов ее крыльев! Если в ее комнату ворвется солнечный луч, то мгновенно обожжет ее кожу!.. Она...

Придон слышал и не слышал, перед остановившимися глазами все еще та откинута занавеска, а прямо на него смотрит девичье лицо с высоко подведенными бровями. Она казалась удивленной. Придон ощутил себя так, как если бы его в солнечное сплетение лягнул конь.

Черевое прав, что там боги, разве их можно равнять с Нею? Богов множество, а она – Единственная.

Могучая рука с такой силой тряхнула за плечо, что лязгнули зубы.

– Что с тобой?.. – спросил Скилл резко, Придон уловил в голосе брата глубоко запрятанную нежность и тревогу. – Тебя не околдовали?

Придон сказал хриплым голосом:

– Брат мой... Разве это дочь тцара?.. Нет, это само солнце... Я ослеплен, я ничего не вижу, кроме ее лица, кроме ее глаз!

– Проклятые колдуны, – пробормотал Скилл люто. Пальцы его метнулись к боевому топору. – Уже навели порчу!.. Держись, брат. Мы – сильные. Им нас не сломить, не запугать.

Аснерд и Вяземайт сделали отгоняющие знаки, а Черевое посматривал на артан с испугом. По мясистому лицу снова покатился пот, а щеки обвисли еще больше. Скиллу даже показалось, что толстяк побелел от страха.

– Я не хочу, – прошептал Придон, – чтобы от меня отводили эту порчу...

– Это Итания, – повторил Черевое торопливо. – Ваше счастье, что вы – артане! Любой куяв уже поплатился бы головой. Никто не смеет на улицах смотреть на дочь тцара даже искоса, даже украдкой. А ты, дерзкий, смотрел в упор! Не удивлюсь, если на ее нежной коже будут кровоподтеки.

Придон воскликнул воспламененно:

– От моего взгляда?.. Да я всю кровь отдам, только бы ни пылинка ее не коснулась! Я... я...

Он сам поперхнулся горячим потоком, что фонтаном вырывался из души. Скилл засмеялся, похлопал по широкой спине брата ладонью. Звук был такой, словно шлепал коня по крупу.

– Ах вот оно что, – сказал он с облегчением. – Это колдовство мы все знаем. Ты сам готов стать той занавесью, что защищает ее от солнца, ты сам готов убить всех носильщиков и носить ее сам, ты многое... даже все готов! Но сейчас утри слюни и сопельки, прими надлежащий вид. Мы едем не просто зреть погрязшие в роскоши земли, где скоро будут пастись наши кони. Нам надлежит увидеть и услышать больше, чем удастся узнать торговцам и не совсем торговцам, что ходят здесь под личиной торговых людей. Мы – сыновья тцара! Значит, должны видеть и понимать больше.

Голос его накатывался, как могучие волны. Когда дует южный ветер, вода поднимается на высоту двух копий, жители прибрежных сел бросают все и бегут, но Придон сейчас превратился в тот утес, что даже не замечает этих волн. Целое море прокатывается мимо, оставив на камне клочья пены, а он все такой же, смотрит поверх волн на далекое золотое облачко.

– Брат, – прошептал он.

Голос дрогнул, Придон со страхом и стыдом ощутил в горле тугой комок. Только дважды он проглатывал этот ком: когда умерла любимая собака и когда видел умирающую мать. Сейчас же никто не умер, напротив – он увидел самую красивую... да что там красивую, нет слов, чтобы выразить то, что увидел... но в груди тоска, глаза щиплет, душа в тревоге, словно оказалась на краю пропасти.

– Брат, – повторил Придон с трудом, – брат мой... Я ничего не понимаю. В один миг простой и ясный мир кто-то смел одним ударом... как проигравший игрок сбрасывает доску с костями! Я околдован, ослеплен и ничего... ничего не понимаю, что ясно знал раньше! Все не так, все не так. Но одно точно: я жил... я существовал не там, где должен!

Скилл проворчал уже с некоторой тревогой:

– Придон, ты что-то не то говоришь.

– Да все то, – сказал Придон смятенно, – теперь я здесь, с тобой. Потому что эта Итания здесь, в этом мире. Мы с ней ходим под одним солнцем. Брат мой, я ничего не вижу, кроме ее лица!.. Я не слышу, о чем говорят, в ушах звучит ее волшебный голос. Прости, но я не смогу ничего запомнить и рассказать на Совете.

Скилл хмыкнул:

– Но о тцарской дочери рассказать же сможешь? Кстати, как ты услышал ее голос, да еще волшебный?

Придон смотрел растерянno, за спиной Тур хмыкнул:

– А ведь ротик не открывала, все верно!

– Все равно, – прошептал Придон. – Я слышу... Даже сейчас.

Аснерд довольно гоготнул. Вяземайт сочувствующе качал головой, Олекса и Тур откровенно пялили глаза. Придон сказал растерянno:

– Нет. На свете нет таких слов... Их еще не придумали! Брат, я схожу с ума, но я умру, если завтра же ее не увижу. Не знаю, что со мной, но я прошу тебя... Иди к куявскому тцарю, проси отдать ее за меня! Проси, уговаривай, умоляй. Я не могу без нее жить, дышать, смотреть...

Скилл хмурo молчал. Аснерд громыхнул:

– Да, разбежался!.. Так и отдаст!

Скилл после долгого молчания вдруг сказал:

– А почему нет?

Воевода уставился во все глаза.

– Ты чего?

– Ее отдать могут, – сказал Скилл. – Мы разве не тцарская кровь?.. Кроме того, Куявия всегда в страхе перед нашей растущей мощью. А этот брак мог бы укрепить союз. Если не союз, то все-таки родство! А это обязывает.

Аснерд скептически хмыкнул:

– Как будто родня не режет друг друга! Еще как... Но если говоришь так, то, наверное, правильно. Ну что, поедем?

Он подобрал поводья, толкнул коня под бока каблуками. Скилл смотрел с сомнением.

– Вот так на коне во дворец? Боюсь, эти тупые куявы не поймут наших шуток. Хотя, конечно, хорошо бы вот так подъехать к трону, сообщить тамошнему тцару свое решение, девку поперек седла и – в родную Степь!

– Хорошо, – сказал Аснерд убежденно. – Так едем?

Скилл вздохнул:

– Куявы будут против. А с этими свиньями придется считаться. Пока что. Мы на их земле, а когда договаривались о торговле и свободном проезде, то клялись соблюдать обычаи друг друга.

Аснерд промолчал, но обидчиво вскинулся Вяземайт:

– Так наши обычаи правильные, их все должны соблюдать! Но почему мы должны блюсти их дурости?

Череву слушал их с ужасом, мясистое лицо побелело, а толстые губы съежились.

– Что вы говорите? – вскричал он. – Как вы можете?.. Вы же знаете, что это невозможно! Вам плевать, что мне голову снимут, но вы сами вызовете войну! Что, к вашему тцару можно вот так на коне... в шатер? Или в шалаш, что там у вас? Вы же понимаете, как трудно вообще...

Аснерд тяжело громыхнул:

– А трудности надо преодолевать!

Череву огрызнулся:

– Только артане преодолевают трудности. Куявы их обходят.

Он волновался, хрипел, брызгал слюной. Скилл брезгливо подал коня в сторону. Аснерд покосился на тцаредворца и покачал головой. Вяземайт смотрел поверх крыш в сторону храма куявских богов.

Скилл поморщился.

– Ты прав, но только чуть-чуть. Если чужеземцы просят нашего тцара о встрече, тот обычно допускает их. Не сразу, это неприлично, но через день-другой...

Череву всплеснул короткими, как у уродца, ручками.

– Так я о чем и говорю! Дайте время. Я сегодня должен рассказать тцару, что встретил вас и определил в доме, где вас и коней покормят, одним – овса, другим – мяса... вы только напомните, кому из вас овес, а кому мясо, а там в разговоре передам вашу просьбу...

Вяземайт рыкнул:

– Просьбу?

Скилл похлопал волхва по плечу. Тот засопел и отвернулся. Череву продолжал, но глаза пугливо поворачивались в орбитах в сторону свирепого артанского волхва:

– Думаете, только у вас блюдутся какие-то приличия? Простолюдину велят, а к тцарам обращаются с просьбами. Я вам предложил возможность, а вы... а вы...

Скилл сказал успокаивающе:

– А мы не такие дураки, чтобы отказываться. Только насчет дома и корма, это ты зря. В Куябе есть постоянные дворы? Вот там и остановимся. У нас есть чем платить за ночлег и еду.

Череву развел руками. Посмотрел на Скилла, снова развел руками.

– Хорошо, – сказал он наконец. – Как хотите. Что я могу?.. Только проводить до постоянного двора, который выберете, конечно же, сами. Вам же надо выказать свою независимость? Ну вот. А мне надо знать, где и под каким столом вас искать.

Скилл кивнул, обратился к друзьям:

– Видите, все понимает! А вы говорите, тупые куявы, тупые...

Аснерд ехал впереди, все такой же влитой в седло, недвижимый, но теперь указывал кивком или глазами на дворцы, улицы, площади, называл, рассказывал, объяснял: он бывал в Куябе в молодости часто, знал где и что.

Он и привел к постоянному двору, где, по его словам, кормили почти по-артански, что значило – хорошо кормили. Придон издали увидел дом в два этажа, весь задвинут в глубину широкого двора, ворота гостеприимно распахнуты. Конь радостно ржанул, бодро тряхнул гривой, мол, совсем и не устал, просто интересно зайти, посмотреть на этот постоянный двор.

Вяземайт насмешливо скалил зубы. Аснерд перехватил его взгляд, кивнул, соглашаясь, да, перебор, у этих жалких куявов нет ни достоинства, ни чувства меры. Придон проследил за их взглядами: намалеванные драконы на стене, дракон из дерева на крыше, еще глаза царапнули два толстых столба на въезде в постоянный двор – поднявшие к небу морды драконы ждут приказа богов броситься на обидчиков.

Аснерд сказал насмешливо:

– Видишь? У этих крылья с крючьями на концах. Ну как?

Вяземайт коротко хохотнул.

– А ты не заметил дом бера, что мы проехали... нет, по ту сторону базара! Там дракон во всю стену. Так вот у него на голове гребень.

– Как у петуха?

– Да. Только во всю спину.

Оба захохотали. Придон подумал завистливо, что ветераны умеют замечать такие тонкости, что сразу хвастливых куявов на чистую воду. Если одни изображают драконов так, а другие иначе, то, значит, драконов попросту не видели.

– А какие драконы у них на щитах? – спросил Вяземайт.

– Думаешь, не заметил? С ящериц делали. Для куявов и ящерки – драконы!

Двор широкий, с длинной коновязью, конюшней и тремя пристройками к главному дому. Из одной несутся мерные удары молота, из другой пахнет свежим хлебом, в третьей торгуют горшками из красной глины. Когда Придон еще только въехал во двор, на прилавке было три горшка, но затем один сдвинулся, и Придон понял, что это не горшок, а огромная красная рожа горшечника, такая же круглая, огромная, с торчащими, как ручки, оттопыренными ушами.

Он вздрогнул от могучего шлепка по голой спине. Аснерд смотрел пристально, на широком окаменевшем лице проступила некая озабоченность.

– Очнись, Придон!

Придон пробормотал:

– Да я что, я ничего...

– На свете есть лишь одна женщина, – проговорил Аснерд наставительно, – предназначенная тебе богами. И если ты не встретишь ее, ты спасен.

Придон спросил настороженно:

– А если встречу?

– Погиб, – ответил Аснерд просто.

Придон смолчал, отвел взгляд в сторону. Аснерд снова шлепнул по спине, но уже иначе, как шлепнул бы идущего на гибель.

Олекса и Тур переглянулись, Олекса сказал хмуро:

– Любовь – это умопомрачение. Лечение только одно: палкой по голове.

– Если бы, – ответил Тур. – Думаешь, наш батя его уже не врезал бы? Как кроля между ушей?

Куявская корчма, как показалось Придону, почти ничем не отличается от артанской, разве что сложена не из обожженной глины, а из добротных каменных блоков. Это уже на века, снести лихим набегом артанской конницы непросто. Чем-то напоминает куявские дома, тот же камень, та же манера прятать дом в самой что ни есть глубине. Сам двор весь впереди, тут и колодец, и коновязь, и всякие пристройки вроде кузницы или пекарни. Здесь сразу видно, что корчмарь старается разрастить свое хозяйство до крупного постоянного двора, чтобы не только простолюдые, но и песиглавцы, а то и беричи не проезжали мимо.

Навстречу выбежал мальчишка, настолько услужливый и предупредительный, что явно сын хозяина, а не слуга. Он суетился, бестолково и храбро хватал коней под уздцы, пытался одновременно отвести их к коновязи и помочь гостям слезть на землю. Уже потом, когда Придон сидел в корчме, он вспомнил, что так и не рассмотрел услужливого мальчонку в лицо.

Аснерд с сожалением миновал корчму, сразу понес вещи в отведенную им комнату. Комната как комната, за одну серебряную монету – клетушка с ложем на дубовых чурбанах, стол и две длинных лавки. Тараканы, крупные и черные, как поспевший чернослив, с любопытством смотрели на новых постояльцев из всех щелей. Усики шевелились, ловили запахи, а заодно тараканы сплетничали и перемывали новоприбывшим кости.

– Вяземайт на ложе, – распорядился Аснерд, – он у нас старей, у него эти... кости... Вы двое – на лавках.

– А ты?

– Я у двери на полу, – гордо сообщил Аснерд. – Кто-то должен первым быть на варте?

Олекса сказал возмущенно:

– Обижаешь, батя... За что?

А Тур лишь сверкнул глазами исподлобья. Аснерд отмахнулся.

– Там за стеной еще комнатенка. Здесь не поместимся. Вам туда.

Вяземайт сказал обидчиво:

– Почему не я на полу? У меня кости не тоньше твоих.

– Зато внутри пустые, – пояснил Аснерд. – Вон, как у кур. Еще у гусей с виду кости толстые, а внутри... Эт чтоб летать легче. Из таких костей свиристелки делать хорошо. И всякие разные дудки, сопелки. Ты ж променял топор на жезл? Променял. Значит, кости у тебя пустотелые.

– А у тебя голова, – огрызнулся Вяземайт.

Аснерд постучал костяшками пальцев по лбу, прислушался. Постучал еще. Лицо стало задумчивым. Придон и даже Скилл остановились, смотрели заинтересованно. Наконец Аснерд сказал хладнокровно:

– Бреешь.

– Почему?

– Литая, – сообщил Аснерд гордо. – Без всяких пустот.

Он неторопливо прохаживался по комнате, похлопывал ладонью по голому животу. Звук был такой, словно поленом постукивали в каменную стену. Вяземайт смотрел выпученными глазами. В другое время и Придон ломал бы голову над связью пустотелых костей с магией, но сейчас поспешил сбросить перевязь с топором и повернулся к Скиллу:

– Пойдем обедать?

Скилл расхохотался.

– Уже проголодался?

– Не совсем, – ответил Придон смущенно, – я только...

Аснерд пророкотал благодушно:

– Не дразни мальчика. Ему все в диковинку. Должен посмотреть мир!

– Да, – сказал Скилл со странным выражением, – корчма... как раз и есть мир.

Придон быстро взглянул на старшего брата, выискивал в глазах искорки смеха, но лицо Скилла оставалось совершенно серьезным.

Они заперли за собой дверь, да не войдет никто другой, уши ловили гул голосов снизу, а ноздри трепетали от возбуждающих запахов жареного мяса. Пахло еще чем-то странным, волнующим, но эти ароматы Придон не знал, ноги сами несли по ступенькам вниз, говор все громче, долетели песни, хохот, выкрики...

Большое помещение открылось полностью, он остановился на лестнице, одним взглядом охватывая корчму. Стены не из бревен, а из красного обожженного кирпича, такие простоят дольше, да и далековато отсюда лес, а глина везде под ногами, потолок и стены черные от копоти, с потолочных балок свисают черные космы, паук бежит лохматый и черный, зато на уровне спин стены блестят, собрав пот и жир со всех приезжих, гостей и местных гуляк.

На стенах вместо дымных факелов чаши светильников, в воздухе плавает запах бараньего жира. Хорошо, не рыбьего. Между столами тот же вертлявый парнишка, и снова Придон не рассмотрел его лица. А тот ловко проныривал между столами, на подносе что-то коричневое, три глиняные кружки, слышен пряный запах...

Сейчас, когда он обвел взглядом всех, сидящих за столами, артане всей необъятной страны Артании показались родными братьями, настолько похожи друг на друга, в сравнении с этими людьми. Здесь белокожие и смуглые, одетые так же легко, как артане, и укутанные в меха, словно и среди лета мерзнут, одни в легких накидках, другие в лязгающем и громыхающем железе, кто-то ест мясо и рыбу, другие поглощают только пучки травы, словно и не люди вовсе, а какие-то козы, одни выглядят нищими бродягами, другие – тцарами в изгнании, ибо за кольца и браслеты на их руках можно купить целые города или нанять огромную армию.

Скилл с артанами уже выбрали пустой стол и призывно махали оттуда руками. Придон наконец очнулся, заставил деревянные ноги двигаться, проломился сквозь пар, дым, испарения, громкие голоса, крики, хохот, пьяные песни.

Аснерд прогудел довольно:

– Ну что, потряхнуло?

Придон прошептал потрясенно:

– Откуда... откуда столько дивных людей? Из каких стран?

Скилл отмахнулся.

– Да это все куявы.

– Но как же...

– Да так, – сказал Скилл еще равнодушнее. – Просто, как вороны, любят наряжаться. Вот и тащат в гнезда все яркое и пестрое, и на себя тоже цепляют. Как женщины... ну, им можно, так и мужчины.

– Что совсем стыд, – проскрежетал зубами Вяземайт. – Это позор, это оскорбление для мужчин! Такие люди должны быть уничтожены. А их землю должен заселить достойный народ.

Олекса и Тур переглянулись, волхв не сказал какой, но кто из артан не знает, какой из народов на свете самый достойный?

Подошел толстый мужик, одетый как луковица. Из-под одной одежды торчит другая, а из-под этой – третья. К тому же чувствовалось, что есть еще и четвертая, что сразу наполнило душу Придона неимоверным презрением. Тут же хлестнула волна страстного желания схватить Итанию на руки и увезти на быстром коне в вольную чистую степь, где чистый воздух, чистые реки, сильные мужчины и гордые женщины.

– Что будете есть? – осведомился мужик сиплым голосом.

Скилл покосился на Придона, губы раздвинулись в загадочной улыбке.

– Знаешь, – сказал он, – неси мясо... но зажаренное по-куявски... Неси сыр, но только тот, что привозят с гор...

Мужик кивал, спросил:

– Какое вино? Есть очень достойное, прямо от винодела, что поставляет прямо во дворец...

Придон вспыхнул от оскорбления, а Скилл сказал мягко:

– Разве не видишь, что мы – артане?

В голосе старшего брата Придон ощутил угрозу. Ощутил ее и мужик. Побледнел чуть, торопливо поклонился:

– Да, но... вдруг вы на службе великого тцара... Нет-нет, я не хотел оскорбить, просто на службу тцару нанимаются самые разные люди...

– Но не артане, – сказал Скилл, он говорил все еще мягко, но как-то с нажимом, даже за соседними столами ощутили угрозу. – Да и мясо, как ты понимаешь, мы едим не всякое, так что будь осторожен... Но, чтобы ты повеселел, можешь принести нам рыбу, что плавает только высоко... Понимаешь?

Аснерд добавил:

– И не ту, что в горных озерах, хотя и она божественно хороша, а ту, с красными перьями, что только в быстрых реках, в водопадах. Я видел, как скачет через камни...

Хозяин сказал испытующе:

– Вы же знаете, та рыба очень дорогая.

– Неси, – распорядился Скилл.

– Эту рыбу доставляют живой, – добавил хозяин. Он не двигался с места. – А чтобы доставить с высоких гор, приходится везти в чане с водой, куда каждые полчаса бросают колотый лед...

Скилл засмеялся.

– Прекрасно! Давай эту дивную рыбу. И постарайся, чтобы хватило на всех. Учти, мои люди жрут так, что коня съедают за мгновение ока.

Он бросил на стол горсть золотых монет. Хозяин неверяще смотрел на блестящую россыпь, схватил один кругляш, попробовал на зуб, расплылся в улыбке.

– Вы получите лучшую рыбу, которую ест только сам тцар!

Сгреб, исчез, тут же появилось множество челяди, стол еще раз вытерли, застелили чистой скатертью, перед каждым артанином поставили пустое блюдо и положили ножи и двухзубые вилки. Придон вспыхнул от оскорбления, это намек, что его нож за поясом недостаточно хорош? – но следующая вереница слуг тут же начала перегружать им на эти пустые блюда жареное мясо, различных животных, зажаренных птичек, кровяные колбаски, и он забыл возмутиться громко и с достоинством.

Ноздрей достиг волшебный запах, он осторожно отрезал своим ножом кусок мяса и отправил в рот. Приятно обожгло, мясо оказалось сочным, просто тает во рту, это не по-мужски, но он внезапно ощутил, что сок уже потек по гортани, влился в жилы, в голове разом прояснилось, а усталость улетучивается с каждым мгновением. Он снова силен и бодр, настолько бодр, что готов подпрыгнуть до потолка. Просто так, взять и подпрыгнуть...

Скилл кивнул Аснерду на раскрасневшегося Придона:

– Смотри, что делают пряности с нашим мальцом.

– Зажгли огонь в крови, – подтвердил Аснерд. – Я тоже помню, как в первый раз...

Ели с удовольствием, быстро, но степенно, переговаривались, посмеивались, поглощали это дивное мясо, хватали жареных птичек и тоже отправляли целиком в рот. Аснерд предупредил, что полагается жевать, а комок выплевывать, там же косточки, но сам ел целиком, и Придон тоже ел целиком, какие там косточки у таких крохотных птичек, мельче воробья...

А потом подали ту самую рыбу. Придон еще издали ощутил ее приближение, по необычному запаху, что донесся из раскрытых дверей кухни, да и все за столами насторожились. Даже

песни за дальним столом оборвались, все провожали взглядами самого хозяина, что торжественно нес на вытянутых руках широкое блюдо.

За хозяином двигались повара, сами, без слуг, перекладывали на стол знатных гостей дорогую рыбу, заодно поглядывали любопытно, кто же может позволить себе такое дорогое удовольствие, роскошество даже.

Придон жевал эту божественно нежную рыбу, вкус необыкновенный, а глаза то и дело поворачивались в орбитах. За столом у окна в окружении четверых мужчин сидит и спокойно отхлебывает из кубка необычно одетая женщина. Да и вся она выглядит необычно, начиная с того, что находится в корчме. В Артании, самой правильной стране, ни одна женщина не позволит себе зайти в корчму. Даже те, кто путешествует, все же завтракают и обедают обязательно в своей комнате, а не в окружении мужчин и под взглядами множества мужчин...

...которые, к удивлению Придона, вовсе не таращили глаза на эту женщину, не пытались приставать, а ели, пили, горланили песни, бахвалились, затевали борьбу на локтях. Женщина перехватила жадный взгляд Придона, ее тонкие брови чуть приподнялись, затем отхлебнула вина и, слегка отвернувшись, преспокойно продолжала обсуждать что-то со спутниками, больше не замечая Придона, его друзей, вообще мужчин в корчме и саму корчму.

Придон со жгучим интересом всматривался в ее фигуру с гордо приподнятыми плечами. Воротник стоймя, тонкая элегантная шея, круглое милое и одновременно строгое лицо, густые, но гладко уложенные снежно-белые волосы. Такие волосы, и в то же время темное от загара лицо, он впился взглядом в ее глаза, по телу пробежала дрожь. Ощутил, что не в состоянии оторвать взора. Впервые видел глаза цвета светлого меда, желтые, почти оранжевые. Чистые алебастровые белки и крупная радужка желтого цвета, где в самом центре крохотные черные точки зрачков...

Он снова и снова пробежал по ней взглядом, стараясь делать это не чересчур открыто, что выглядело бы вызовом. Ладная крепкая фигура, очень женственная, но в то же время фигура сильной женщины. Он бы даже сказал – женщины-воина, если бы такое дикое сочетание было возможным. Наконец сообразил, что его поразило больше всего: впервые увидел женщину в мужской одежде. Правда, одежда так ушита и подогнана по ее фигуре, что не выглядит грубой мужской, вот крупная грудь оттопыривает спереди, но жакет от самого горла, расстегнута только верхняя пуговица, а от нее до груди далеко, ни хрена не видно, так что она не старается привлечь внимание мужчин своей доступностью или нежностью кожи...

Он скользнул взглядом по ее ногам, плотно втиснутым в хорошо выделанную кожу. Чуть ниже колен начинаются сапоги, такие же плотно сидящие, как только и натягивает, двойная подошва, приподнятый каблук...

– Кто это? – шепнул он в сторону Скилла, словно женщина могла услышать. – Почему она...

– Тс-с-с, – ответил Скилл. – Если не кричит свое имя, значит – предпочитает неузнанность. Придон, в Куявии больше разнообразия, чем в Артании, как в гниющем трупе всегда больше червей, чем на чистой лужайке. Но и пожирающие трупы черви нужны, иначе те своим смрадом задушили бы весь мир!.. Ты только в одной Куябе увидишь столько всякой дряни, сколько никогда не встретишь во всей необъятной Артании. Но здесь попадаются и драгоценные жемчужины, которых у нас тоже, увы, не встретишь...

Голос его на краткий миг стал печальным, даже в глазах промелькнуло нечто, но Придон не успел среагировать, на свободное место вышла молодая красивая женщина, за ее спиной выстроились музыканты, женщина гордо вскинула руки, музыканты разом ударили по струнам, задудели в деревянные и медные трубы, рожки, пищалки, а женщина начала танец.

Придон восторженно, музыка звучит непривычно, но в груди сразу же отозвалось что-то, дрогнуло, а потом сладко зануло. Сквозь ряды музыкантов протиснулся подросток, вскинул лицо к закопченному потолку и запел. Придон вздрогнул, по всему телу прошла дрожь, волосы

зашевелились. Мальчишка пел, подняв лицо, такое чистое и серьезное, словно видит сквозь все этажи чистое небо, а на нем небожителей...

Да каких небожителей, мелькнуло в голове смятенное. Небожители – это грозные и свирепые воители, их лица перекошены яростью, в глазах огонь битв, голоса подобны грому, а взгляды высекают молнии. Этот же поет настолько сладко и щемяще, что в груди началось какое-то задыхание, сдавило, сперло. Придон прижал ладонь к сердцу, оно дергается не в лад, словно раненый зверек, что попал одной лапой в капкан и в ужасе старается освободиться.

За столам продолжали есть и пить, но разговоры умолкли. Все смотрели на танцующую женщину, слушали музыкантов и поющего подростка. Лица их оставались спокойными, лишь некоторые начали в ритм постукивать рукоятками ножей по столу.

Скилл и остальные артане слушали с явным удовольствием. И на танцующую женщину смотрели с удовольствием. И продолжали есть с тем же удовольствием.

Придон слушал.

Слушал.

Слушал...

За столами негромко пристукивали в такт, подросток пел чисто и звонко, женщина танцевала ритмично, красиво, а музыканты дудели и звенели струнами слаженно, сплетая сильную прекрасную мелодию, от которой сдавило, как тисками, сердце, а в глазах защипало.

Внезапно сквозь этот шум и звонкий цокот сапожек женщины Придон уловил негромкий, на грани слышимости, голос бога. Он сразу ощутил, что это голос бога, ибо все в нем встрепенулось, по телу пробежал огонь, обжег все нервы. Голос бога звучал едва слышный, но могучий, это было похоже на голос морского прибоя, что надвигается медленно и неотвратимо, бьет в берег так, что содрогается земля, откалывает целые скалы, а для моря это вовсе не усилие, просто сам бог говорит тихо, ему нет необходимости повышать голос, он – бог, его слышат...

Придон вслушивался, потрясенный, по телу пробежала судорога восторга. В груди что-то пробуждалось иное, неизвестное, могучее, и вдруг изнутри зазвучал такой же голос, пусть не такой могучий, но тоже... голос не человека, а голос бога!

– Что со мной? – вскрикнул он. Он дрожал, руки покрылись гусиной кожей, его бросало то в жар, то в холод. – Я не хочу...

Но уже сам чувствовал, что не в силах противиться тому, что пробудилось в нем. Но что это за голос? Чего от него требует бог? И что то, которое внутри, у него в груди, ответило этому богу?

Он перехватил внимательный взгляд Скилла. Старший брат смотрит участливо, но без тревоги. Знает, внезапно подумал Придон, что опасность мне не грозит, иначе уже вскочил бы с топором в руке. Но, судя по его взгляду, он тоже ощутил, что со мной заговорил бог!

– Мне странно, – прошептал Придон. – У меня... все перевернулось.

Скилл молчал, Аснерд прогудел благодушно:

– Это все перченое мясо.

– Да и рыба, – сказал Вяземайт с ухмылкой, – что-то в рыбе такое, даже не скажу что, но кровь вскипает, а с глаз падает пелена...

– Горькие травы, – отрезал Олекса. – Все – они, проклятые! Горячат кровь без надобности. Это куявам необходимы, у этих жаб кровь уже застывает, а у нас и без того кипит, а жилы плаваются!

Тур смолчал, только оглядел корчму налитыми кровью глазами. В глубине зрачков сверкали яростные огни, пора бы уже и подраťся. Куявы поспешно опускали глаза в миски и тарелки, в чашки и кружки.

В корчме появились женщины, полураздетые и ярко накрашенные. Не разобравшись, но завидев на столе перед крепкими мужчинами самую дорогую рыбу, сразу подошли и предло-

жили свои услуги. Придон опешил, он даже не думал, что можно вот так просто, ведь завладеть женщиной – всегда невероятно трудно...

Скилл сказал легко:

– Птички, вы не заметили, что мы – артане?

А воевода добавил невозмутимо:

– И что у нас на столе нет вина?

Женщины переглянулись, скорчили хорошенькие мордашки в гримаски и проскользнули дальше. Придон не поверил глазам, когда одна преспокойно села на колени гуляке, а тот, ничуть не смутившись, одной рукой обнял за талию, другой потянулся за кружкой с вином.

Скилл с усмешкой заметил:

– Любовь, конечно, пьянит и куява, но вино дешевле.

– Мечта куява, – сказал со вздохом Вяземайт, – чаще всего похожа на жену соседа. И никаких тебе расшибаний лбом стен...

Отяжелевшие от сытной еды, поднялись в свою комнату, Придон сразу устало рухнул на указанное ему место. Под ним оказалось нечто вроде одеяла, свалявшееся и плоское, как блин, даже такое же замаслившееся, впитавшее пот многих постояльцев, но Придон не принюхивался, свой артанский запах что угодно перебьет, с наслаждением лег и вытянул гудящие от усталости ноги.

Помыться бы, мелькнула несвойственная для степняка мысль, потом отмахнулся: пусть моются те, кому лень чесаться.

В комнату вошел, сгибаясь под тяжестью седла, другой парнишка: серьезный, медлительный, как медвежонок. Придон указал, куда положить, мальчонка с облегчением свалил тяжесть, поклонился степенно и вышел так же молча.

Артане переговаривались, но Придон закрыл глаза, и сразу же ярко и отчетливо возникло лицо прекрасной Итании. Ее брови высоко вздернуты, в глазах немой вопрос, и снова Придон ощутил, как застучало сердце, в груди нарастает щем, а в ушах неожиданно зазвучал голос бога.

Теперь этот голос звучал громче, отчетливее. Придон даже начал разбирать слова, которые произносил бог.

И все эти слова были об Итании.

Глава 4

Он проснулся, распластаный, как выпотрошенная рыба. В ушах все еще звучали медленно гаснущие слова. Душа оставалась наполнена чем-то огромным, как ночь, тяжелым, подобно горам, и могучим, как море. Он непроизвольно повторил эти слова вслед за богом, звучат странно, так не говорят, но разве можно говорить об Итании привычными словами!

Аснерд уже расспрашивал Вяземайта о вещих снах, Вяземайт начал было отвечать серьезно, но Аснерд свернул на баб, мол, снились так и эдак, Олекса и Тур злорадно захохотали, а Скилл распорядился:

- Все вниз!.. Перекусим да пойдем смотреть город.
- И подеремся, – сказал Тур.
- Размечтался, – ответил Аснерд.
- А что не так?
- Куявы не дерутся, – объяснил Аснерд.
- Но как же, – опешил Тур, – если в морду...
- Зовут стражу, – объяснил Аснерд с неимоверным презрением в голосе.

У Тура отвисла нижняя челюсть. Они с шумом и шуточками расселись в по-утреннему пустой корчме, на столе появились широкие миски с гречневой кашей, подали свежий хлеб и зачем-то пирог с пышной коркой. Еще не глядя на пирог, Придон уже знал, что такие вот булжники пекут загодя и сберегают подолгу именно для таких, как он, сильных и проголодавшихся, что иначе в нетерпении изгрызут стол.

Толстый хозяин отправил к ним снова то же вертлявое, и на столе возникла кулетьяпками вверх жареная тушка упитанного гуся.

Ели по-мужски, даже по-артански, что умеют наедаться впрок. Это, судя по лицу хозяина корчмы, привело его в благоговейный ужас. Потом, когда уже седлали коней, во двор вкатила коляска, запряженная тремя лошадьми. Череву едва не вывалился из дверцы, заорал:

- Куда собрались?
- А чё, – ответил Аснерд, – надо спрашивать?

Череву повернулся к Скиллу, но сын тцара игнорировал знатного бера, не к лицу высокородному отвечать, когда спрашивают без должного почтения.

Череву вылез, пыхтя, из коляски. Похоже, он в самом деле торопился, раскраснелся и взмок, хотя взмокнуть должны были кони.

- Где бы я вас искал? – спросил он сварливо. – Я ж так торопился!

Измученный Придон весь превратился в слух. Череву объяснил торопливо:

- Вы не поверите, но я всего добился!
- Да ты прям молодец, – сказал Аснерд поощрительно. – Эй, ребята, дайте ему чё-нить!

Череву скривился, его угодыя, было написано на его обрюзглом лице, богаче всей Артании, но вслух сказал суховато:

- Наш великий и пресветлый тцар вас примет...
- Так поехали же! – вырвалось у Придона.

Скилл бросил на него суровый взгляд, Придон съежился. Аснерд спросил с интересом:

- Но где твое «но»? У куявов ничего не делается вот так сразу, как у людёв.

Череву сказал раздраженно:

– Вы даже не понимаете, как многого я добился! Вы ведь не к тцару приехали? Нет. Он и не должен вас принимать. Вы приехали смотреть, чем и как торговать. Самим посмотреть цены, чтобы вас не обжучили. Вот зачем вы приехали! Да еще посмотреть, где у нас войска, какой толщины стены, как охраняем дороги... Что, не так? А я еще и добился, что наш пресветлый тцар вас примет.

Олекса и Тур выглядывали из-за спины отца, одинаковые, как молодые дубы, очень похожие на отца, молчали, а воевода спросил, казалось, сразу за всех троих:

– На каких условиях?

– Вот сие дельный вопрос, – сказал Черевое быстро. – Вы приехали не для встречи, потому будете приняты не как высшие особы. Иначе это будет урон достоинству и чести тцара!.. Но вам ведь главное встреча, не так ли? Вы народ храбрый и мужественный, на приличия вам плевать, как и на всю культуру, а встреча состоится послезавтра...

Придон воскликнул отчаянно:

– Послезавтра? До послезавтра я умру! Сгорю в этом огне...

Скилл сказал, поморщившись:

– Не вопи. Послезавтра так послезавтра. Мы все одно собирались здесь пробыть дня три-четыре. А завтра съездим поглядеть на их стойла для драконов. Говорят, их выращивают, как мы коней.

Черевое сказал виновато:

– Драконов не покажут. Разве свои секреты не оберегаете? Зато вам это... лучших танцовщиц! Услышите несравненную Лорну, она сразу тремя голосами... Впрочем, вам неинтересно, но для таких дорогих гостей пригласим клоунов и дураков. Кривляются так забавно, со смеху умрете.

Воевода с готовностью хохотнул, подтвердил:

– Да, это у вас здорово! Я ржал, как конь.

Скилл заподозрил подвох, смолчал. Придон вообще ничего не видел и не слышал, ни о чем не думал, кроме как суметь прожить эти два бесконечных дня. Никакие кувyrкающиеся дураки в одежде наизуворот и с размалеванными сажей и киноварью рожами не сократят дни и бессонные ночи.

– До послезавтрашнего дня, – сказал Черевое на прощанье, – отдыхайте, развлекайтесь!..

Он отбыл, артане отправились в город. На постоялом дворе намекали, что лучше бы пешком, с седла хоть и видно дальше, но не войдешь в дома, даже по тесному базару не проедешь. Скилл заколебался, но Вяземайт молвил властно:

– Мы артане или не артане?

Так и выехали вшестером верхами. Скилл и Придон, как дети тцара, впереди, Вяземайт и Аснерд следом, как наставники и советники, а Олекса и Тур из приличия в хвосте, как телохранители на отдыхе.

Скилл ехал напряженный, выпрямившись, лицо застыло в той болезненной гримасе, которую только не знающие его могли бы назвать надменной. Придон заметил, что старший брат бросил пару очень быстрых взглядов на высокий роскошный дом, красивый и странно воздушный, хотя построен из тяжелого белого мрамора.

За домом огромный сад, над верхушками летают дивные птицы, таких не увидишь в суровой Артании, где даже природа не утруждает себя лишними украшениями, но Скилл изменился в лице, когда из дома вышла женщина.

Придон слышал, как из груди старшего брата вырвался сдавленный вздох, но дом уплыл, покачиваясь, за спины, Скилл все так же суров и неподвижен, не покачнулся, и Придон решил, что ему почудилось.

Ехали, ошарашенные многолюдьем, пестротой, от которой кружится голова, а от гвалта звенит в ушах. Со всех сторон лавочники зазывают к прилавкам, кричат и бранятся покупатели, накатываются мощные запахи целебных трав, конского навоза – смотря через какую часть улицы проезжают.

На улице хлебопек все шестеро едва проломились через душистое облако ароматов свежего хлеба, настоящего сдобного хлеба, а не просто хлебных лепешек. Придон угадывал

душистые травы, что пошли на добавки, даже мог назвать с десятков, но молчал, только нервно раздувал ноздри. Запахи тревожили, пьянили, наполняли душу восторгом и странным щемом.

Когда двигались через ряды кожемяк и мастеров по коже, все артане ахали. Придон видел восторг даже в глазах всегда невозмутимого Аснерда. Запахи выделяемой кожи слышны издали, но, когда ехали по улице, могли окосеть, настолько разбегались глаза. Стен не видать под висящими тесно на колышках седлами, ремнями, кожаными латами, цельными и наборными доспехами, боевыми рукавицами, пращами, конской упряжью... И все разное, все сделано умело, доброту. Проклятая страна уже давно не воюет, может отшлифовывать доспехи, в то время как артане, что дерутся друг с другом, рады любому оружию...

Навстречу то и дело попадались телеги и фургоны, доверху наполненные товаром. Скилл начал хмуриться, Аснерд недовольно пыхтел. Совсем редко попадались стражи, обычно ходят парами, одетые чересчур пышно, даже богато, если на взгляд артан.

Только однажды попался отряд воинов: шли прямо посередине улицы, человек тридцать, горожане поспешно уступали дорогу. Все как один в одинаковых доспехах: кожаные латы с нашитыми металлическими пластинами, у каждого настоящий шлем из темной бронзы, на поясе короткий меч, в руке копье острием вверх, а на локте левой руки как будто прирос круглый щит. Конечно же, с драконом во всю ширь, очень искусной чеканки.

Скилл не подал коня в сторону, ехал все такой же суровый и надменный. Сердце Придона всколыхнулось, он бросил быстрый взгляд на Аснерда. Воевода восседает на своем богатырском коне невозмутимый, но Придон заметил, как напряглись его плечи, а пальцы сами по себе проверили, на месте ли рукоять боевого топора.

Впереди отряда вышагивал крупный человек в металлических доспехах с головы до ног. Даже шлем полный, с выступами по боках, спасающий щеки от ударов острым железом, и с забралом. Впрочем, забрало поднято, на артан уставились злые глаза.

Скилл направил коня прямо. Командир отряда поколебался, но отступил в сторону, потом вовсе поднялся на тротуар. Солдаты поспешно расступались. Придон ехал замыкающим, по коже прошла дрожь. Злость и ненависть куявов чувствуется так, будто на голую спину плеснули ведро колодезной воды.

Скилл внезапно натянул поводья, конь остановился прямо посреди отряда куявов.

– А где здесь, – спросил он, глядя в пространство, – притоны для блудящих женщин?

Солдаты медленно обтекали конных воинов, их командир прошел по тротуару, на артан старался не смотреть.

– Не знают, – протянул Скилл разочарованно. – Что за страна, где мужчины не знают, куда по ночам ходят их жены?

Он тронул коня, тот всхрапнул, бодро двинулся вперед. Аснерд сказал в спину довольно громко:

– Да и днем тоже... Я в прошлый раз... гм... потом расскажу, чем хороши!

Пальцы Придона дрожали, так ему хотелось метнуть их к рукояти топора, чтобы опередить куявов, еще надо успеть закрыться щитом вот от этих, справа... но, к его удивлению, облегчению и даже странному разочарованию, никто так и не выхватил меч, даже не выкрикнул боевой призыв расправиться с врагами.

Солдаты, ругаясь вполголоса, снова встали плотной толпой и двинулись, мерно топая подкованными сапогами. Их сотник пошел впереди, не оглядываясь, даже не посматривая по сторонам.

Придон кое-как догнал Скилла, спросил дрожащим голосом:

– Зачем ты их так?

– Как? – спросил Скилл.

– Ну, оскорблял! Даже их женщин... как только стерпели!

Скилл переглянулся с Аснердом. Воевода широко улыбнулся, глаза довольные. Скилл тоже посмеивался. Придон снова придержал коня, давая им выйти вперед. Похоже, это старший брат сделал для него. Все еще учат, воспитывают!

Но в самом деле чувствовал, как презрение к мужчинам, которые не защищают своих женщин от таких слов, распространяется и на всю Куявию.

Аснерд обратился к одному куяву:

– Эй ты, рыло!.. Как пройти к базару?

Куяв, почтенный господин в сопровождении хорошо одетых слуг, поморщился, бросил неприязненный взгляд на артан, сказал сквозь зубы:

– По этой дороге прямо до второго поворота. А тогда снова прямо, не сворачивая.

– Хорошо сказал, рыло, – одобрил Аснерд. – Коротко, почти как человек.

Когда проехали, Скилл сказал с легкой насмешкой:

– А что, обязательно его было так называть?

– Как?

– Ну, так неуважительно.

– Это рылом-то? Так у него и есть рыло. И сам рыло. Не люблю таких. Так и хочется дать в рыло!

Он захохотал, довольный, Олекса и Тур тоже захохотали, гордые удалю родителя. Аснерд и Вяземайт посмеивались, ехали, гордо выпрямившись. Придон спросил неожиданно:

– А тебе не приходило в голову, что кто-то из куявов захочет дать в рыло тебе?

Аснерд так удивился, что едва не упал с коня.

– Мне? А мне-то за что?

Несколько раз попадались лавки, где торговали бесполезными вещами, артане их так и называли – безделушки, но куявы почему-то покупали эти глиняные и медные изображения животных, богов, героев. Особенно много драконов: крылатых, бескрылых, разъяренных или спящих, толстых и худых. Но наибольшим спросом пользовались, как заметил Придон, фигурки дракончиков, детенышей драконов, толстеньких и крупноголовых, похожих на крупных потешных жаб.

Он приотстал, зацепившись жадными глазами за богатство лавки оружейника. У того в глубинах лавки по углам связки пик, дротиков, мечей. Грудой свалены металлические панцири, а самые дорогие и красочные горделиво красуются на стене.

То и дело останавливались куявы, чаще всего мужчины-воины, иногда и простые горожане, все восторгались умелой ковкой, хитроумным сплетением колец, умелой состыковкой сочленений, настолько умелой, что составной панцирь выглядит цельнометаллическим, лезвие ножа не просунуть... но куявы, поговорив, отправлялись дальше, покупателей нет, оружейник наконец заметил могучего артанского воина, издали с высоты седла через головы рассматривающего его богатства, крикнул насмешливо:

– Что, в вашей Степи таких нет, артанин?

Придон вспыхнул, хотел ответить резкостью, но неожиданно для себя судорожно вздохнул, ответил честно:

– Ничего похожего.

Оружейник несколько мгновений разглядывал его испытующе. Лицо его омрачилось.

– Жаль, – сказал он горько, – наши законы запрещают продавать оружие артанам. Плохо для дела, вы за хорошее оружие и цену даете хорошую. Я еще помню времена, когда мы торговали... Вы платили столько, что у наших глаза на лоб лезли!

Придон поерзал в седле, сказал упавшим голосом:

– Нам тоже запрещено покупать у вас... куявов. Чтоб не богатели. Но мы сейчас приехали как раз говорить о торговле. И я попрошу брата, чтобы он позволил мне купить у тебя оружие!

Оружейник скользнул взглядом по широким золотым бляхам на конской сбруе, посмотрел на позолоченные стремяна, усмехнулся:

– Надеюсь, брат для тебя нарушит устаревший закон.

Придон вскинул руку, прощаясь, не кланяться же простому ремесленнику, поторопил коня. Высокие фигуры артан маячили среди пестрой толпы, как пятеро туров среди крикливых коз, уже чуть ли не на другом конце базара.

Впереди громко и назойливо стучал бубен. Народ стоял полукругом, на деревянном помосте танцевала хрупкая молодая женщина. Толстый бородатый мужчина играл на куявской бандуре, что отличалась от артанской лишь добавочной струной да широким ремнем через плечо, благодаря чему куявы могли играть даже при ходьбе, что вообще-то презираемо для хорошего певца...

Артане ехали мимо, лица суровые и надменные, лишь Аснерд благодушно шурился, взрыкивал, даже показал танцующей женщине большой палец вверх, она испугалась и сбилась с ритма.

Сердце Придона стучало все чаще. Тело трянуло, он ощутил холодный озноб, затем огненный меч пронзил тело, рассек сердце. Из груди вырвался болезненный вопль, в небе очень быстро начало разрастаться солнце, приблизилось, обрушилось всей огненной тяжестью.

Огромная рука бога взяла его и ссадила с коня, повела к площадке, к танцующей женщине. Народ расступался перед громадным полуголым артанином, у которого лицо искажено непонятным страданием, а за плечами громадный боевой топор.

Женщина двигалась все медленнее, глаза стали совсем испуганными. Она остановилась, попятилась. Музыкант взмахнул еще пару раз рукой, струны ответили вразнобой, и тоже застыл. Придон взял у него бандуру. Могучая рука бога развернула лицом к застывшей массе...

...Затем бог вошел в него. Придон смутно чувствовал, что его руки, повинаясь чужой воле, ударили по струнам. Вместо собравшихся смутно видел некую массу, они его не интересовали, он играл, а потом ощутил, что из него рвется не то крик, не то призыв, но не воинский клич, а новое, не менее страстное, кричащее, сотрясающее мир...

Он не знал, сколько это длилось, мир застыл, время остановилось. Человеческая масса казалась похожей на огромный срез пористого творога, а он кричал этой массе, пальцы, повинаясь чужой воле, били по струнам.

...Затем бог начал медленно уходить из его тела. Бандура потяжелела, тело налилось свинцом. Он вздрогнул, умолк, огляделся непонимающе. Он все там же, в сторонке застыли бледная женщина и бородач. Толпа оставалась застывшей, словно плита из спрессованной и замороженной рыбы. Все взгляды на нем, только на нем.

Он поспешно сунул бандуру бородачу, спрыгнул с помоста и торопливо подошел к коню. Аснерд держал повод, глаза были темные, как лесные озера. Придон хотел вскочить в седло, как обычно, не касаясь стремяни, но ощутил, что все тело стало как у тяжело больного старика. Артане и вся толпа смотрели, как он вставил ступню в стремя, оттолкнулся другой ногой от земли и уселся в седло.

И только в этот момент грохнуло, лед рассыпался, толпа задвигалась, заговорила. Женщина поспешно сбежала с помоста и пошла по кругу, держа в руках широкополую шляпу бородача. Туда щедро бросали монеты, кто-то срывал с пальцев кольца, а одна женщина быстро сняла серьги и опустила в шляпу.

Вяземайт заметил, сказал с неприязнью:

– Вот как за один вечер становятся богатыми!

Придон поравнялся со Скиллом, тихо сказал, сгорая со стыда:

– Брат, прости меня...

– За что? – спросил Скилл.

– Я не знаю, что со мной случилось, – ответил Придон. – Я не знаю, что в меня вошло, не знаю даже имени этого бога!

Скилл смолчал, но Придон видел, как переглянулись все пятеро. Даже Олекса и Тур, беспечные и веселые, ехали по обе стороны с вытянутыми лицами. В глазах Аснерда было угрюмое и озабоченное выражение. Придон ощутил, что знают имя неведомого для него бога, но, видимо, этот бог чересчур силен и беспощаден, если ему даже не решаются сказать.

– Кто это был? – спросил он. – Это куявский бог?

Скилл покачал головой.

– Артанский? – ахнул Придон.

И снова Скилл покачал головой.

– Чей же? – спросил Придон горячечно. – Неужели бог славов?

Аснерд сказал тяжелым голосом:

– Придон... этот бог заставляет служить себе куявов, артан, славов и все-все народы на свете. Он даже богами помыкает, как мальчишками на побегушках. Так что не скрипи зубами. Посильнее тебя были исполины.

Кони шли ровно, уверенно, но Придон чувствовал себя на утлой лодочке посреди бушующего моря. Исполинские силы швыряли его, как щепку. Он ухватился обеими руками за луку седла, перед глазами все кружится, а голос задрожал, когда он спросил сиплым сорванным голосом:

– Но что же делать?.. Что делать, Аснерд? Что делать, брат мой?

Скилл угрюмо смолчал. Аснерд пожал плечами и тоже смолчал. Придон перехватывал на себе их взгляды, сочувствующие и наполненные странной жалостью. Так смотрят, он уже видел, на смертельно раненных воинов, хорошо сражавшихся, заслуживших любовь, но которых уже не довести даже до кромки поля битвы.

Наконец со спины подал голос Тур:

– А ничего не делать.

Он догнал Придона, в его глазах был живейший интерес и не было жалости или сострадания.

– Почему? – спросил Придон.

– Не знаю, – ответил Тур беспечно. – А разве он что-то тебе сделал?.. Да ничё. А вот ты потрянул их всех!.. Еще как потрянул.

– То был не я!

– Да знаю, – отмахнулся Тур. – Как будто я не знаю, что ты никогда бы не взял в руки ту гадость... Но, Придон, расскажи, каково это... ну, когда в тебя вселяется бог?

Придон зябко передернул плечами.

– Даже не... я просто не могу вспомнить! Это было... просто мною завладела некая могучая сила. Я чувствовал, что вот-вот лопну, ибо она чересчур велика. Я не знаю, как меня не на куски... Я чувствовал, что в моих силах одной рукой ухватить за небо, другой – за землю и столкнуть их вместе!

Теперь уже Тур содрогнулся всем телом.

– Представляю, какой был бы грохот!

Глава 5

Не скоро Придон понял, что не заблудились вовсе, не кружат, как зачарованные, на одном месте, а их просто выносит из одного базара на другой, ибо все улицы куявской столицы – базар, по обе стороны широких площадей торгуют все и всем, как ручейками соединяя эти болота, такие смрадные и такие красивые.

Дважды останавливались перекусить куявскими сдобными лепешками, чересчур мягкими и сытными, побывали у храма богов Перуна и Хорса, куявы чтут их превыше всех богов, Аснерд на всякий случай положил в жертвенную чашу по мелкой монете, Вяземайт ревниво заворчал, Аснерд сказал резонно:

– Да ты чё?.. Богов чту, я не нынешняя молодежь...

– Не тех богов чтешь, – сказал ревниво Вяземайт. – Наш верховный вождь – Дажьбог, превыше он всех, и ему первому треба!..

– Ты жрец, – прогудел Аснерд, – тебе виднее.

– Не жрец, а волхв! – возразил Вяземайт уже обозленно. – Пора запомнить, каменюка!

– Да какая разница?

– Огромная!

Скилл посматривал с усмешкой, но, когда наставники ссорятся, не следует вмешиваться даже сыну тцара. Конечно, Артания – превыше всех стран и народов, ибо само слово «арта» на древних и потому священных языках означает «Истина, Правда, Верный Путь», и в самом деле артане умерших и погибших хоронят в курганах и могильниках, а побережные кладут в ладью и отправляют в море, в то время как в дикой Куявии, Славии или Вантите трупы сжигают, оскорбляя священный огонь.

С другой стороны, у всех трех стран одни и те же боги, только в одной больше чтят Велеса и жену его Мокошь, это в Славии, здесь, в Куявии, судя по всему, поклоняются Перуну и Хорсу, в то время как они, артане, превыше всех чтут Дажьбога, после него – Радегаста, но приносят жертву и противнику Радегаста и Дажьбога – Чернобогу, ибо силу и доблесть надо уважать даже у противников.

Придон богов ни разу не видел, даже не встречал тех, кто с ними встречался хоть раз, потому даже с коня не слез перед храмами, перед глазами стоит нежное девичье лицо с удивленно приподнятыми бровями, глаза смотрят вопрошающе, но что он может сказать? Возьми мое сердце, а мне дай твое?

Он только слышал, как его мудрый брат Скилл сказал, обрывая спор воеводы с волхвом:

– Перестаньте! Пора бы знать, что устами Вяземайта то и дело глаголет истина...

– И такое при этом несет! – поддакнул Аснерд лицемерно.

Храмы и последний базар наконец остались за спиной, неспешно ехали через город уже по широкой, вымощенной булыжником улице. Артане негромко переговаривались, Придон не понял, то ли делают вид, что ничего особенно не случилось, то ли в самом деле забыли о его выходке. В этом дивном городе столько всего необычного, глаза разбегаются, голова кружится от обилия красок, в ушах звенят веселые крики, песни, музыка, колокольчики, бубенцы, слышен крик верблюдов, ослов.

Наступал тихий вечер, за северной стеной города огромная башня из черного камня злое пламенела под красными лучами заходящего солнца. В небе застыли подсвеченные снизу облака, похожие на повязки, пропитавшиеся свежей кровью. Багровые блики медленно, по мере того как опускалось солнце, всползали по блестящим стенам к зубчатой плоской крыше. По коже пробежал недобрый холодок, пробрался вовнутрь. Придон ощутил всеми внутренностями несокрушимость башни, и все естество возмутилось этим вызовом, в груди начало нарастать злобное рычание, а пальцы сжались на рукояти топора.

– Как туда забираются? – спросил он зло.

Вяземайт бросил короткий взгляд, на лице не отразилось вроде бы ничего, но Придон хорошо знал старого волхва, тот эту башню ненавидит давно, ненавидит люто. Но заставил себя не замечать этот вызов, ибо принять и ответить не может.

– Там живут, – буркнул Вяземайт.

– Но как же... – начал Придон, потом догадался, – вход заделали?

– Да.

– Но как же... у колдуна что, еды и воды на сто лет?

Вяземайт бросил на башню хмурый взгляд, голос стал неприятным:

– Им носят еду только первый год. За это время проклятые колдуны что-то там накапливают...

– Так все ж протухнет!

– Нет, не еду копят, а свою подлую магию. Еда им уже ни к чему. Как-то обходятся... Или как-то сами. Словом, колдуны с тех пор уже не спускаются. Потому и замуровываются.

Придон пристально смотрел на башню.

– Не поверю, чтобы ни разу не спускались.

Вяземайт сказал с неудовольствием:

– Кто знает? Может, и сейчас невидимыми среди нас бродят.

Придон ощутил болезненный укол в правое плечо. Удержался от инстинктивного желания ухватиться за раненое место, скосил глаза, держа голову по-прежнему прямо, а лицо надменно каменным.

У одинокой лавки торговца всякой дрянью перебирал на прилавке пучки трав высокий старик в халате до земли и в высокой шляпе. Седые волосы падают на плечи, халат разрисован хвостатыми звездами, а рядом мальчишка лет десяти, он как раз и смотрит на Придона неотрывно, зло. В странно бесцветных глазах клубится туман, застилает все лицо.

Внезапно Придон ощутил себя в черном мире. Все стало черным: дома, люди, а на черном небе страшно горит, разбрасывая длинные космы, еще более черное солнце. Исчезли звуки, даже конь ступает бесшумно, не слышно поскрипывания сбруи, звяканья удила, стремян.

Он стиснул зубы, надеясь, что лицо высокомерное, а взгляд направлен вперед. Чернота взорвалась ярким светом, все стало контрастным, рельефным до рези в глазах. Он мог различить всех муравьев, бегающих по плитам, видел у старого колдуна выпавшую ресницу, прилипла на щеке, ноздри выворачивают от наплыва моря запахов, ароматов – он чувствовал с десятикратной силой все, что на расстоянии полета стрелы, и, глядя в удаляющуюся широченную спину Аснерда, мог перечислить, что воевода ел, пил, какой рукой чесался и какую именно служанку сгреб в сенях корчмы.

Стараясь не менять выражения лица, он опустил ладонь на рукоять топора, повернул голову. Мальчишка смотрит неотрывно, в блестящих глазах лютая ненависть, губы что-то шепчут, а пальцы дергаются, рисуют в воздухе, выхватывают незримое, но скользкое и дергающееся, видно по усилиям...

Придон стиснул рукоять, медленно потащил топор из петли. Глаза цепко держали врага, он мысленно представил, как брошенный топор вырвется из руки, сделает полный оборот и с хрустом врубится точно в середину лба. Надо только слегка придать кончику рукояти движение вверх, чтобы вращалось быстрее, ибо до цели всего двенадцать шагов, может ударить обухом.

Глаза мальчишки остекленели. Он побледнел, отшатнулся. Кажется, даже вскрикнул, ибо старик оглянулся, его взгляд скрестился со взглядом Придона. Старик все мгновенно понял, дрожащая рука с растопыренными пальцами моляще взлетела в воздух, а другая повелительно метнулась к мальчишке. Придон видел, как с пальцев сорвалась короткая страшная молния, как будто на миг появился узкий кинжал с блестящим лезвием.

Мальчишка рухнул, раскинув руки. Из рта брызнула струйка крови, словно в грудь лягнул копытом здоровенный конь. Придон удержал топор в замахе, лезвие только рассекло воздух и замерло над головой. Старик кивнул с жаркой благодарностью, а Придон, поколебавшись, отправил топор обратно за спину.

Сердце колотилось, как испуганная мышь в берестяной коробочке. Он проехал мимо с тем же надменным лицом, только краем глаза видел, как старик стоит над распростертым мальчишкой и что-то выговаривает. Начала собираться толпа, старик указал на багровое солнце, мол, напекло мальцу голову, страшная жара...

Мальчишка, трепыхалось в черепе, всего лишь мальчишка! Не колдун, а всего лишь ученик, которого взяли собирать травы, растирать кору, толочь камни и кормить коней колдуна! Но что, если рассердить самого колдуна?

Артане уже оставили далеко позади последний ряд базара, когда их догнал Придон. Он пристроился позади, ехал смиренный, тихий. Впереди широкая улица, дома по обе стороны двухэтажные, а впереди широкая площадь, вымощенная серым камнем, в середине огороженный невысоким каменным заборчиком фонтан. Струи бьют высоко, ветер несет водяную пыль мелким туманом, прохожие пугливо сторонятся.

Друзья все же посматривали украдкой в его сторону, Придон отводил взгляд. В глазах глубокое сочувствие, как к умирающему от смертельной раны, которому не может помочь даже волхв.

– Да что вы все? – вырвалось у него. – Я что, уже не человек, что ли?

Вяземайт с натугой улыбнулся, пошутил тем же натужным голосом:

– Да кто теперь знает...

Но шутка прозвучала странно, повисла в воздухе. И хотя кони после базара пошли вскачь, ветер треплет волосы, срывает с губ слова и оставляет их далеко за спиной, но эти как прилипли, летят вровень, размахивая невидимыми крыльями.

Придон вскрикнул:

– Аснерд, что он мелет?

Аснерд на скаку повернул голову, перевел бег на шаг, выехали на площадь. На Придона взглянуло немолодое серьезное лицо. Воевода попытался улыбнуться, но получилась скорее гримаса.

– А вдруг он прав, – ответил он почти серьезно. – Любовь – восхитительный цветок. Самый удивительный и ценный на свете. Но требуется нешуточная отвага, чтобы подойти и сорвать на краю ужасающей пропасти. Ибо такой цветок всегда растет только над пропастью. Ты ж не считаешь меня трусом?

У Придона вырвалось:

– Боги, нет, конечно!

– Так вот... я мог бы однажды...

Придон затаил дыхание:

– И что же?

– Не рискнул, – ответил воевода. Лицо потемнело, а голос стал хриплым, сдавленным. – С тех пор я с боевым топором в руке прошел всю Артанию, собрал отряд удальцов, делал набеги на Куявию и соседей... Я первым вступаю в бой, последним выхожу из боя. Теперь вожу войска всей Артании. Я не проиграл ни одной битвы, ни одного даже пустякового сражения. Я считаю, что поступил правильно! И все так считают!

Он пришпорил коня, Придон пораженно смотрел вслед. Воевода унесся, как выпущенная из огромного лука стрела. В ушах Придона еще звучал его злой, сорванный в битвах голос. Никогда еще Придон не слышал в голосе мудрого и отважного Аснерда столько горечи. А сейчас скачет так, как будто обратился в бегство... Впервые в жизни.

Нет, сказал себе тихо, не впервые. Но как он сказал про цветок на краю пропасти!

Вечер тянулся медленнее, чем густой вишневый сок выползает из поломанной ветки. Придон сгорал, таял, как свеча, как воск на жарком солнце. Он снова слышал голос неведомого бога, повторял за ним странные слова, сердце подпрыгивало, стучало торопливо, захлебываясь, стараясь сказать нечто, чему не находило слов.

Ночью не мог заснуть, выбрался на веранду и точил там топор. У него особый топор, топор героев, выкован из особого железа, что падает с неба. Колдуны клянутся, что у него магические свойства, но пока хватит и того, что лезвие остается без зазубрин даже после ударов по каменной глыбе. Проверено не раз, а если отточить до остроты бритвы, то лезвие таким и останется...

Пока это топор, просто топор, еще не пролил кровь врага и потому не имеет права на имя. Остальные топоры, какие уцелели, остались дома на стене, как напоминание о бывших подвигах. Но что-то подсказывает, что очень скоро у этого топора появится свое имя. Красивое и страшное!

Утром перекусили в корчме, снова в город, на базаре тщетно искали хоть что-то из драконьей кожи, безуспешно пытались выспрашивать о магах. Над ними посмеивались, наивные хитрости артан прожженным куявам видны за версту.

Теперь часто слезали с седел, оставляя коней по очереди на Олексу или Тура, входили в храмы, везде совали свои носы, в лавках толкались и спорили с купцами о товарах, рассказывали, что привезут, интересовались ценами...

Развеселившийся Аснерд повел их в главную куявскую баню. Когда они, испробовав все ее прелести, наконец вышли на улицу, распаренные и разомлевшие, Вяземайт гневно призывал все громы небесные на таких порочных нечестивцев, Олекса помалкивал, ему понравилась общая баня, где мужчины и женщины моются вместе, Тур брезгливо морщился, а старший сын тцара смолчал, смолчал...

Придон засмотрелся на группу солдат, их с десяток, они, шагая в ногу, прошли до городского фонтана, где куявы берут воду, потопали на месте, разом остановились. Шаловливый ветер тут же понес в их сторону водяную пыль. Она осела на металлических шапках, на доспехах и даже на лицах мелкими крапинками, но никто не пошевелился. Это было красиво, Придон признал, в последние пару дней стал как-то уж чересчур чувствителен ко всему красивому, но все же нелепо и унизительно для взрослых мужчин быть такими вот похожими друг на друга, одинаковыми. Даже двигаются одинаково, будто и не люди вовсе.

За два шага перед солдатами точно так же дергался и бил в каменные плиты толстыми подошвами красивый щеголеватый начальник этого отряда. В позолоченных латах, с пышными перьями на гребне шлема, при длинном узком мече на поясе. Сапоги из тонкой кожи беззвучно топают на месте, в то время как солдаты гремят толстыми подошвами с железными подковками, словно они тоже куявские кони.

Начальник отряда направился к артанам, морщился, кривил лицо, но было видно, как усиленно тянется, едва не идет на цыпочках, чтобы выглядеть таким же высоким. И остановился за пять шагов, чтобы контраст в росте не был так заметен.

– Артане, – заявил он безапелляционным голосом, – вам надлежит явиться к достославному беру Череву.

Вяземайт вскипел от наглого тона, а Скилл, напротив, с великим интересом разглядывал пестрого, как петух, воина.

– Вот как? – переспросил он.

– Да, – подтвердил начальник отряда и еще больше вытянулся. – Так!

– Слышь, ты, гусь, – сказал Скилл, – ты ничего не перепутал?

Начальник отряда вскипел.

– Я команду дворцовой охраной!.. Я двадцать лет... И никто не смел...

– Гусь, – сказал Скилл благодушно. – Гусь разряженный... Ибо человек прежде всего называет себя, свое имя, род и кто он вообще.

Начальник отряда испепелял его свирепым взглядом. Придону почудилось, что в тишине скрипнули зубы.

– Меня зовут Свей, – выдавил он. – Начальник дворцовой стражи Свей. Вам надлежит...

По свирепому виду Вяземайта Придон понял, тот вот-вот рявкнет, что пусть приказывает своим куявчикам, но Скилл положил ладонь на плечо волхва, предостерегающе сжал. Глаза его не отрывались от лица начальника стражи. Тот побагровел, выдавил, задыхаясь от гнева:

– Я... двадцать лет... беспорочно... Я – Свей, берич Свей из рода Оннунгов.

Голос Скилла прозвучал почти равнодушно:

– Что нам надлежит?

– Вам надлежит отправиться со мной к управляющему делами дворца достойному беру Череву.

Сердце Придона подпрыгнуло, вот и пришли за ними, наконец-то, сейчас побежим. Скилл подумал, посмотрел на небо, долгим взглядом измерил облака, а то и пересчитал, сказал в задумчивости:

– Почему нет?.. Сейчас соберемся и отправимся.

Аснерд уже с высоты коня поймал его взгляд, ухмыльнулся, видно было, с какой непривычной медлительностью слез на землю, похлопал коня по крупу, тот обиделся и попробовал наступить воеводе на ногу. Тот отпрыгнул, ткнул кулаком в пузо. Конь сделал вид, что даже не заметил, слабеет, мол, хозяин.

Аснерд подвел коня к каменному заборчику фонтана, очень внимательно порассматривал бассейн, наконец что-то сказал коню, тот охотно перепрыгнул заборчик. Взлетели тучи брызг. Аснерд перелез на ту сторону заборчика, в руках воеводы появилась щетка.

– Да, – долетел его озабоченный голос, – да...

– Что там? – крикнул Скилл.

– Набрались грязи на этом куявском базаре! – крикнул Аснерд. – А если еще и блох?

Вяземайт ахнул:

– Блох? Клещей?.. Бедные наши кони!

Не слезая с седла, он пустил коня к фонтану. Придон увидел вскинутый зад жеребца, новый сноп брызг, лишь тогда волхв слез, тоже вытащил из седельной сумки щетку, принялся чистить коня, брызгать на бока водой, скрести щеткой усердно и старательно.

Аснерд на миг оторвался от чистки своего зверя, спросил весело:

– Кони? А людев не жалко?

– Какие люди? – удивился Вяземайт. – Там одни куявы.

Аснерд поднял голову, помахал рукой:

– Здесь отыщется место еще для двух коней!

Вяземайт, нагло усмехаясь, неспешно скреб щеткой конские бока. Свей смотрел, выпучив глаза, потом щеки покраснели, подбородок вызывающе выдвинулся.

– И долго это будет длиться?

Скилл удивился:

– А у вас коней нет?.. Вы на козах ездите?

Придон ощутил сладкое чувство мести. А Скилл ответил чересчур доброжелательно, чтобы оно было искренним:

– Кони должны блеснуть, как твои доспехи! Или хочешь, чтобы явились во дворец на грязных конях? Ты этого хочешь?.. Ладно, мы так и скажем.

Свей явно ощутил некоторое неудобство, переступил с ноги на ногу, даже оглянулся на солдат, не прислушиваются ли.

– Ладно, – процедил он, – чистите своих животных...

– Ну, – сказал Скилл издевательски, – спасибо за разрешение. Мы так и скажем, что ты нам разрешил.

Он подмигнул Придону, оба соскочили и повели коней под уздцы. Придон покосился на растерянное лицо начальника стражи. Молодец Скилл, умеет разговаривать и с друзьями, и с противниками. Не то что он: топор в руки и дуром на обидчика...

Холодная вода приятно обожгла ноги. На голову тут же обрушились брызги, струя фонтана двигается под натиском ветра, дождик поливал всех без предупреждения. Аснерд весело вскрикивал, Вяземайт ворчал на эту гнусь, эти фонтаны, эти мелкие камешки под ногами, мелкие монеты, шныряющих рыбешек. Освобождая место, оба подали коней на другую сторону фонтана. Теперь струи чаще падали на плечи Придону и Скиллу. Олекса и Тур терпеливо ждали своей очереди.

Народ начал останавливаться, собираться кучками. К фонтану близко не подходили, опасались то ли брызг, то ли грозных артан. Придон торопился, уже бы можно и вылезать, ведь Череве приведет во дворец, а там... Сердце его, мгновенно отравив крылья, взмывало в облака, верещало и кувыркалось в синеве, подобно жаворонку, потом вдруг камнем падало в бездонную черную пропасть: а вдруг там не увидят Итанию?

Однако чистили коней под бдительным надзором воеводы долго, старательно. Даже кони удивились, никогда их хозяева так бережно не расчесывали им гривы, не выпутывали колючки из хвостов, не осматривали копыта. Вяземайт так и вовсе озабоченно присвистнул, держа на ладони широкое копыто своего каурого.

– Что там? – крикнул Аснерд.

– Да вроде трещина...

– Вон там кузня, – указал Аснерд. – Нет, там плохой кузнец, жулик. Лучше проедь дальше, в сером доме с двумя воротами живет мастер получше... У него там во дворе целая мастерская.

Вяземайт перелез обратно через заборчик, мокрый и блестящий, конь как пес выпрыгнул и, подобно громадному псу, отряхнулся. Брызги веером полетели во все стороны. Народ с воплями шарахнулся, а солдаты Свея жмурились, но терпели. Сам Свея, багровый от гнева, стискивал кулаки, сверкал в бешенстве глазами, едва не грыз подбородочный ремень шлема.

Вяземайт не стал влезать на мокрую конскую спину, а конь потрусил за ним неспешно, пофыркивал, останавливался почесаться, а Вяземайт тоже останавливался и терпеливо ждал.

Скилл засмеялся им вдогонку:

– Ты указал правильную дорогу?

Аснерд ответил тоже со смешком:

– Была у меня мысль послать на другой конец города. Там есть один... кузнец хороший, но одну подкову кует по две недели. Да нет, я не этого разряженного петуха пожалел! Посмотри на своего младшего братца, на нем лица нет.

Придон поспешно отвернулся. Он знал, что выглядит жалко, не по-мужски. Холодная вода в этом бассейне уже нагрелась от их раскаленных тел, и, хотя фонтанные струи поливают их без перерыва, все равно на плечах не голова, а котел в огне, мысли носятся, как муравьи по горячему песку.

Вяземайт исчез, словно в воду канул. Придон не находил себе места, а в боку коня едва не протер дыру, тот уже дергался, пытался выпрыгнуть из бассейна. Наконец Придон вообразил, что волхв уговорил кузнеца сперва сковать для его любимца какие-то особые гвозди.

Свея ярился, солнце опускалось к городской стене, но он и его солдаты все еще находились на залитой солнцем части площади. Скилл подмигнул Придону, мол, Вяземайт может вообще-то договориться сперва с купцами о закупке железной руды, чтобы выплавить железо, из которого скуют гвозди, а то и вовсе пошлет людей копать эту руду...

...Но Вяземайт появился на площади довольно быстро. Конь шел за ним как пес, угрюмо поглядывал на куявов, грозно щерил огромные зубы, не по-лошажьи острые, с длинными клыками.

– Все в порядке!.. – крикнул он весело. – Это не трещина. Так просто, почудилось!

Скилл поинтересовался:

– А чего ж там торчал так долго?

– Да он столько всего знает, – объяснил Вяземайт. – Как начал рассказывать про способы ковки мечей!.. А потом, понятно, про баб. Он всех свободных в этом квартале знает, а здесь нравы попроще, чем у нас. Дикари, понятно...

Скилл покосился на Свея. Несмотря на солнцепек, начальник стражи из багрового стал смертельно бледным, задыхается, будто на горле сильные артанские пальцы.

– Ладно, – решил Скилл, – потом все перескажешь. В самом деле пора ехать! Подготовьте сбрую, чтоб не стыдно во дворец въехать, и – по коням.

Но сбрую чистили, смазывали маслом, полировали еще долго, старательно, так что солдаты за спиной Свея едва не валились с ног. Тот все же не выдержал, прорычал:

– Что за варварские шуточки?.. Вам было сказано ехать! Вам и надо ехать!

Придон дернулся, разрываясь надвое: и прав этот щеголь, надо ехать, даже не просто ехать, а бежать, лететь, мчаться, но и за такой тон надо убивать на месте гада.

Скилл на этот раз посмотрел на командира стражи довольно надменно, поинтересовался:

– Ты ведь не простолюдин, верно?

– Я старший сын бера Эрмана! – заявил Свея гордо. – Наследник его земель и владений!

– Вот и хорошо, – сказал Скилл зловеще, – а то мне негоже скрещивать оружие с простолюдином... Я – сын тцара Артании, снисхожу до поединка с тобой. Ты разговариваешь с нами непочтительно, грубишь... Похоже, ты очень хочешь скрестить со мной оружие, верно?

Никогда Придон не видел, чтобы мужчина мог так быстро и смертельно поменять цвет лица. Только что лицо начальника стражи было бледным, словно отхлынула вся кровь, но вдруг исхудало до желтизны покойника, кровь ушла неведомо куда, он весь стал меньше ростом, съежился, а с синих губ сорвалось:

– Я при исполнении... Меня послали... Меня поторопили...

Скилл критически оглядел его с головы до ног. Сам сын артанского тцара был огромен, неожиданно свиреп, от всего мускулистого тела вдруг повеяло быстрой и неумолимой смертью. Придон с уважением и любовью смотрел на старшего брата, который умеет меняться так сразу.

– Жаль, – наконец процедил Скилл, – ну да ладно, петушок. Если тебе, петушок, вдруг покажется, что мы как-то тебя обидели, то ты, петушишка, скажи сразу же!.. Понял, ворона? Я в любое время готов. Хоть прямо здесь, хоть на площади.

Свея краснел, бледнел, кадык его дергался, каждое слово било как стрела, за спиной десяток солдат, все слышат, сволочи, но он не тупой артанин, чтобы броситься в драку: лучше быть живым петушком, чем сраженным волком, ибо что волк против льва?

Глава 6

По дороге Свей попробовал артан окружить солдатами, но Скилл усмотрел намек: ах, под арестом? – разъярился, ухватился за топор. Свей поспешно увел компактную группу далеко вперед, а шестеро героев ехали неспешно, поглядывая по сторонам, Аснерд весело заговаривал со всеми молодыми и немолодыми женщинами, что выглядывали из окон. Ему трижды бросили цветы, в последний раз – вместе с горшком, Придон успел заметить мужскую руку бросавшего.

Дома расступились, открылся залив, а слева блистал, как огромная глыба льда, сказочный дворец. Багровое солнце после затененных улиц сумело напоследок ударить в глаза с силой полуденного. Но ветерок со стороны моря, воздух свеж, чист, прохладен, чувствуется холод огромных масс воды.

В тени последнего в ряду дома ожидали роскошные носилки. Полуголые носильщики застыли неподвижные, как каменные столбы. При виде обнаженных до поясов мускулистых артан зябко передернули плечами.

Конские копыта стучали по плитам глухо, как стучит кость по камню, но за шелковыми занавесками явно слышали, из глубины носилок раздался стон. Занавеска колыхнулась, показалась пухлая белая рука.

Череву высунул голову, глаза болезненно мигали, как у старой больной совы, которую вытащили на яркий свет.

– Приветствую героев из страны героев! – сказал он слабым голосом. – Простите, что не вылезаю, чтобы приветствовать, но после вчерашнего приема посла из Славии...

Лицо его в самом деле было опухшее, помятое, глаза совсем заплыли, а под глазом виднелся явно закрашенный кровоподтек.

Артане без спешки, сохраняя достоинство, приблизились к носилкам. Спешно можно только к водопою, но не к человеку. Тем более куяву. На опухшее лицо дворцового вельможи поглядывали с брезгливой жалостью.

– Это уважительная причина, – ответил Скилл за всех. – Ты хотел нас видеть, мы пришли. Ты хочешь нам что-то сказать, мы тебя слушаем.

Придон задержал дыхание. Череву слабо шевельнул белой рукой.

– Ох, моя голова... Дрова на ней кололи, что ли?.. Я договорился о приеме. Не о вашем, понятно. Тцар меня примет, понятно?

Придон ахнул, Скилл предостерегающе сжал младшему брату плечо.

– Но мы идем с тобой? – спросил он полууверительно.

– Точно, – ответил Череву, – вы ж мои гости... черти б вас побрали! Когда куява зовут в гости, он приходит один и вовремя. Когда в гости зовут артанина, он приходит на сутки позже, да еще не один, а с оравой приятелей. Вот мы и явимся... по-артански.

Вяземайт спросил с сомнением:

– К тцару?

– Но вы же артане? – спросил Череву. – Вы ж не понимаете разницы.

– Не понимаем, – согласился Скилл. – Поехали?

– Да, – ответил Череву. – Только старайтесь без ваших артанских штучек...

С каждым словом голос слабел, Череву отодвигался в глубину носилок. Занавеска вырвалась из ослабевших пальцев, лицо исчезло. Носильщики ухватились за отполированные ручки, подняли рывком. В глубине носилок охнуло.

Аснерд откровенно расхохотался, даже Вяземайт хмуро улыбнулся. Знатный бер им ровесник, если не моложе, но уже едва передвигается, а пустяковая попойка длиной всего в одну ночь валит с ног. Слабый народ эти куявы!

Придон вдруг вскрикнул:

– Подождите чуток! Я сейчас...

Они ехали мимо их постоянного двора, конь под ним рванулся, опережая приказ. Вихрем ворвался во двор, Придон бегом вбежал в корчму, там в переходе к комнатам для гостей зеркало, в нем отразилась перепуганная физиономия с трясущимися губами и большими, как у морского окуня, глазами.

Он сам чувствовал, что его трясет. Впервые в жизни стало страшно: а в то ли одет, так ли, и не нужно ли набросить на себя что-то иное, лучше, более приятное для ее глаз? На всякий случай метнулся к бочке с водой, непривычно долго плескал в лицо воду, снова разглядывал этого молодого, теперь совсем не сурового воина, тер щеки очищающей глиной, подперши щеки изнутри языком, выпячивал нижнюю челюсть и смотрел в зеркало то грозно, то вызывающе, то с красивой надменностью, но сам видел, что сквозь лицо каменного истукана, каким надлежит быть герою, проглядывает что-то щенячье, чуть ли не повизгивающее.

Когда выскочил на крыльцо, а потом уже на коне выехал из двора, на него смотрели с удивлением и беспокойством не только артане. Даже Череве высунул голову, слабым голосом поинтересовался, не заболел ли доблестный Придон, чья воинская слава достигла берегов Куявии?

Аснерд оглядел Придона внимательно, буркнул Вяземайту:

– Ты прав: женщина – слабое, незащищенное существо, от которого невозможно спастись.

Через город ехали долго, Придон в нетерпении решил, что Череве нарочито водит их по самым роскошным кварталам, дабы сразить богатством и могуществом. Взглянул на небо, солнце уже опустилось, стиснул зубы – нет, двигаются в самом деле по прямой, лишь иногда огибая дома.

Ехали по непривычно широким улицам. Придону все время чудилось, что его конь ступает в непомерно большой комнате. Копыта стучат по широким гранитным плитам, ими вымощен весь город, разве что на самых окраинах просто утоптанная земля, а здесь даже неловко на коне, будто в непомерно огромном храме...

Он покосился на спутников, едут с надменными лицами, им все здесь обрыдло, судорожно вздохнул и с усилием выпрямился, расправил плечи и заставил себя смотреть орлом или хотя бы соколом.

Вечереет, улицы освещены скудно, только пурпуром закатных облаков, но, когда подъехали к центру, еще задолго до дворца вступили в море огней. На стенах факелы, светильники, то и дело выскакивают слуги с факелами в руках, дома из светлого мрамора, камень ловит огни и бросает обратно с такой силой, что удешевляет блеск.

Перед самым дворцом площадь залита светом. Солнца давно нет, кровавый закат медленно угасает, но блеск дворца слепил, заставлял щуриться глаза.

– Мать богов, – выговорил Вяземайт, – мать-перемать всего сущего!.. Здесь живут люди?

Занавеска отодвинулась, Череве сказал почти бодрым голосом:

– Можешь считать, что боги. Ведь куявы с богами в родстве, в то время как артанцы в родстве с... гм... ну, мы приехали.

Носильщики опустили носилки. Череве выбрался, с натугой разогнул спину. Багровое лицо все еще носило следы ночного пьянства, но бер на глазах изумленных артан выудил из нагрудного кармана халата сушеную травку, размял в ладонях, понюхал, и багровая нездоровость исчезла прямо на глазах.

Глаза заблестели, Череве выпрямился, расправил плечи.

Аснерд спросил пораженно:

– Если у тебя такая волшебная травка, то чего ж терпел? На тебе ж рожи не было!

Череве отмахнулся.

– За все приходится платить... Пойдемте.

Появились молчаливые люди, одетые богато и пышно, взяли коней под уздцы. Череву нетерпеливо оглядывался с мраморных ступеней. Придон первым догнал, Скилл и воевода с волхвом двигались с раздражающей неспешностью, останавливались, беседовали, Аснерд даже начал было рассказывать, как он ловил рыбу в горном озере на кордоне с Куявией.

Череву с Придоном ждали вблизи массивных врат. Это был еще не дворец, как понял потрясенный Придон, а всего лишь вход в сад при дворце, а сам дворец, как постоянный двор, где-то далеко, отгороженный садом с роскошнейшими розами, фонтанами, дорожками для прогулок, ажурными беседками, а также массивными небольшими павильонами, где можно укрыться от дождя или солнца, общаться с гостями, неспешно принять послов или массажистов.

Огромные как горы воины молча скрестили перед ними копья, каждое размером с корабельное весло. Скилл воинственно выдвинул нижнюю челюсть, плечи пошли в стороны, а спина и грудь вздулась могучими шарами мышц.

– В чем дело? – прорычал он надменно.

Череву оглядел их, хлопнул себя ладонью по лбу.

– Я так привык к вам, что даже забыл... Во дворец нельзя с оружием. Никому! Даже в любимый сад тцара нельзя. Такой закон!

Скилл прорычал:

– Артане никогда не расстаются с оружием!

Череву сказал умоляюще:

– Мы не навязываем вам свои привычки там, в Артании...

– Посмел бы только, – сказал Вяземайт с ненавистью.

– Никто не смеет, – втолковывал Череву Скиллу, как самому старшему и, как чувствовал Придон, самому разумному. – Видишь, я иду без оружия! Все вельможи идут без оружия. Самые преданные полководцы, беры, беричи, не говоря уже о песиглавцах, – все без оружия! У меня отбирают даже пилочку для ногтей, представляешь?

Скилл поколебался, затем его жестокое лицо чуть дрогнуло в жестокой улыбке:

– Даже пилочку? Вы слышали, герои?

Аснерд с готовностью захохотал, Вяземайт процедил ругательство в адрес трусливых куявов, но вслед за Скиллом вытащили топоры. Стражи насторожились, к ним присоединилось еще с десятков таких же огромных, закованных в настоящие железные доспехи.

Придон поставил топор у стены так, чтобы лишь острым концом упирался в пол, а рукояткой в стену. Друзья оставили свое оружие рядом. Стражи все еще загораживали ворота, копья были нацелены в артан.

Скилл спросил раздраженно:

– Что еще?

– Поясные ножи, – напомнил Череву.

Скилл зло искривил губы в усмешке:

– Ах да, здесь отбирают даже пилочки для ногтей.

Нож звякнул о каменные плиты пола. Аснерд молча бросил свой нож, который больше напоминал куявский меч, а Вяземайт прорычал злобно, что нож он оставит здесь, зачем ему нож, он любого из здешних богатырей задавит голыми руками, если кто не верит, пусть выйдет к нему, даже во всем своем железе...

Олекса и Тур сняли молча, поглядывая на отца.

Ворота открылись медленно, торжественно, без скрипа. Череву скользнул в щель раньше, чем распахнулись во всю ширь, но Скилл, истинный артанин, дождался, пока створки уперлись в стены. Так и пошли, надменно, это они выказывают этому саду честь, почтив своим присутствием.

У Придона голова кружилась от сильных и разных запахов, тревожащих, волнующих, так может взволновать мужчину только вид прекрасного оружия, статных коней или хорошая песня.

По обе стороны дорожки с тихим плеском вверх бьют водяные струи. От них повеяло прохладой и бодростью. Придона всегда удивляла вода, бьющая вверх такими тугими струями, и, хотя Вяземайт объяснял, как и почему, все равно это казалось чудом.

Над деревьями и кустами порхают, как бабочки, странно проваливаясь в воздухе, дивные яркие птицы. Другие, спрятавшись среди веток, поют настолько прекрасными голосами, что Придон начал задыхаться от непонятного волнения.

Непривычные запахи окутывали их волшебными чарами со всех сторон. Придон, привыкший к простым ароматам выжженной степи, ощутил, как грудь переполняется, в голове тоже теснота, глаза уже не воспринимают изобилия...

Их вели по широкой дорожке, усыпанной золотым песком, справа и слева роскошные кусты роз, довольно жужжат крупные мохнатые шмели, за кустами низкорослые деревья, настолько красивые, что дух захватывает. Придон никогда не думал, что может любоваться просто деревьями, а за этими деревьями, которым не знает даже названия, другие – настолько высокие и стройные, что в степях Артании такие просто не могли вырасти. Если у низкорослых листва нежно-зеленая, то у высоких – темная, почти торжественно черная, словно у воинов воинства Смерти, и над всем еще неумолчный щебет невероятно пестрых птиц, ярких, с красным и оранжевым оперением, с хохолками на головах и роскошными хвостами, каких не увидишь даже у самых красивых артанских петухов...

Фонтаны выбрасывают струи в стороне от дорожки, лишь однажды ветер донес мельчайшую водяную пыль. Она приятно охледила кожу, но крохотные капельки тут же исчезли на горячей коже.

Потом деревья разом исчезли, словно невидимые руки убрали с пути. Дальше – гладкая, как стол, площадь в ровных плитах мрамора, а за ней – сам исполинский дворец.

Придон изо всех сил стискивал кулаки. Рядом неспешно двигается Аснерд, лицо неподвижное, но глаза воеводы расширились, дышит тяжело. Даже он, бывавший здесь, в Куябе, потрясен больше, чем если бы получил меж ушей боевым молотом. Впереди покачиваются спины Скилла и Вяземайта, мышцы вздулись, застыли, словно оба героя подхватили на плечи падающий свод неба и несут, боясь сделать неверный шаг.

Придон был почти уверен, что приближаются к гигантской глыбе льда. Неимоверно огромной, блистающей, с полупрозрачными и переливающимися гранями, рухнувшей прямо с небес! Видно, как внутри стен стремительно проскакивают легкие тени, огоньки, радужные стрелы, где неуловимо быстро голубой свет переходит в зеленоватый, в цвет морской волны, где остро стреляют в глаза крохотные синие огоньки, а высокие башенки на плоской крыше горят, как железо в горне, рассыпая длинные шипящие искры.

Череву двигался все бодрее. По дороге он еще раз понюхал растертую в ладонях травку, Придона передернуло, когда тот походя сполоснул в небольшом фонтане руки и вытер о халат.

Розовые кусты остались далеко позади, но дворец попрежнему там, где и был, в таинственной дали, только разросся еще больше, стали различимы скульптуры у входа, а на стенах – наполовину погруженные изображения небывалых зверей, драконов и сражающихся героев.

Череву сказал измученным голосом:

– Главный вход с другой стороны!.. Нет-нет, это не для челяди, просто пройдем внутренний дворик, и – все, мои ноги наконец-то отдохнут.

– Надо бы на коне, – буркнул Аснерд.

– На коне? – ужаснулся Череву. – Через этот сад?

– А что, птиц распушают?..

– Эх, артане, артане...

Они обогнули дворец, справа внутренний двор, залит багровым светом заходящего солнца. Почему-то пахнет каменной крошкой, словно здесь работают каменотесы. Дальняя стена из массивных глыб, сильно пощербленных, оттуда слышится стук металла по дереву, пятеро воинов упражняются, нападая на крепкоплечего воина, что умело подставлял под удары то щит размером с дверь, то длинный изогнутый меч.

В двух шагах от стены величавый дуб, почти такой же могучий, какими вырастают в Артании, но по-куявски толстый, с наплывами и наростами, грузный, напоминающий престарелого богатыря, что уже не гоняется за поединками, но о которого расшибаются насмерть, как волны о прибрежную скалу, целые отряды удалцов.

На дубе толстый деревянный щит с нарисованным глазом размером с кулак. Десяток воинов, собравшись на другом конце двора, галдели, как гуси, а их старший, пытаясь навести порядок, орал, срывая голос.

Череве заметил, с каким пренебрежением переглянулись артане, в глазах насмешка, мужчины так себя не ведут, у них каждое слово на вес золота. Старший лучник заметил бера с артанами, крикнул весело:

– Череве!.. Нам интересно, что думают артане о нашей стрельбе. Да и тебе будет что сказать тцару...

Последние слова произнес с растяжкой, очень многозначительно. Придон ощутил, как сразу напрягся Скилл, хотя лицо оставалось таким же бесстрастным. Посуровели и Аснерд с Вяземайтом. Олекса с Туром двигались позади всех, бесстрастные и молчаливые.

Череве сказал торопливо:

– Рипей, да нужно ли это? Мы сразу к пресветлому...

Лучник, которого Череве назвал Рипеем, захохотал:

– Тогда тебе придется сказать, что артане устрашились свиста стрел!

Аснерд грозно засопел, рука поднялась в привычном жесте к рукояти топора, но пальцы ощутили пустоту. Он в растерянности почесал в затылке, а Скилл сказал негромко:

– Череве, почему бы и не взглянуть на их забавы?

Придон застонал, дворец совсем близко, но Аснерд и Вяземайт уже свернули за Скиллом.

Лучники выстроились в ряд, Рипей рявкнул, все разом наложили стрелы и натянули луки. Снова рявк, воздух наполнился коротким посвистом, что тут же оборвался. Десять стрел ушли в дерево, только одна воткнулась мимо щита, остальные девять украсили белым оперением весь щит. Две торчат из круглого глаза.

Рипей сказал довольно:

– Ну, что скажете?

Придон прикинул расстояние, ощутил невольное уважение. Конечно, куявские луки длиннее и дальноточнее, чем луки артан, зато артане стреляют на скаку, у них луки поневоле короче... однако даже для дальноточных луков попасть в далекий щит вот так непросто... Явно для показа и устрашения здесь собрали непростых лучников. Возможно, даже лучших богатырей Куявии.

Рипей словно уловил его мысли, взглянул остро, голос его стал еще злораднее:

– Ну, богатыри, а теперь покажем нашим гостям, как стреляете поодиночке!

Стрелки без спешки целились, ловили ветер, присматривались. Когда у первого стрела сорвалась с тетивы, Придон едва удержал вздох. Железный наконечник ударил точно в глаз, почти в середину!

Второй лучник, к его удивлению, всадил стрелу совсем рядом, третий воткнул на три пальца ниже, но все еще в глаз. Четвертый, пятый, шестой – стрелы каждого с сухим стуком вонзались в щит либо в глаз, либо совсем рядом. Только седьмой и девятый чуть сплосковали, но их стрелы все равно легли близко к середине щита, а десятый ухитрился пустить стрелу

в самый центр. Послышался сухой треск, на землю полетели белые лучинки расщепленной стрелы, когда стрела десятого ударила в самый торец.

Скилл сказал громко:

– Молодцы!.. Это очень хорошо... для куявов.

Рипей посмотрел подозрительно:

– Для куявов? Это верно, ведь самые лучшие стрелки на белом свете – куявы. А что, не хотели бы гости попробовать натянуть тетивы наших луков?

Скилл развел руками.

– Вообще-то мы очень торопимся, – сказал он. Посмотрел на вспыхнувшего радостью Придона, улыбнулся и сказал неожиданно: – Но вообще-то разок пустить стрелу можно...

Куявы весело переглядывались, толкали друг друга. К Скиллу потянулись руки с луками. Скилл кивнул, взял один. Придон затаил дыхание. Скиллу подали стрелу, он вставил ее расщепом в тетиву, повернулся к дереву. Несколько дюжих воинов не стали выдергивать стрелы, а попросту повесили другой щит с таким же нарисованным глазом.

Скилл несколько мгновений всматривался в цель, затем вскинул лук и быстро натянул тетиву. Послышался сухой хлопок. Скилл негромко выругался. Тетива лопнула, как гнилая нитка.

Стрелки возбужденно заговорили. Скиллу подали другой лук. Он снова наложил стрелу, натянул лук... хлопок, тетива лопнула с прежним сухим звуком. Стрелки притихли, посматривали непонимающе и уже пугливо. Рипей покраснел, выругался, крикнул:

– Подать ему мой лук!

Придон заметил, что тетива старшего лучника толстая, сплетенная из трех жил, и не из сухожилий с ног тура, как делают в Артании, а из толстой становой жилы, что идет вдоль хребта, длинной и очень прочной.

Скилл перехватил его взгляд, Придон успел уловить в глазах старшего брата предостережение и запрет раскрывать рот.

В полной тишине Скилл наложил тетиву, начал натягивать лук. Сам лук Рипея был вдвое толще, чем у других лучников, высотой в рост человека, и, когда Скилл оттянул стрелу до груди, Придон едва не вскрикнул, что пора выпускать стрелу, тетива натянута с такой силой, что стрела прошибет щит.

Аснерд ткнул его в бок. Придон выпустил воздух. В абсолютной тишине слышался только скрип сгибаемого лука. Оперенный кончик стрелы коснулся уха, мышцы Скилла страшно вздулись. Он казался человеком, высеченным из самого прочного гранита, но этот гранит живет, тетива отодвигается, отодвигается...

Раздался сильный треск. Неожиданный, страшный, лучники подпрыгнули, роняя луки. В одной руке Скилла по-прежнему зажат кончик стрелы на тетиве, в другой... половинка лука! Вторая бессильно болталась на тетиве, концом касаясь утоптанной земли.

Скилл тяжело дышал, первым заговорил Аснерд, нравоучительно и строго:

– Луки надо в чистоте иметь!.. Ишь, короедов развели!.. Вот и погрызли... То мыши вам тетивы погрызли, то жуки дерево точат...

Лучники, все с желтыми лицами, с ужасом смотрели на шестерых артан. Рипей, тоже с желтым лицом, неверяще смотрел то на Скилла, то на лук, то снова на Скилла. Наконец его синие губы пролепетали:

– Да-да, это все жуки... Наши лучники – лучшие на свете... Наши луки – самые...

Скилл наконец перевел дыхание, сказал все еще хриплым голосом:

– Да, с луками у вас непорядок. Вы, конечно же, самые лучшие, только луки у вас... Ах да, короеды, мыши... Что ж, так и не удастся попытать счастья... А может, у вас хоть дротик найдется?

Рипей открывал и закрывал рот, потом вдруг в глазах мелькнуло нечто, он сказал отрывисто:

– Норлик, Любисток и ты, Миздра... быстро принесите копье Яфета.

Один из воинов дернулся, но тут же остановился с распахнутым от удивления ртом:

– Но это же...

Рипей метнул быстрый взгляд на артан, процедил одним уголком рта:

– Выполняй!

– Однако...

– Выполняй, или сегодня же быть тебе на колу!

Воин, а с ним еще два быстро метнулись по направлению к солдатскому бараку. Нет, проскочили мимо, рядом массивное каменное здание, мрачное и угрюмое. В таких держат арсеналы, там хранится оружие древних героев, богатырей, туда редко кому разрешен вход, разве что самому тцару и его гостям...

Аснерд присвистнул. Трое стрелков вышли, держа на плечах копье. Ноги подкашивались, а лица побагровели от натуги. Не доходя до Скилла трех шагов, разом качнулись, копье упало на каменные плиты. Грохнуло, толстый гранит раскололся, глубокая трещина пробежала по камню. Края приподнялись, словно не толстая плита, а куст кувшинки на болоте.

Рипей сказал злорадно:

– Это дротик. Не копье, а дротик. Некий герой, естественно куяв, бросал этот дротик во врагов. Так гласят наши записи. Ну, попробуете?

Придон качнулся в сторону дротика, пальцы Аснерда ухватили за плечо и крепко сжали. Если у Придона плечо как гранитное, то пальцы Аснерда способны дробить гранит.

Скилл нагнулся, лучники затаили дыхание. Его пальцы коснулись поверхности дротика: весь из металла, цельнокованный, синеватый окрас говорит о хорошей закалке...

У всех вырвался возглас, когда артанин без заметных усилий поднял дротик. И как поднял, одной рукой!левой рукой!..

Придон гордо улыбнулся, расправил плечи. Он ощутил, что дышит уже свободно, сердце стучит, как горячий молот. Мышцы расслабились, он инстинктивно напрягал все тело, помогая брату поднять это проклятое копье, которое называют метательным дротиком.

Скилл взвесил дротик в руке. Мышцы перекачивались под кожей, жилы на шее напряглись, а на висках вздулись синие вены. Лицо у Скилла было задумчивое, отрешенное. Наконец он повернулся к дубу. Свободные от испытаний стрелки торопливо сняли утыканный стрелами щит, взамен прицепили вдвое больше, толстый, с большим кругом посередине.

Скилл расставил ноги, рука вскинула дротик. Придон заметил, да и все заметили, что Скилл опустил дротик на плечо, словно бы для того, чтобы поудобнее перехватить пальцы, но на самом деле переложил тяжесть, рука человеческая не в силах держать такой вес!

Он сделал пару глубоких вдохов, затем запер дыхание в груди. Сделал шаг правой ногой, чуть откинулся назад. Бросать будет с места, понятно, правая рука вытянулась вперед, помогая сохранить равновесие...

Скилл откинулся еще чуть, затем качнулся всем корпусом вперед, перенося вес на правую ногу. Придон видел, с каким чудовищным усилием брат оторвал от плеча и метнул дротик, мышцы едва не лопнули от натуги, и лишь тогда с шумом выпустил из груди спертый воздух.

Дротик вылетел из ладони, исчез... Придон наконец понял, что Скилл метнул дротик очень быстро и с нечеловеческой силой. Раздался страшный треск, грохот и даже странный звон, будто лопалась туго натянутая земля под ногами.

Во все стороны брызнули, как черепки глиняного кувшина, щепки от щита. Огромный дуб треснул пополам, будто незримый великан рассек его мечом. Из белой стены, что за дубом, сыпались искристые осколки. Дротик, согнувшись от удара, упал на землю, за ним медленно оседала белая каменная пыль.

Половинки дуба, блестя оранжевым нутром, под тяжестью ветвей медленно валились в стороны. Треск усиливался, раненый ствол пытался удержать зеленую массу, со злым щелканьем вылетали, как швыряльные ножи, щепки. Половинки дерева изогнулись, как два направленных под углом к небу лука, зеленые верхушки почти коснулись крыши казармы, а с другой стороны – затейливого храма куявского божества...

...Затрещало сильнее, к небу взметнулись отстреливаемые щепки, похожие на странных белых птиц, половинки разом преломились, грозя небу острыми расщепами. Загремело, это масса ветвей продавила крышу казармы, а на другом конце с таким же грохотом рассыпался, как песочный домик, храм куявского бога.

Желтые лица лучников стали белыми. Рипей стоял с отвисшей челюстью, ноги начали дрожать, потом затряслось, крупно задрожало все тело. Зубы стучали, словно по листу железа колотил крупный дождь.

Аснерд звучно хлопнул Скилла по плечу:

– Я ж говорил, что дротик – это не скучно! А то стрелы, стрелы... детская забава.

Олекса и Тур сияли так, что их лицами можно было самые темные ночи превращать в день. Вяземайт ликующе бил себя кулаком в раскрытую ладонь. Глаза не отрывались от той массы ветвей, что погребла, разрушив до основания, храм. Что в Куявии за боги, не сумели защитить свой жертвенник? Да такую страну придем и возьмем голыми руками. Сожжем все города и возьмем всех женщин!

– Дерево-то сгнило, – сказал Аснерд авторитетно. Он обвел взглядом двор, дальние постройки, красочный дворец. – Да не только дерево.

Тур поплевал на ладони, взгляд прицельно пробежал по уцелевшему арсеналу, замерил расстояние. Потом перевел взгляд на сверкающий дворец.

– А булавы у вас нету? – поинтересовался он. – Я страсть как люблю булаву метать.

Рипей сильно вздрогнул. Лицо из белого стало синим.

– Нет, – просипел он слабо, – нет, булавами мы не...

– Жаль, – сказал Тур сокрушенно, – ну хоть палицу, а?

– И палицы нет, – ответил Рипей торопливо.

– И палицы нет? – протянул Тур. – Ну хоть дубину, простую дубину...

Череву, на лице которого менялись то испуг, то проступало удовольствие, потрогал Скилла за локоть.

– Пора идти, – напомнил он. – У нас, конечно, и жуки жукастее, и черепахи черепастее, но вас заждался великий тцар.

Тур огляделся, взгляд упал на массивный камень, размером и формой напоминавший спящего буйвола. Судя по истоптанной копытами земле, с этого камня особо грузные военачальники взбирались в седло.

– Ну хоть этот камешек? – сказал он с надеждой. – А то все уже развлеклись...

– Нет! – едва не закричал Рипей. – Нет! Вас ждут во дворце! Это просто невежливо заставлять себя ждать!

Тур удивился:

– Невежливо? А что это?

Артане ржали, как кони. Наконец Аснерд ухватил сына за плечо.

– Пойдем, пойдем!.. На обратном пути бросишь. Даже два раза.

Тур пошел с отцом нехотя, но обернулся и крикнул весело Рипею:

– Ты жди нас!.. И камешков приготовь больше. Я страсть как люблю кидаться...

– Мало я тебя порол, – сказал Аснерд сурово.

– Мало, – ответил Тур счастливо. – Потому я и вырос таким здоровым. А мог бы, страшно подумать, умным!

Придон прошептал идущему рядом Вяземайту:

– Я не думал, что мой брат так чудовищно силен!

Вяземайт, как всегда, сказал загадочно и непонятно:

– Сила, с какой мы бросаем копья или стрелы, зависит от силы, которую имеем над собой.

– От власти, – поправил Аснерд.

Вяземайт поморщился, но кивнул:

– Пусть от власти. Одно и то же.

А добрый Аснерд звучно хлопнул Придона по спине.

– Ничего, ты к этому придешь... может быть.

Захохотал, довольный. Придон ответить не успел, повернули за угол, с этой стороны дворца широкая площадь, вымощенная плотно подогнанными плитами из серого гранита, а ко входу ведут широкие ступени, тоже полупрозрачные. Когда Придон занес ногу на первую, то напрягся, чтобы не поскользнуться на этом дивном льду. Череву уже почти бодро поднимался на пятую ступень, последнюю, дальше широкая площадка, закованные в дорогое железо стражи, настолько огромные, что похожи на статуи, украшающие дворец.

От ступеней несет бодрящим холодком, словно в самом деле из льда. И даже от стен дворца, что должен накалиться за знойный день, накатываются волны прохлады, свежести.

Череву что-то сказал стражам. Те совещались, послали за старшим. Придон видел, что даже его неустрашимый старший брат и все спутники воеводы притихли, их голоса упали до почтительного шепота.

Глава 7

Стражи вернулись с крупным, как гора, мужчиной, Придон с содроганием смотрел в широкое, как медный таз, лицо. Грудь исполина выглядит шире сорокаведерной бочки, ноги как колонны, что поддерживают свод дворца, а руки подобны бревнам.

Голова размером с пивной котел, шея шире головы, короткая черная борода падает на толстый панцирь из такой же черной бронзы.

Он всмотрелся в артан, они вздрогнули от его мощного рева:

– Гости тцара? Я – Дунай, бер из рода Фаона, командующий северными войсками. Великий тцар Тулей послал меня встретить вас... поприветствовать и проводить к нему.

Придон ощутил неладное, Череве съезжился, пугливо отступил в сторонку. Гигант шагнул, протянул руку для приветствия. Скилл посмотрел как на пустое место, он-де обменивается рукопожатием только с самим тцаром или его сыновьями. Вяземайт смотрел хмуро, не двигаясь с места, у волхвов свои обычаи, а жизнерадостный Аснерд сделал шаг навстречу, протянул руку:

– Вот и хорошо! Воинов должен провожать воин...

Их ладони соприкоснулись со звуком двух столкнувшихся кораблей. Придон, да и все, включая Череве и стражей у двери, напряженно наблюдали, как два гиганта застыли, все еще всматриваясь друг в друга с окаменевшими улыбками. Что творится под доспехами чернородого, Придон не видел, но под толстой кожей Аснерда шелохнулись и застыли толстые, как валуны, шары мускулов.

Несколько мгновений стояли неподвижно, чернородый наконец сказал сдавленным голосом:

– Я рад... что явились... настоящие воины...

Аснерд ответил таким же задушенным голосом:

– Мы тоже...

Его лицо медленно багровело. Но и чернородый стал красен, как небо на закате, на лбу выступили мелкие капельки. Он закусил губу, в глазах мелькнуло злое торжество. Придону показалось, что Аснерд стал вроде бы меньше ростом, плечи старого воеводы поникли... или он просто выдохнул воздух, вот грудь снова раздвигается...

В мертвой тишине, когда никто не двигался, даже не дышал, вдруг послышался тонкий хруст, словно переломилась хрупкая веточка. Чернородый вздрогнул. Хруст повторился. Чернородый попробовал отдернуть руку, Придон с ужасом и ликованием видел, как между сжатых ладоней брызнули тонкие красные струйки.

Аснерд выдохнул:

– Мне здесь... нравится.

Он разжал пальцы. С белым, словно дорогое полотно, лицом чернородый торопливо вытащил из этого капкана нечто залитое красным, смятое, с торчащими белыми косточками, прорвавшими кровоточащую плоть, и длинными лоскутками содранной кожи.

Чернородый ухватил искалеченную ладонь другой рукой, прижал к груди и, шатаясь и тихонько завывая от боли и ужаса, метнулся вдоль стены. Там его подхватили под руки.

Аснерд вытер окровавленную ладонь о кожаные штаны, вид предовольный, хотя грудь вздымается часто, бросил Череву:

– Ты куда? От нас отлепиться не так просто!

Стражи поспешно распахнули ворота. Череве быстро пошел вперед. Артане двигались за ним тесной стайкой, инстинктивно черпая смелость в близости друг к другу.

Внутри исполинский дворец заставил сердце Придона сжаться в комок. Свод уходит в таинственную высь, вдоль стен на высоте человеческого роста в два ряда пугающе разбрасы-

вают непривычно желтый, почти солнечный свет масляные светильники. За цветными изразцовыми плитками угадываются чудовищные блоки камня, из которых самые малые сюда могли дотащить разве что по тысяче сильных рабов.

Придон чувствовал разлитый в воздухе аромат. Аснерд и Вяземайт, самые бывалые, начали переглядываться, в глазах насмешка, воевода даже коротко ржанул: только слабые женщины допускают ароматы в свои закрытые покои, а мужчинам нет краше запахов крепкого пота и поджаренной на огне костра дичи!

Приближенные тцара с поклонами указывали дорогу из зала в зал. Череву двигался впереди, даже походка была вялой, болезненной, слегка прихрамывал. Скилл отпустил шуточку насчет перепоя, Аснерд и Вяземайт радостно заржали.

Череву морщился, однако по мере приближения к внутренним покоям тцара спина выпрямлялась, взгляд становился все тверже, яснее.

Когда уже, казалось, идут через спальню тцара, их встретил человек в блистающей одежде, Придон даже не определил ее цвета, быстрым шепотом что-то сказал Череву. Череву остановился, засопел, спросил с неудовольствием:

– А что теперь?.. Ты посмотри, кто со мной.

– Да вижу, вижу...

– Я боюсь с ними оставаться лишнюю минуту. Чем занять?

Человек сказал быстрым шепотом:

– Займи пока чем-нибудь. Сходите в оранжерею...

Череву посмотрел с подозрением.

– В оранжерею?

Блещающий человек отпрянул, выставил перед собой короткие ручки.

– Ну, согласен, согласен, не подумал. Не надо на меня... орать. Тогда в зверинец своди. Вчера привезли новых львов, носорога. А еще зверя, что ходит как человек, только весь в шерсти, а кричит, как птица Симург. Это не может быть ее птенец?.. Вдруг варвары знают?

Череву процедил зло:

– Может, знают. Но не хочу рисковать, зверей жалко. Это ж артане.

– Тогда на кухню, – предложил блестящий торопливо. И тоже добавил: – Это же артане!

Череву покосился на артан, плечи опустились, сказал упавшим голосом:

– На кухню... на кухню – да... Там звери все равно давно убитые. Артанам не разгуляться.

– Сплюнь, – посоветовал блестящий.

Череву с трудом повернул голову и пошевелил губами, словно собирался плюнуть. Артане не обратили внимания, но Придон, что изнывал от безделья и муки ожидания, спросил тут же:

– А что ты делаешь?

Череву взглянул на него недружелюбно, буркнул:

– А это я... свинину не ем!.. Пойдемте, не останавливайтесь.

– Свинину? – удивился Придон. – Какую свинину? Свинину ты ешь, знаю! Еще как ешь, прямо сам, как... ну, как будто ешь соотечественника.

Череву хмыкнул, пояснил, даже не обиженный на мальчика:

– Ты не ешь свинину, а я плюю на демона. Понял? У каждого народа свое свининопоедание.

– А что за обычай? – спросил Придон жадно. – Ну скажи!

Череву вздохнул, посмотрел по сторонам, но все заняты рассматриванием залов, через которые идут, начал объяснять с неохотой:

– На одном плече у каждого человека сидит добрый демон, на другом – злой. Человек волен показывать, на чьей он стороне, поплевав на демона. Один демон подсказывает добрые поступки, другой – злые, но это для невежественных людей, а мы, посвященные, знаем, что

один склоняет человека жить просто, обыденными заботами и обыденными радостями, а второй постоянно напоминает, что человек – это нечто более высокое, чем он есть сейчас, что человек – это одичавший бог, растерявший свое наследие. И что он должен жить более высокими идеями, чем просто животное, которое умеет строить дома...

– Так это же прекрасно!

Череву скривился, будто хватил уксуса.

– Не все так просто, уву. Кто сможет все время жить высшими идеями, отдавать жизнь за отечество? Мы все-таки хоть и боги, но – одичавшие, хе-хе. А одичавшим многое позволено... Ведь одичавшее в нас тоже требует своей доли, понял? Если совсем ничего не давать, то... Впрочем, иным удастся, но это – подвижники, аскеты. Остальные ж просто люди, юный варвар. Потому надо соблюдать...

Он запнулся, подыскивая слово. Придон шел рядом, уже не замечая красот дворца, подхватывая странные слова, где таилась мудрость куявов.

– Что соблюдать?

– Гм, некоторое равновесие. Между этими демонами, разумеешь? Медленно и очень постепенно увеличивая долю того демона, что призывает жить душой, а не плотью.

Придон поморщился.

– Медленно... Что за трусость? Я могу с этим демоном справиться! На каком плече, говоришь, сидит?

– Плюй через левое, – посоветовал Череву. – Обязательно попадешь! Хоть невидим и бестелесен, но плевок в свою сторону ощутит.

– Как? – спросил Придон.

– Но ты же ощущаешь недобрый взгляд? Тебе становится тепло от дружеской улыбки?

Придон подумал, фыркнул презрительно:

– От улыбок куявов? Не смейся. От ваших улыбок мне тошно.

На кухне прождали недолго, хотя куявы, судя по их виду, совсем не считали, что артане просто убивают время. Один из поваров даже вздохнул, глядя на замаривающих червячков артан: сколько волка ни корми, он все ест и ест, но артане ели и пили просто так, чтобы чем-то заняться.

Аснерд спросил у Придона:

– А ты хоть знаешь, почему куявы так любят свиней?

– Ну?

– Куяв любит свиней потому, что кошки смотрят на него сверху, собаки снизу, а свиньи – как на равного.

Олекса захохотал, едва не удавился куском кровяной колбасы. Тур спросил непонимающе:

– А как же их едят?

– А куявы все едят, – объяснил Аснерд очень серьезно. – Даже друг друга! Прямо поедом.

Тот же человек в блестящей одежде прибежал со всех ног, закричал, что тцар изволил отпустить послов, сейчас вкушает отдых. Череву сказал торопливо:

– Быстро, быстро!.. А то перехватят!

– Кого? – не понял Скилл.

– Тцара! Думаешь, одни мы стараемся попасть на прием к великому и могучему тцару?

Почти бегом пересекли два просторных зала, уже не обращая внимания на чудеса. У входа в третий стражи скрестили копыя. Череву небрежно махнул рукой:

– Это со мной, мои личные друзья.

Стражи молча отступили.

Придон переступил порог, вздохнул с облегчением. Не зал, а простая комната, хоть и кричаще богато отделана серебром и золотом, а драгоценные камни не к месту торчат даже из стен. Да еще лестница из дорогих пород дерева ведет вверх, там, похоже, спальня.

В комнате два длинных стола и широкие лавки: сиденья и спинки умело обтянуты толстыми шкурами редких зверей. В комнате трое: два человека за одним из столов ведут неспешную беседу, а третий нахохлился за их спинами в отдельном кресле, высокий тучный старик, даже в жаркой комнате сидит в шляпе. На нем теплый камзол, толстые брюки, на ногах легкие растоптанные сандалии. Перед двумя за столом широкие кубки на коротких ножках, а на деревянном подносе горка соленых орешков. К удивлению Придона – любимая забава артанских детишек: надколотые, лишь вымоченные в соленой воде, когда скорлупки раскрываются, как устрицы, а соленый раствор малость пропитывает ядрышки.

Мужчины деловито брали орехи, один расщеплял половинки пальцами, другой брал в рот, с блаженным видом смаковал соленость, потом слышался смачный хруст, челюсти мерно двигались, а скорлупа летела прямо на толстый роскошный ковер.

Дрожь пробежала по телу Придона, когда он увидел тцара. В самом деле лев, стареющий, но все еще могучий, способный разогнать стаю волков, сокрушить буйвола и ударом лапы перебить хребет могучему туру. Голова как котел, седеющие волосы красивыми волнами падают на могучие плечи, сильно оплывшие, роскошный халат скрывает фигуру, но тучноват тцар, тучноват, щеки на плечах, живот на коленях, но руки все еще сильные, пальцы толстые, а орехи трещат, как хрупкие перепелиные яйца.

Второй, который брал орешки в рот, сухой худой старик с морщинистым длинным лицом, одет в халат, разрисованный хвостатыми звездами, явно маг. Седая голова без привычного колпака с высоким верхом, но все равно, как твердо решил Придон, это маг. А то и чародей.

Маг повернулся, Придон понял, почему орешки раскусывает зубами. На месте правой руки болтается пустой рукав. Не похоже, что старик даже в молодости был воином, не то у него лицо, не тот взгляд, так что руку мог потерять в схватке с демонами. Не все демоны, говорят, покоряются чарам...

Череву выждал чуть, кашлянул.

– Светлomu вниманию Вашего Светлейшего Величества, – сказал он почти нормальным голосом, – я представляю своих друзей из Артании... что приехали ко мне в гости!

Глаза всех трех мужчин с интересом пробежали по мужественным фигурам артан. Все шестеро инстинктивно напрягли мышцы, только Придон пока еще смутно, но уже ощутил, что в этой стране к силе относятся без почтительности, оставив ее рабам и диким животным.

Лев в роскошном халате небрежным жестом пригласил их к столу.

– Хорошо, – произнес он сильным, чуть хриловатым голосом, – что не послы... Мы сейчас изволим отдохнуть после вчерашнего пира. Рассаживайтесь, рассказывайте, что интересного у вас в стране, что интересного узрели в нашей...

Череву выждал, пока сядут его «гости», но сам опустил на лавку с таким облегчением, что даже тцар улыбнулся, все понял. Артане сели рядышком, спины все такие же прямые. Лица неподвижные, ни одного лишнего жеста, ни одного лишнего движения, мужчины не должны ронять себя, потеря лица на людях – страшнее позора умереть в постели.

Конечно, все шестеро, хоть и с неподвижными лицами, старались ухватить в поле зрения как можно больше. Кто больше видит и больше понимает, тот сильнее. Так же пристально, хоть и намного откровеннее, рассматривали их тцар, маг и третий, тучный старик.

Тцар сказал с великолепной небрежностью:

– Меня вы знаете, тцар Тулей, это вот мой советник – великий маг Барвник, а это управитель дворца и тоже советник, бер Щажард, самый мудрый управляющий в стране. Свои имена можете не называть, все равно не запомню.

Сам он смотрел на артан с ленивым интересом человека, которому показывают дивных зверей, но он видел и куда дивнее. Советник и маг Барвник поглядывал чуть доброжелательнее, только управитель Щажард смотрел на варваров с хмурым недовольством. Гораздо богаче и значительнее живет он сам, могущественный Щажард, как и другие приближенные к тцарю люди. Им доставляют с горных озер редкую рыбу золотоперку, что похожа на бледную ящерицу с мизинец размером, с другого конца страны привозят к этой рыбке на быстрых конях травку ирперлу, что растет только в одном-единственном месте, а с берега озера привозят удивительных червей, которых считается изыском есть живыми, они тогда так уморительно пищат. Можно сделать блюдо из жареной рыбки и живых червей, все это посыпать травкой тарна...

Но эти варвары! Как уже доложили во дворце, артане на базаре сожрали по жареному гусю, потом побродили по городу, наткнулись на корчму, зашли и опустошили все запасы оленины, поели карасей в сметане, освоили тазик знаменитых куявских вареников, потом их призвали во дворец, где в ожидании приема забрели на кухню и увидели впервые в жизни такое чудо, как колбаса. Удивились, начали пробовать и, к ужасу и восторгу поваров, сожрали несколько колец колбасы кровяной, колбасы с луком, колбасы с диким чесноком, колбасы копченой и колбасы сырокопченой. Затем заели колбасой печеночной, опустошив запасы на неделю вперед для дворцовой стражи, после чего очень довольные пришли вот и теперь наверняка ждут... когда же наконец начнется пир!

Из боковой двери неслышно пошли цепочкой слуги. Быстро и ловко ставили на столы блюда с только что зажаренными гусями, печеной зайчатиной, умело приготовленной рыбой, между блюдами, как по волшебству, появлялись тяжелые кувшины, перед каждым артанином заблестал золотой кубок с рубинами по ободку.

Скилл натянуто улыбнулся, артане сидят ровные, как будто в седлах проезжают после победы перед очами тцара. Только Аснерд взглянул с предостережением. Скилл чуть опустил веки, мол, не волнуйся, я не скажу им все, что о таком думаю.

– Великий тцар, – сказал он с достоинством, – мы артане...

Тулей смотрел с любопытством. В темных глазах поблескивали искры.

– Вот уж не подумал бы!

– Мы артане, – повторил Скилл. – А боги запретили артанам вино.

Тцар всплеснул руками.

– Ох, как я мог забыть?.. Акуц, убери с той стороны вино!.. Или, может быть, дорогие гости, все же отведаете?.. В дороге, я слышал, вам позволено пить и есть все?

Придон тяжело дышал, им бросили вызов, ненависть начала заливать чернотой мозг, однако Скилл ответил с холодным спокойствием:

– Когда нет выбора. Но у человека всегда есть выбор.

Слуги очень замедленно убирали кубки с той стороны, где сидели артане. Тцар сказал, улыбаясь с ехидцей:

– Или вы не пьете вина потому, что не доверяете себе?

Придон ощутил на плече тяжелую длань Аснерда. Скилл ответил с вежливым высокомерием:

– Мы себе доверяем. Давайте так: вы пейте вино, как принято у вас, мы не будем пить, как принято у нас... Пейте хорошо, много. И будем вести неспешные беседы. О чем хотите. О небожителях, о древних воителях и славных людях, о тайнах богов и безднах магов...

Тцар чуть сдвинул брови, маг отвел взгляд, не решаясь подсказать тцарю. Тот внезапно хохотнул.

– Молодцы! Завидую. Я держу спину прямой раз в год, когда принимаю присягу беров. И то потом неделю хребет трещит!.. Как вам удастся все время быть вот такими... прямыми, не представляю. Ладно, пусть каждый ест лишь то, что ел у себя, пьет лишь то, что пьет дома. Гость должен уважать обычаи хозяина, но и хозяин должен чтить обычаи гостя...

Скилл внезапно застыл, потянул ноздрями. Глядя на него, насторожился Аснерд, а Тур вообще опустил нож и двузубую вилку. Придон, еще не поняв, в чем дело, проследил за их взглядами. Двое слуг водружали на середину стола роскошное блюдо. По виду оно напоминало паштет из печени, хотя чувствовался некий странный запах, а в коричневую корочку были воткнуты нежные оранжевые цветы, испускавшие сильный аромат.

Тцар вежливо осведомился:

– Вас что-то тревожит, дорогие гости?

Скилл помолчал мгновение, глаза смотрели исподлобья, а голос прозвучал ровно, даже чересчур ровно:

– Благородный тцар... не этим ли блюдом ты намерен угощать нас?

– Это на всех, – сказал тцар с натянутой улыбкой, – но, я надеюсь, вы тоже оцените умение нашего повара!

– Уже оценили, – ответил Скилл совсем холодно. – По достоинству.

Тцар встревожился, посмотрел на мага, потом на гостей, но даже Скиллу показалось, что тцар чересчур выказывает недоумение, слишком уж демонстрирует.

– И что не так? – спросил тцар.

– Мы не едим свинину, – ответил Скилл ровно. – Ваш повар, зная это, не стал подавать свинью в зажаренном виде, как вы едите обычно, но даже этот паштет он постарался украсить цветами, чтобы отбили запах. А ведь всем известно, что даже нечаянно съеденная свинина – большой грех для артанина.

Олекса ахнул, нож и вилка выпали из его пальцев, а рука взметнулась к плечу, где пальцы должны были ухватить рукоять топора. Тцар быстро взглянул в его белое от бешенства лицо.

– Вы – первые артане, ступившие в мой дворец!.. Мой повар мог вообще не знать, что артане едят, а что не едят. Или же не считал это уж очень большим проступком... и хотел, чтобы вы оценили его мастерство. Словом, не надо это рассматривать как враждебность! Если вам вид этой свинины так неприятен, я велю убрать, чтобы не смущать вас.

Он хлопнул в ладоши. Появились слуги, тцар указал на блюдо, но Скилл живо запротестовал:

– Ваше Величество!.. На благородный жест следует отвечать благородным. Я прошу вас оставить это блюдо на месте. Мы, правда, к нему не притронемся, но всем нам в самом деле доставит удовольствие видеть, как вы... будете есть это...

Он не договорил, смотрел прямо и чисто, однако даже Придон уловил глубоко спрятанное тяжкое оскорбление в адрес куявского тцара и всех на той стороне стола. Да, пусть едят это нечистое животное, пусть. Нет выше зрелища, чем видеть унижение врага.

Тцар, похоже, все же не уловил подтекста, небрежным движением головы отослал слуг в свои ниши.

Старый маг наклонился через стол к Вяземайту. Выцветшие от старости глаза смотрели серьезно.

– Я прошу меня простить, – сказал он серьезно, – я ни в коем случае не хочу никого обидеть... просто, как магу, мне важнее знать причины разных явлений или запретов, чем способы заточки мечей или как одним ударом разрубить двойной панцирь. Мне интересно, что лежит в основе запрета... есть свинину?

Вяземайт хмуро улыбнулся, кивнул в сторону Придона, Тура.

– Почему не спросить у них?

Маг поморщился.

– Я знаю, что ответят. Что свинья – нечистое животное, ибо ест все... Ни одно животное не жрет все, только свинья! Это я уже слышал. Но ведь и человек ест все!

Вяземайт кивнул.

– Вот вы и ответили.

Маг смотрел в удивлении.

– Не понимаю.

– Вы уже ответили, – сказал Вяземайт ровно. – Человек и свинья едят все. Мясо человека и свиньи неотличимо. В глубокой древности люди ели людей точно так же, как и всех прочих зверей. Потом, когда начали... подниматься по трудной дороге к богам, перво-наперво договорились не есть себе подобных. Но, как всегда, многие не соглашались. А когда запрет ввели силой оружия, так уж пришлось, ибо силой можно подчинить даже несогласных... то эти несогласные убивали людей уже тайком и ели, как и прежде. На базарах человеческое мясо продавали уже не как человечину, а как свинину. Я ж говорю, их мясо неотличимо. Затем, когда это стало совсем запретно, человеческое мясо могли есть только тцары, вожди племен. Но и они делали вид, что едят свинину. Так и не удавалось искоренить людоедство, что тянулось сотни и сотни лет... Если не тысячи. Людей ели, несмотря на все запреты! Только прятали под свинину... Человеческое мясо подавалось теперь не только как лакомство для сильных мира сего, но и для тех, кто отказывался, чтобы опорочить их... ибо вкусивший человечины лишался вечного царства на небесах и становился презираемым на земле.

Однорукий маг слушал с неослабевающим интересом. Придон ощутил, что сам с замершим сердцем прислушивается к этой жуткой истории.

– И тогда, – сказал Барвник понимающе, – решили запрет распространить и на свинину?

– Верно, – ответил Вяземайт. – Мы даже помним, когда это случилось. Однажды один из тцаров по имени Тантал, принимая могучего бога с другими богами, подал на стол мясо собственных детей.

Барвник ужаснулся:

– Как можно?

– У него были сотни жен, – отмахнулся Вяземайт, – и тысячи детей. А самое лакомое – плоть себе подобного! Так вот даже боги обманулись и начали поедать человечину, только сам Зевс, так звали бога тех народов, понял разницу в мясе, разгневался... Не помню, что было дальше, кого-то бил, наказывал, низвергал, но серьезного ничего не сделал. Или другой, царь Атрей, угостил Фиеста мясом его сыновей... Правда, потом Фиест сошелся со своей дочерью, а родившийся от такого союза Эгисф отомстил Атрею... Вот именно тогда наши жрецы и решили, что если даже боги обманываются, не в состоянии отличить человеческое мясо от свиного, то надо запретить в наших землях и свинину... дабы никто никогда не отведал человечины даже по незнанию!

Барвник содрогнулся всем телом. Лицо его приняло землистый оттенок. Придону показалось, что его сейчас вытошнит. Однако, совладав с собой, однорукий маг сказал уже рассудительно:

– Ладно, что было, то было давно. Даже очень давно! Сейчас... сейчас даже говорить смешно, что человечину подадут на стол!

Вяземайт пожал плечами:

– Вы так уверены?

– Конечно, – ответил однорукий, потом вдруг наморщил лоб, в глазах появились осторожность.

– Я – нет, – ответил Вяземайт, – вы знаете почему.

Куявский маг нехотя кивнул.

– Догадываюсь.

– Потому мы и соблюдаем тот завет Яфета. Он его ввел не зря, не зря! Много раз обжигался, видел, как другие обжигаются. Но простому народу можно и не объяснять причины. Яфет ввел – этого достаточно. А мы просто чтим память своего великого предка. У вас же, не имеющих великих предков...

Маг сказал удивленно:

– Разве артане и куявы не от одного корня?

Вяземайт усмехнулся.

– Докажите!

– Но легенды...

– Да кого эти легенды убедят? На то и легенды. Но мы выполняем заветы своего предка, разве это не лучшее из доказательств, что мы – его дети?

Аснерд крикнул и, достав из-за пояса нож, который невесть как пронес, отхватил здоровенный кус жареной оленины и тут же принялся запихивать в рот, даже не поперчив, не посолив, не посыпав толченой душистой травой, что усиливает аппетит.

Щажард горестно вздохнул. За такой желудок он отдал бы свой заветный ларец с драгоценностями, даже земли за озером и богатейший лес на кордоне со Славией, только бы вот так же наслаждаться жизнью, аппетитом, уметь чувствовать голод, жажду!

А эти на пиру будут наслаждаться всю любую едой, даже простым свежее испеченным хлебом, куда и трав-то никаких особых не добавляют...

Придон отрезал первый ломоть, от стола сладостными волнами накатывают умопомрачительные запахи, желудок уже растолкал в дальние кладовочки те куски, что получил раньше, умял, утоптал и приготовился хватать новые. Рядом двигались локти Скилла, он потянулся за мясом зайца, а Череву, примостившись в одиночестве за отдельным столом, сразу налил себе вина.

Придон уловил, что Тулей и старый маг не столько едят, сколько рассматривают артан. Он и сам постарался взглянуть на себя и артан глазами куявов: полуголые варвары, что среди пышных и разряженных куявов ведут себя как звери: рычат, громко хохочут, звучно шлепают один другого по широким потным спинам. Едят обеими руками, кости швыряют под стол. Хватают кувшины с плакун-травой и пьют прямо из горлышка, после чего брезгливые куявы не решаются налить себе в кубок и велят слугам подавать им другие кувшины.

Щажард морщился, кривился, а старый мудрый маг сказал ему негромко, но Придон услышал:

– Это тоже спесь...

– Спесь? – переспросил Щажард.

– Да, – ответил маг, чуть улыбнувшись. Посмотрел на артан и добавил: – Только другого рода.

Глава 8

Трусы, подумал Придон обозленно. Играете непонятными словами, а топоры в вашей жалкой стране мало кто умеет держать в крепких ладонях. Да, жалкая страна, жалкий народ, а мы – Артания, мы – кочевники, мы – Боевые Топоры, мы – «народ, идущий по верному пути». Ишь, своего советника назвал умным! Если про человека говорят, что он умный, значит, у него нет других достоинств.

Маг медленно положил на стол горстку орехов. Придон поймал на себе его взгляд. Судя по взгляду, старый маг ощутил его мысли, его ненависть, его злость, его страстное желание стереть Куявию с лица земли, а свою Артанию сделать единственной на свете. По телу прокатилась холодная волна, словно бросили в реку. Нет, в болото, со дна которого бьют ледяные ключи.

Он с трудом отвел взгляд, потянулся к блюду с мясом. На миг показалось, что коричневая поверхность шевельнулась, задержал руку, нет, померещилось, отрезал кусок и понес ко рту. Пальцы едва не выронили, мясо задержалось, сочный ломоть жареного мяса превратился в огромного отвратительного слизня. Слизень извивался, пытался выскользнуть. Маленькая головка поднялась, уставилась в лицо Придона блестящими глазами на стебельках.

Придон замер, глаза быстро отыскивали Скилла, Аснерда, Вяземайта. У всех напряженные лица, Скилл подносит ко рту ломоть мяса, лицо каменное, но Придон знал все оттенки на лице брата, ощутил с ужасом, что Скилл видит то же самое, однако преодолевает себя, вот поднес кусок ко рту, старается не смотреть, откусил... На лице по-прежнему скрытое отвращение.

Тцар вдруг поинтересовался:

– Как вам наши блюда?

Скилл проглотил кусок, ответил вежливо:

– Спасибо, прекрасная кухня.

– В самом деле? – спросил тцар.

В его звучном голосе Придон уловил сильнейшее разочарование. Тцар слишком пристально всматривается в лица гостей, даже есть перестал, глаза едва не выскакивают из орбит, теряет лицо, для тцара это непристойно.

Аснерд отложил свой кусок и очень медленно, выигрывая время, резал ножом на мелкие части. Вяземайт вовсе застыл, только губы едва двигаются да брови сошлись на переносице, как два грозных войска.

Однорукий маг вздрогнул, глаза расширились. Придон уловил на себе его ищущий взгляд, затем липкое ощущение исчезло, глаза чародея обратились с подозрением к Аснерду, Вяземайту, даже к Скиллу.

– Прекрасная кухня, – повторил Скилл. Он взял второй кусок мяса, поперчил и отправил в рот. – Просто прекрасная...

Тцар смотрел с изумлением, управитель недовольно задвигался на месте. Оба одновременно оглянулись на чародея. Тот сидел с побагровевшим лицом, на лбу выступили капли пота. Губы тряслись, капли пота укрупнялись на глазах, одна медленно поползла, слилась с другой, и вот уже мутная струйка побежала, огибая седую бровь.

Гадкий слизень в руке Придона исчез, теплое мясо приятно грело пальцы. Он с жадностью отправил в рот, прожевал, на него посмотрели с изумлением. Он улыбнулся, кивнул, мол, прекрасная кухня, просто прекрасная.

Только Вяземайт сидел неподвижно. Темное от солнечных лучей лицо стало серым, как гранит. Жилы на шее вздулись, Придон ощутил, как от волхва вдруг пошла волна черной испепеляющей ненависти.

Чародей вскрикнул, вскочил. Тулей поморщился.

– Что случилось? Сиди, Барвник.

– Но...

– Сиди, – рыкнул тцар.

Придон отрезал мясо, ел, причмокивал, улыбался, делая вид, что все делает с огромным удовольствием, даже с наслаждением, но в желудке было холодно от мысли, что вдруг да это мясо все же превратится в жаб и слизней уже там, внутри?

Внезапно с той стороны стола пошла волна удушливой вони. Вяземайт глубоко выдохнул, взял с блюда ломоть мяса и посмотрел в глаза чародея. Тот снова поднялся, жалкий, трясущийся, а тцар, морщась, проревел:

– Что... что это?

– Мне надо уйти, – пролепетал однорукий маг.

– Вон! – рыкнул тцар.

Барвник метнулся из-за стола в сторону двери. Стражи поспешно распахнули перед ним створки. За чародеем тянулась по воздуху зеленоватая струя, похожая на редкий расплывающийся дым. Штаны сзади промокли и сильно отвисли.

Скилл отложил недоеденный ломоть мяса прямо на стол и сказал вежливо:

– Да, было очень вкусно.

Аснерд отшвырнул недогрызенную лапку, даже выплюнул недопережеванный кусок прямо на середину стола и сказал недружелюбно:

– Да, очень. Даже очень.

А Тур, что раньше не раскрывал рта, буркнул:

– А запах, запах... Я имею в виду, от... этих блюд.

Придон ликовал молча, а Вяземайт хладнокровно наверстывал то, в чем приотстал за время поединка. Тцар хмуро смотрел, как он ловко, со знанием куявских манер перчит и солит, заворачивает в пряные листья и умело откусывает с острого края. Череву улыбнулся и тайком подмигнул артанам, а Щажард хранил бесстрастное молчание. Судя по его брезгливому лицу, ему претили эти детские стычки магов.

Тцар поинтересовался у Вяземайта:

– И долго он будет... так?

Вяземайт пожал плечами:

– Всю жизнь.

Тцар нахмурился.

– Мне он нужен. У меня это сильнейший дворцовый чародей.

– В Артании обходятся без чародеев, – сказал Скилл вежливо.

– Здесь – Куявия, – напомнил Тулей чуть суховато.

– В Артании создали топоры, – ответил Вяземайт с присущей волхвам и жрецам загадочностью, – в Куявии – щиты.

– Что это значит?

Вяземайт вежливо улыбнулся.

– Это значит, что мы многое не умеем из того, что умеете вы.

– Это верно, – согласился Тулей довольно. – Мы многое... Э-э, значит, ему придется самому, да? Как выкарабкаться?

– Вы мудры, тцар, – ответил Вяземайт с поклоном. – У нас бедная магия, да и то все наступательная. Защитной у нас почти нет. Потому я даже не пробовал защищаться от... шуточек. Я просто, просто...

Щажард впервые нарушил молчание, шевельнулся, сказал:

– Просто по-артански нанес удар в лоб. Могучий тцар, наши гости прибыли издалека. Они не простые люди, а великие герои. Это уже... известно. Потому и не прибыл наш полково-

дец Дунай-богатырь, потому что... гм... ему уже известно. Ну, известно... Хорошо бы узнать их мнение о нашей стране, нашей обороне, наших обычаях...

Скилл взглянул на Аснерда, на Вяземайта, им говорить, но в это время наверху без скрипа отворились двери, Придон увидел полосу света со второго этажа, там появилась женщина в дорогих одеждах. Она спускалась по лестнице очень медленно, двигались только ее ноги, лицо оставалось мертвенно-неподвижным. Все повернули головы и смотрели, как она грациозно переносит себя со ступеньки на ступеньку. За нею шел человек в ослепительно белом плаще и в белой остроконечной шляпе. Только лицо выглядело чересчур смуглым. Пальцы в толстых перстнях, ладони выкрашены белой краской, дальше тонкие кисти прячутся в широких рукавах плаща.

Волосы женщины напомнили Придону родные горы после лесных пожаров, такая же остроконечная башня смугло-черных волос, золотые ленты обвились так плотно, что виден только желтый блеск. Жемчужные нити умело вплетены в волосы и спускаются к плечам. В ушах сверкают огромные серьги, что тоже вытянулись вниз, касаясь плеч. Шея укрыта в три ряда драгоценными камнями, которые переливаются всеми цветами, стреляют искорками, от них по стенам побежали цветные зайчики.

Обнаженные до самых плеч руки густо унизаны жемчужными нитями, а золотые браслеты блистают при каждом движении множеством рубиновых камней. Платье расшито красными цветами, подол тянется по мраморным ступенькам, все выглядит величественно и красиво.

Мужчина, по мнению Придона, больше походил на воина, чем на мага. Женщина произнесла глубоким красивым голосом:

– Мы видели, как выскочил Барвник. На нем... горел халат. Что-то случилось?

Тудей проворчал:

– Просто приболел. У него жар. Не волнуйся.

Женщина сказала:

– Тогда пусть побудет Горасвильд? Он может понадобится. У вас такие гости...

Щажард опустил голову и рылся в вазе с орешками с таким видом, словно надеялся найти среди них золотой слиток. Тудей поморщился.

– Нет необходимости, – ответил он резче. – Не мешай нам!

Женщина скользнула холодным взглядом по артанам. Придон ощутил на обнаженной коже легкую снежную пыль. Женщина, однако, подошла к столу, но тцар поднял голову и уставился на нее тяжелым взглядом. Ее красивое бледное лицо слегка дрогнуло, в нем появилась неуверенность, на скулах проступили красные пятна. Женщина опустила пальцы на спинку стула, оглянулась на молодого спутника. Тот слегка качнул головой.

– Ну хорошо, – произнесла женщина ровным голосом, Придон ощутил в ее голосе холод стального клинка, – хорошо, беседуйте... Если понадобится, мы с Горасвильдом будем в соседнем зале.

Она повернулась, Придон успел перехватить взгляд, полный ненависти, который она метнула на тцара. Да и артанам, свидетелям ее унижения, взгляд не сулил ничего доброго.

Когда за ними захлопнулась дверь, чересчур громко захлопнулась, тцар потер лицо широкой ладонью, он сразу стал выглядеть старше и утомленнее.

– Моя супруга, Иргильда... И маг Горасвильд, который... помогает ей в ее проблемах. Так о чем мы вели неспешную беседу?

Щажард с раздражением отбросил скорлупки, Черевко вздрогнул, встал и почтительно поклонился грозному властелину.

– Великий тцар!.. – провозгласил он пропитым голосом. – Наши гости... мои гости, прости, в Куябе по торговым делам. Нашим странам пора возобновить торговлю, ибо у артан есть то, что нужно нам, а у нас немало того, что пригодилось бы им...

Тцар кивнул, без всякого удовольствия лущил орехи и выкладывал пустые скорлупки в длинную цепочку. На лбу собрались морщины, отстраненный взгляд проникал сквозь орехи, чашу и стол, уходя в глубь земли. После долгой паузы Щажард поинтересовался:

– И что наши доблестные гости заметили достойное для торговли?

Скилл ответить не успел, тцар очнулся, обвел всех взором царствующего льва, великомерно небрежным жестом отмахнулся от канцлера, как от мелкой мухи.

– Да хватит о делах! Расскажите, герои, что интересного увидели вообще? Здесь, в моей стране? У правителя глаза привыкают, многие язвы остаются незамеченными. А вы, с вашим свежим взором сынов Степи...

Скилл сказал медленно, с неспешностью, словно отвечал не сын могущественного тцара, а сам тцар могучей Артании:

– Нам знаком мир твоей страны, тцар. Нового ничего не увидели, ибо ни башен магов, ни лежбищ драконов нам не показали... Правда, мы посмотрели, как ваши лучники упражняются... Очень интересно! Нам очень понравилось. Встретили и вашего полководца, неустрашимого Дуная... Кстати, где он? Но это пустяки. Я не хочу отнимать у вас время, вы заняты очень важным делом, я сам люблю эти орехи... потому сразу скажу о главном.

Придон задержал дыхание. Вся душа тряслась и отчаянно молила брата, чтобы он сказал все правильно, чтобы тцар понял и принял.

– Говори, – обронил тцар.

Он с легкостью расколол орех двумя пальцами, лицо стало строже, а глаза – внимательнее.

– У тебя есть дочь, – сказал Скилл просто. – Ты ее любишь и бережешь больше всего на свете. У меня есть брат, вот он сидит... взгляни!.. которого я люблю и пытаюсь тоже защитить даже от падающего с дерева листочка, хотя о его голову можно разбить все скалы Куявии, ха-ха!... Я хочу, чтобы ты отдал свою дочь за моего брата. Уверен, что мой дядя, он сейчас замещает моего отца, тцара Артании, даст добро на этот брак.

Наступила мертвая тишина. Даже артане сидели не дыша, а у тцара дыхание перехватило от гнева. Лицо медленно начало наливаться кровью. Послышался хруст, из кулака посыпались измельченные в пыль орехи. Брови сдвинулись над переносицей, под сводами прогремели первые раскаты грома, молния в полумраке блеснула пока еще слабо, даже не молния, а зарница, предвестница страшной грозы.

Неожиданно подал голос Щажард.

– Тцар, – обронил он с почтительным предостережением, – ты всегда был мудр и осторожен. Потому Куявия вот уже много лет процветает, стада множатся, народ тебя славит. Ты давно уже... давно!.. не принимал быстрых решений.

Тцар метнул в его сторону лютый взгляд. Грудь оставалась вздутой, как у петуха перед мощным «кукареку», от всего могучего тела пахнуло жаром, повисла мертвая тишина. Тцар медленно выдохнул, но гнев во взоре остался, а брови как будто сцепились на переносице.

– Ты прав, – сказал он сдавленным голосом. – Быстро решают только пастухи. У них овцы... да еще коровы. А дочь тцара... это не просто молодая девушка. Это еще и выбор: с кем дружить, с кем воевать. Идите, мы ответим... через неделю.

У Придона вырвался горестный вскрик. Аснерд больно ткнул в бок кулаком. Скилл покачал головой:

– Тцар, мы собирались завтра вернуться в Артанию. Мы – сыновья тцара! Мы тоже не можем, подобно пастухам, проводить дни в праздности и глядении на плясунов!

Тцар нахмурился, сердце Придона сжалось, сейчас выгонит, но снова Щажард вклинился со своим вкрадчивым голосом:

– Идите, а я постараюсь уговорить могучего тцара решить вопрос до завтра. Если надо, соберем Совет, но... решим.

Черевое все еще вздрагивал, хотя никто их не вязал, двери захлопнулись за их спинами, а стражи не пошли за ними, угрожая копьями. Глаза бера стали круглыми, как у совы. Внизу ждали носильщики, но Черевое подозвал их жестом умирающего героя, те, не удивившись, взбежали по мраморным ступенькам, опустили носилки. Черевое со вздохом повалился на подушки.

– Вам повезло, – сообщил он артанам. – К счастью, с ним мудрый Щажард. Он вас не любит, но всегда подсказывает тцару верные решения.

– Надеюсь, – буркнул Скилл. Он выглядел рассерженным. – Хотя решить можно было сразу. Все же ясно.

А в покоях, которые только что оставили, Тулей все еще злыми глазами смотрел на дверь, за створками которой исчезли обнаглевшие варвары. Грудь вздымалась, птицы начинали двигаться по халату, как ящерицы, а ящерицы то вылезали на самые видные места, то прятались между складками.

– Ну, – прорычал он. – Что у тебя на уме? Тебе не кажется, что они просто издеваются? Ищут повод к войне?

– Тцар, – сказал Щажард, – тцар!.. Нам в это трудно поверить, но это в самом деле так: бедные дикари рассматривают себя и свою бедную страну как ровню нам, нашей могучей и просвещенной Куявии! Этот дикарь не понимает, что он наносит тебе оскорбление. Он в самом деле уверен, что это вполне равный брак. Ведь наше сокровище, Итания, – дочь тцара, а тот молодой дикарь с лицом в шрамах – сын их степного вождя, которого тоже осмеливаются именовать тцаром!

Он говорил и говорил, голос журчал, как ручеек в саду, где тцар любит уединиться со своими думами. Напряжение незаметно улетучивалось, взамен пришел такой покой, что тцар подозрительно посмотрел на советника: не пользуется ли магией?

– И что ты советуешь? – буркнул он.

Щажард сказал настойчиво:

– Великий тцар, что ты теряешь?.. Этим дикарям все равно не получить наше сокровище. Но прямо вот так взять и отказать... чем будем отличаться от этих простых и прямых, как их стрелы, дикарей? Нет, надо убить двух зайцев одной стрелой, что значит – быть настоящим куявом!

Тцар буркнул досадливо:

– Да знаю, знаю. Это я погорячился. Давно не слышал дерзких речей. Как он осмелился?

Щажард робко улыбнулся.

– Скромность, конечно, украшает, но на хрена настоящему артанину украшения? Он говорит, что думает.

– А думает, что оказывает нам честь?

– Ну да, Ваше Величество. Это же – дети богов!

Тулей зло расхохотался, Щажард умело передразнил надменных дикарей, спросил уже без прежней ярости:

– Что у тебя на уме?

– Если нужно для дела... – начал Щажард вкрадчиво.

– То что? – спросил Тулей с подозрением.

– То я могу Вашему Величеству подерзить вдоль и поперек, чтобы вы начинали привыкать.

Тулей отмахнулся:

– Не надо. У тебя слишком злой язык. Что предлагаешь?

– Вернувшись к нашим баранам, то есть артанам, замечу вам почтительно, что жених всегда должен доказывать, что он достоин. Не так ли? Так было везде и так пребудет вовеки.

Твое право проверять достоинство так, как считаешь нужным. Можно, к примеру, запросить как выкуп за невесту тысячу табунов скота... Увы, это, немыслимое для любого куява, легко сделают многие артане. Можно потребовать доказать свою силу и удаль в поединках с твоими богатырями, но... боюсь, мой повелитель, что эти братья могут выйти победителями. Ты сам их видел.

– Видел, – ответил тцар. Он зябко передернул плечами. – Звери! Да чтоб я таким отдал свою дочь...

– Вот-вот. Но можно послать за чем-то, откуда этот жених не вернется.

Тулей задумался. Он чувствовал, что Щажард к чему-то подталкивает, но мысль уже пошла пробираться через топкое болото мелочных ежедневных забот правителя великого царства, которому уже не остается времени на великие свершения...

– Есть такое, – вырвалось у него. – Есть! Волшебный меч бога Хорса! Пусть соберет его обломки и доставит мне.

Щажард кивнул. В глазах его тцар прочел тщательно скрытое удовлетворение.

– Мудро, – обронил Щажард.

– А выполнит?

– Ты мудр, тцар, – сказал Щажард и слегка поклонился. – Ты мудр и велик!... Даже если этот дикарь сумеет выполнить хотя бы наполовину...

Оба посмотрели друг другу в глаза, оба одновременно улыбнулись, как две гиены над трупом. Даже в самых бедных домах простолюдинов вечерами любят рассказывать, что волшебный меч бога Хорса, натворивший так много бед, однажды отобрал у бога и разломал на части один маг неслыханной мощи. Многие летописи хранят описание, как этот расвирепевший чародей, с красными, как пламя, волосами и страшными зелеными глазами, ужасный обликом и свирепый нравом, пытался уничтожить меч вообще, но есть деяния, недоступные никому на свете. Тогда чародей отломанную рукоять закопал где-то в Куявии, лезвие – в Славии, а ножны спрятал в Артании. Многие герои пытались отыскать меч и собрать воедино, но уцелевшие возвращались с пустыми руками.

– Даже, – повторил Щажард с нажимом, – если этот дикарь сумеет доставить хотя бы рукоять... или ножны! Хоть что-то, но отыщет все-таки, у тебя появится сокровище.

– Хорошо бы – отыскал, – сказал Тулей с сожалением. – Скажем, рукоять. С нее, говорят, надо начинать поиски.

– С ножен, – поправил Щажард. – Обломки меча нельзя брать в руки... это еще одно заклятие, что наложил тот маг.

– Пусть ножны, – согласился Тулей. – А потом пусть и сгинет. Второго героя послал бы за другими обломками... Ведь еще не родился герой, который сумел бы отыскать и собрать все три обломка.

– Да еще и вывезти из чужих земель! – добавил Щажард. – Ведь все наши войска, что посылались в Славию, просто исчезли, великий тцар. Мы даже не знаем, что у них... там.

Тулей звучно хлопнул в ладоши. Слуга вошел с широким подносом в руках. На этот раз в крохотных тарелочках были умело зажаренные кузнечики и сушеные личинки яблочного жука.

Щажард поморщился: как ели эти проклятые артане, как пожирали все, до чего дотягивались руки! Прежнее недоброжелательство превратилось в устойчивую злость, он сказал раздраженно:

– У них сила быков, у нас – мудрость. Что из них правит миром, видно по ребенку, что ведет быка на пастбище... или на бойню.

Тцар жевал рассеянно, глаза смотрели вдаль, взор проникал сквозь стены. Снова Артания! Предложение о торговле, столь нужное для Куявии, однако даже в нем чутся новая угроза со стороны этих кочевников, варваров, именующих себя народом Боевых Топоров. А еще – «Народом, идущим по верному пути». Им противостоят два, конечно же, подлых народа,

укравших у них законное право быть единственными сынами Яфета! Рождаемость высока, все новые и новые отряды выплескиваются кипящими волнами и разбиваются либо о защиту куявов, либо бесследно исчезают в лесах Славии. Но юных героев это не страшит, не страшит.

А здесь этим дикарям... то бишь героям, конечно же, не дает продвинуться и пограбить всласть подлая страна колдунов, что раздражающе несокрушима именно в защите. Правда, эта несокрушимость достигается башнями магов высоко в горах, их мощь от подземных источников колдовской воды, потому сама Куявия никогда не переходит в наступление, не вторгается в земли Артании. Это подается как полное миролюбие Куявии, но если честно, то никакие войска куявов не выдерживают сражений в открытом поле.

Итак, неустойчивый мир... Более выгодный Куявии, Артания не только богаче неисчислимыми стадами скота, что бросается в глаза в первую очередь, но у нее и шахты богаче, там железная руда выходит прямо наверх, золотые жилы из самородков с голубиное яйцо, так что торговать с нею выгодно. К тому же торговлей удастся расшатывать железную доблесть артан, внедрять у них куявскую роскошь, что обязательно смягчает звериные нравы.

А где не удастся повернуть по-своему, то надо как можно дольше тянуть, откладывать, находить причины для проволочек. И всегда успех сопутствует терпеливым куявам.

– Он будет совсем сумасшедшим, – обронил Тулей, – если пойдет искать этот меч.

Щажард развел руками:

– Да, безумец. Разве я доказываю, что он разумен?... Но, великий тцар, а разве был разумным я, когда оставил ремесло плотника, которое кормило и давало уважение односельчан, и пошел искать... незнамо что? Я сто тысяч раз мог погибнуть, околеть, замерзнуть, упасть в пропасть, подохнуть с голоду. Не говоря уже, что в лучшем случае уцелел бы и вернулся к старости обратно, позабыв мастерство плотника, и доживал бы век, кормясь подаяннием?..

Тцар буркнул, морщась:

– Но тебе повезло. Ты где-то на что-то наткнулся. Теперь ты бодр, как молодой бычок, а кости твоих сверстников уже обгрызли черви. Но тебе просто повезло!

– Повезло, – согласился Щажард кротко. – Но если бы я не оставил ремесло плотника и не свершил это безумство... повезло бы мне? А ты, пресветлый тцар? Ты мог бы жить припеваючи в добре и холе в своем крохотном Червячинске. Кто тебя заставил собрать горстку сумасшедших и пойти на Куябу?... Ведь явившийся из неведомых глубин и захвативший трон Ютигга был силен, за его спиной стояли могучие демоны. Это было безумство – выступить против самого Ютигги!

Тцар усмехнулся, расправил плечи. На миг в грузном правителе проглянул прежний отважный воин с яростными глазами и перекошенным в страшном боевом кличе ртом. Но только на миг, а нынешний тцар повозился в кресле, устраивая расплывшееся тело среди подушек, буркнул:

– Ты прав, это было безумие. Сейчас я бы ни за что...

Его передернуло, на лице проступило отвращение. Щажард поклонился, сказал с нажимом:

– Но ты это сделал. Все знали, что безумство выступить против Ютигги! И сам Ютигга это знал. И все-все знали. Но ты выступил, ты вошел в Куябу, ты разгромил, захватил, поверг, растоптал... Ты сел на трон, и счастливая Куявия пела тебе благодарственные гимны!

Тулей хмыкнул, но лицо посветлело, а в глазах блеснула гордость. Даже плечи с натугой распрямил, словно слышал прежние победные трубные звуки.

– Не понимаю, зачем ты...

– Не отвергай артанина, – посоветовал Щажард. – Он скорее всего сам голову сломит. Такие долго не живут! Это песни о них живут долго. Живут и рожают новых героев... Но если этот артанин совершит то, что ты ему велишь, он из нашего... прости, теста. Прости, что равняю себя с тобой, но я не о знатности... а о том безумстве, которое по воле богов посещает

немногих. Мне был глас, чтобы я бросил ремесло плотника и шел искать нечто, тебе был зов, что надо либо пасть в неравном бою, либо освободить страну от чужеземного захватчика... а этому артанину велено пасть к ногам твоей дочери!

Тцар буркнул:

– К ее ногам пали все женихи Куявии.

– Что их ведет? – спросил Щажард со скептицизмом. – Одних – жажда породниться с тобой, других – твои сокровища, третьих – жажда овладеть таким цветком, как твоя дочь, и бахвалиться перед остальными... Но только артанина ведет сила, более могучая, чем все в человеке. Любовь – та странная мощь, что ставит человека вровень с богами. Пусть над ним смеются дурни, но мы с тобой ведь не дурни? Ты помнишь, что о тебе говорили, когда ты начал созывать людей в поход на Куябу?

Тулей потемнел, брови сдвинулись, глаза выкатились, налились кровью. Он задышал часто, опомнился, выдохнул, сказал сварливо:

– Черт... Не напоминай о том позоре, тех унижениях и тех плевках, через которые прошел!.. Как я жаждал с ними расправиться! Как ночами представлял все те пытки и казни, через которые проведу мерзавцев, чтобы умирали долго, медленно!.. А уже потом, когда победил и сел на трон, уже велел позвать палачей... но понял, что пришлось бы перевешать всех, с кем тогда сталкивался, говорил, общался.

Щажард тонко улыбнулся.

– Зато заслужил славу мудрого, доброго, всепрощающего, справедливого правителя.

– Да не от всепрощения, – огрызнулся Тулей. – От бессилия! Вот и живем теперь среди... среди...

Щажард подсказал мягко, в голосе глубокое сочувствие:

– Среди нормальных. Сами тоже нормальные. Уже. Но мы еще помним, хоть с каждым днем все слабее, что такое – безумство!

Тулей вдруг зябко передернул плечами. Голос дрогнул:

– Ты так его хвалишь... А что, если в самом деле соберет... меч?

– Жизненный опыт, – сказал Щажард тихо, тцар уловил печаль в голосе, – да и немалые жизненные наблюдения говорят, что все влюбленные клянутся исполнить больше, чем могут, но не исполняют даже возможного!.. Что им застит глаза, не знаю. Наверное, слишком стар, чтобы понять. Но это значит, что дикарь не соберет весь меч. Погибнет в поисках. Но... возможно... только возможно!.. что сумеет добыть и принести хотя бы рукоять или ножны.

Тулей подумал, кивнул:

– Да, уже это было бы неплохо. Решено!

– Но пару дней надо взять на раздумья. Для важности. Простой народ... а артане все простые, как муравьи, будут уважать больше.

Глава 9

Скилл с воеводами отправился в корчму при постоялом дворе. Звали и Придона, но Придон только представил это затхлое помещение с запахами кухни, кислого вина и дешевого пива, скривился. В Куябе достаточно чудес, лучше уж походить по городу.

Аснерд многозначительно заметил, что в корчме не только пьют, там разный народ бывает, очень разный, но Скилл обнял воеводу за плечи и увел, сказав, что Придону сейчас не до интересов Артании.

Немного пристыженный, Придон вспомнил, что в корчме всегда можно узнать многое от торговцев, контрабандистов, его спутники умеют совмещать приятное с полезным, но вдруг с ужасом ощутил, что в этот момент для него в самом деле интересы Артании как-то поблекли.

Он крикнул мальчишке:

– Оседлай коня!

– Господин собирается уезжать?

– Нет, – ответил Придон, – немного поброжу по городу.

Мальчишка удивился:

– На коне?

– Не на козе же, – ответил Придон, он не понял, что удивило малолетнего куява.

Мальчишка торопливо оседлал его жеребца. Придон прыгнул в седло и сразу ощутил себя намного увереннее и сильнее. И потому, что смотрит с высоты рослого коня, и потому еще, что за плечами огромный боевой топор. Кто бы ни посмотрел, сразу начинает разговаривать уважительно.

Правда, когда выехал за ворота, некоторое время чувство неправильности не оставляло, но незаметно улетучилось, как сырость на ярком солнце. Копыта стучат звонко, он на рослом коне поглядывает на всех и на все свысока, а народ пугливо обтекает его, как зайцы, что страшатся приближаться ко льву.

Конь шел бесцельно, Придон очнулся от сладких грез, когда улочка сузилась так, что ноги в стремених начали задевать стены. Дома с обеих сторон старые, из выщербленных камней, а вместо плит под копытами глухо звенит простой булыжник. Да и тот либо торчит, как гнилые зубы, либо камни провалились в землю, словно в топкое болото.

Встретил двух нищих, еще мальчишки играют в стукалку у стены, да на перекрестке с такой же узкой и бедной улицей прямо на земле сидит, прислонившись к нагретой солнцем стене, довольно молодой парень. Придон увидел у него на скрещенных коленях доску с натянутыми струнами, парень с полузакрытыми глазами рассеянно трогал их кончиками пальцев. Он касался струн неторопливо, но звуки рождались нежные, приглушенные, слегка печальные. Придон вздрогнул, в его сердце отозвалась такая же струна.

Конь остановился, навис над певцом, как огромная скала. Певец приоткрыл один глаз, Придон поморщился. Глаза певца красные с перепоя, веки опухли, тяжелые, под глазами мешки. Придон уже придавил конские бока, посылая вперед, но струны зазвучали снова. Рука сама по себе натянула повод.

Словно насмехаясь, певец, не открывая глаз, пощипывал струны, а в груди Придона отзывалось сладкой болью. Почему-то всплыло лицо Итании... нет, оно и не исчезало, но просто наполнилось красками, улыбнулось, ее губы слегка полураскрылись, словно она говорит ему что-то неслышимое.

– Хорошо играешь, – сказал Придон грубо. Он старался сбросить с себя наваждение. В Куявии все колдуны, все стараются одурачить честных артан. – Лови монету!.. А что-нибудь воинское умеешь?.. Или только о цветочках?

Он захохотал громко и нагло, как должны смеяться мужчины. Певец подобрал монету, теперь глаза раскрыты, кивнул, хриплый с перепоею голос стал подобострастным:

– Мы всё должны уметь, великий воин!.. Иначе кому такие нужны?

Пальцы быстро забегали по струнам. Придон услышал грозный рев боевых рогов, затем донесся стук копыт, это один всадник, за ним скачет сотня, а вот уже несется неудержимо вся лава, гремит боевой клич, на солнце грозно блещут вскинутые над головой боевые топоры!.. Вот лязг металла, ржание раненых коней, яростные крики воинов, стоны раненых, призывы вожаков отрядов, снова рев боевого рога, грохот, крики, звон металла, жуткий свист летящих стрел...

Он втянул голову в плечи, захотелось укрыться щитом от удара сверху, но струны зазвучали иначе, он ощутил, как из-за туч выглянуло солнце, жаркие лучи упали на его обнаженные плечи, ласково согрели спину, уже нет никакого ратного поля, он идет через цветущий луг, сочная трава колыхается на уровне пояса, всхрапывают сытые кони, над головой щебечет беспечная птаха...

...И вдруг на синее чистое небо с севера быстро двинулась невиданно черная тяжелая туча. Оттуда бьют молнии, а в земле вспыхивают огни. Стена огня идет в его сторону, он оглянулся в страхе, но с той стороны вздыбилась отвесная каменная стена, уперлась в небосвод так, что там затрещало, посыпались крупные осколки хрусталя. А туча все ближе, огонь торжественно ревет, ветер донес волну жара, закрылся руками, но чувствует, как вспыхивают брови, горят волосы, а глаза от страшного жара высыхают и лопаются.

Он вскрикнул, отпрянул, едва не рухнул с седла. Конь беспокойно переступил с ноги на ногу. Видение исчезло, снова сидит на верном артанском коне, весь дрожит и уже покрылся гадким липким потом, а оборванный певец все так же перебирает струны, что-то поет на своем языке хриплым пропитым голосом. С губ Придона сорвалось проклятие. Певец оборвал песнь, смотрит снизу вверх. Придону почудилась в глазах певца затаенная насмешка.

– Достаточно ли героическая песнь? – спросил он негромко.

Придон, все еще вздрагивая, выудил из кармана все монеты, бросил прямо на музыкальную доску. Певец довольно вскрикнул, узнав по блеску благородное золото.

– Ты щедр, великий воин, – сказал певец. – Ты в самом деле щедр!

– Ты колдун? – спросил Придон.

Певец отшатнулся, даже стукнулся затылком о стену.

– Зачем мне эти глупости? – спросил он. В голосе певца Придону почудилась обида. – Я намного сильнее... Зачем мне?

Придон пробормотал:

– Сильнее?.. Что за дурь... Правда, я теперь уже и сам не знаю, где у вас кончается дурь, а где начинается... другое.

Конь послушно двинулся вдоль домов. Придон с усилием выпрямился, развел в сторону плечи и выпятил грудь, чтобы солнце красиво играло на широких пластинах мышц. Но в черепе все еще звучали то боевой рог, зовущий в схватку, то змеиное шипение молний, что бьют в землю совсем близко, то совсем некстати всплывало прекрасное лицо с удивленно вскинутыми бровями.

Бог, мелькнула суматошная мысль. Бог посещает и этого певца. Не может человек говорить... вот так!

Он ездил бесцельно, стараясь убить время, часто задирает голову к небу. Орлы выглядят крохотными крестиками на чистом небе, ястребы, тоже застывшие неподвижно, пару раз заметил настолько медленно плывущие клинья журавлей, что надо долго стоять и смотреть, чтобы увидеть, как перемещаются. Но ни одного дракона, а, по хвастливым слухам, именно драконы и есть основная мощь Куявии...

Правда, есть еще башни магов, но те не сдвинуть, а десяток драконов могли бы рассеять, просто разметать конную армию артан в чистом поле, где не спрятаться в пещеры, за стены. Придон часто представлял себе страшную картину, когда с неба снижаются громадные драконы, на спинах куявы с дротиками и луками, а сами драконы плюются таким огнем, что вспыхивает степь, начинает гореть земля. Всякий раз он содрогался от ужаса и беспомощности, но потом начал ломать голову, почему же куявы не присылают такую армию? Заверения, что куявы такие мирные и добрые, – брехня, нет такого соседа, чтобы не воспользовался силой и не оттяпал у более слабого кусок земли, не заставил платить дань золотом, товарами и людьми.

Были слухи, что драконы не могут улетать далеко от гор, где гнездятся, другие говорят, что огня у дракона хватает только на три выдоха, после чего обязательно садятся и долго отдыхают, а если такой сядет в артанской степи, там он не намного сильнее степного льва, а тех бьют копьями даже подростки.

В корчме за обильно накрытым столом сидели только Вяземайт со Скиллом и Аснердом. Олекса и Тур умолили сурового отца отпустить на улицы куявского града: когда еще побывают!

Вяземайт посоветовал добродушно:

– Пусть идут. У тебя дети степенные. Молодые, а уже держатся осмотрительно, лишнего слова не брякнут. Что с такими орлами случится?

Аснерд махнул рукой, счастливые сыновья умчались. Скилл сказал озабоченно:

– Что-то Придон задерживается.

Вяземайт сказал с кривой улыбкой:

– Он горяч, но умеет сдерживаться. За него не переживай. Он уже увидел, что все куявы нас ненавидят и боятся, но на эту мелочь не обращает внимания... В таких случаях стоит замечать только тех, кто ненавидит вдвойне. Или кто ненавидит не артан вообще, а именно тебя... Могу сказать, что к числу наших врагов добавились такие могущественные люди, как жена тцара...

Аснерд хрюкнул:

– Это Иргильда, что ль? А мне она показалась вполне, вполне... Чем-то раздражена, но с этим можно поладить. Я даже знаю как.

Вяземайт захохотал. Победно захохотал, запрокидывая голову к потолку, показывая крепкие желтоватые зубы.

Скилл спросил с любопытством:

– А что Аснерд сказал не так?

– Сказал? – переспросил Вяземайт, хохоча. – Он не сказал, он брякнул!

– А что брякнул?

– Все... – едва выговорил Вяземайт, – все не так!.. Он не знает, за что Иргильда так ненавидит однорукого мага! За что готова разорвать на мелкие клочья, растереть в муку...

– За что?

– Тулей, захватив трон, нуждался в поддержке местной знати. Он взял в жены дочь самого крупного из боров, чьи земли занимали хорошее положение, а родовые замки превратил в крепости. Надо сказать, что Иргильда тогда была молода и очень красива.

Аснерд сказал с неудовольствием:

– Да она и сейчас ничего. А я бы сделал ее еще моложе.

– Не сделал бы, – заверил Вяземайт радостным голосом. – Щас скажу почему. Тцар часто уезжал на кордоны, надо было замирать соседей, а молодая красавица, оставшись одна... гм... да и чувствовала она, что они с Тулеем не ровня, что ее могли бы выдать за человека более благородного происхождения.

– Дура, – обронил Аснерд веско.

– Еще какая, – согласился Вяземайт. – Теперь эти благородные беры ему сапоги чистят! А он – тцар. Так вот, когда Тулей дознался, что на их супружеском ложе перебивала половина мужчин из дворца, он... не стал ее казнить или искать виновных среди мужчин, что вообще-то мудро, кто из нас бы увильнул от соблазна? Он просто велел однорукому запечатать ей лоно. И с того времени никто из мужчин больше не может... Отныне Тулей уезжал на войны, а Иргильда в бешенстве окружала себя магами, знахарями, чародеями, но, увы, заклятие однорукого намного сильнее.

Скилл сказал задумчиво:

– Понимаю, почему у нее такое лицо.

– А кто этот Горасвильд? – спросил Аснерд.

– Маг, который задержался дольше всех, – отмахнулся Вяземайт. – К тому же – красавец. Обещает, что вот-вот снимет заклятие. Вообще-то он не один вертится вокруг Иргильды. Это от нее слухи, что тцар болен, а когда умрет, она расправится с его сторонниками... На сегодня уже отколола от Тулея половину двора!

Он видел на лицах обоих артан нескрываемое отвращение. Интриги, сплетни, тайные слухи, заговоры... И среди этой гнили расцвел такой дивный цветок, как Итания? Бедный Придон...

Вяземайт добавил вдруг очень серьезно:

– Да, еще забыл сказать. Теперь и мы для нее – враги.

– Тю на тебя, – удивился Аснерд. – А мы при чем?

Вяземайт хмыкнул, мол, сам догадайся, а Скилл сказал серьезно:

– Это понятно. Мы видели, как Тулей цыкнул на нее, как на собачонку. Свидетели ее унижения! С другой стороны, Тулей прав: нельзя наглеть до такой степени даже жене. Когда надо, ее позовут. А то вломилась, как кабан в камыши. Еще и чесальщика спины привела...

Им снова пришлось оставить боевые топоры и даже поясные ножи при входе во дворец тцара. Сердце Придона всхлипывало от изнеможения. Наконец-то его день, наконец-то примерзшее к земле время сдвинулось, вот уже открываются ворота...

Снова роскошные залы, один другого краше. К Череву подошел придворный бер, пошептался. Череву кивнул, повернулся к артанам:

– Тцар принимает послов. Нам предлагают пока, чтобы не скучали, посмотреть дворец, диковинки...

У Придона вырвался вскрик. Скилл усмехнулся, сказал негромко:

– А почему нет? Надо знать, где что лежит.

Во дворце им долго показывали роскошь палат, сокровищницы, доспехи древних воителей, магические кристаллы, волшебные вещи... Но, как заметили артане, равнодушный к украшениям из золота Аснерд все же оживал, когда видел молодых хорошеньких девушек, а их, как нарочито, проводили перед ними часто.

Скилл ткнул его кулаком в бок.

– Седина в бороде, бес – в ребро?

Аснерд погладил чисто выбритый подбородок, глаза его выкатились из орбит, провожая взглядом молоденькую служанку, что несла через зал кувшин на плече. По обычаю кувявов обнажена до пояса, юная, грациозная. Покрытые тонким солнечным загаром молодые груди торчат дразняще. Она перехватила жадный взгляд артанского воеводы, ее губы раздвинулись в загадочной усмешке, которую можно истолковать как угодно.

Она уже скрылась, а воевода смотрел в ту сторону, не замечая украшенных серебром и золотом стен, статуй, выкованных из чистого золота массивных светильников.

– Где седина? – спросил он запоздало. – Пока мужчина бреется, у него седины не бывает.

– А на голове? – уличил Скилл.

– На крыше может лежать снег, – ответил Аснерд наставительно, – но в доме может быть тепло! А в очаге вообще полыхать жаркий огонь.

– Что ты называешь очагом?

Придон первым в нетерпении пошел дальше, стремясь поскорее закончить с этим осмотром, словно это могло ускорить прием послов из дальних стран, Скилл двигался рядом, успокаивающе похлопывал по спине.

Вяземайт ткнул Аснерда в спину.

– Пошел, не спи! Что-то слишком часто раскрываешь рот на всех этих... тупых бесстыдниц. Зачаровали?

Аснерд проворчал:

– Те, кто хвалит женщин, знают их мало, но те, кто ругает, не знают совсем. Что, волхам нельзя? Дурость все ваши запреты. Вот в таких юных и красивых запрятано все главное волшебство Куявии! И вообще, в них и есть вся магия белого света.

– Что ты мелешь, дурак? Совсем из ума выжил?

Аснерд спокойно отпарировал:

– А что, у любви или магии есть что-то общее с умом? От ума мне ни холодно ни жарко. А вот при виде этих молодых и спелых моя жизнь, что уже начинает скучнеть, снова гремит по степи копытами, над головой сверкает и даже поет радуга, а в траве верещат кузнечики!.. Даже зимой верещат, и цветы цветут, если хватаю какую-нибудь в объятия.

Вяземайт в отвращении сплюнул, пошел вперед, стараясь не находиться вблизи распустившегося воеводы. Скилл, который по долгу наследника трона все замечал и слышал, остановился в следующем зале, а когда Аснерд поравнялся, сказал с мягким упреком:

– Зачем волхва дразнишь?

– А дурень, – ответил Аснерд хладнокровно. – Мудрец, а дурень. И дорожка его опасная. Ведь начинаешь с того, что отучиваешься любить красивых женщин... как же – соблазны!.. затем вообще других людей, ибо надо любить только своего бога, а кончаешь тем, что уже и в самом себе не находишь ничего для любви. А это уже не человек.

– Может быть, – сказал Скилл тихо, – становишься выше человека?

Аснерд отмахнулся с великолепной небрежностью чистокровного артанина до мозга костей.

– Но я-то среди людей? Что мне дороги богов?

Он с удовольствием рассматривал женщин, но с неодобрением провожал взглядом разряженных мужчин, пышно одетых придворных.

Череве заметил, спросил ядовито:

– Что, не нравятся?

Аснерд фыркнул, как конь.

– Мужчина должен быть слегка неряшлив! Или ширинка расстегнута, или рукав в говне!

Череве в десятом по счету зале со вздохом повалился на роскошный диван. Диван был укрыт шкурой диковинного зверя, Скилл тут же измерил длину, пощупал лапы с оставленными острыми когтями, уважительно покачал головой:

– Да, сильна у вас магия.

Череве открыл один глаз. По красному распаренному лицу стекали мутные капли пота. Толстые щеки блестели.

– Какая магия? – ответил он уязвленно. – Простые охотники добыли простыми копьями. У них даже наконечники не из бронзы, как у вас. Просто жерди с обугленными для крепости заостренными концами. По два-три таких вот зверя в месяц бьют! Скот охраняют.

Скилл усомнился:

– Таких зверей заостренными палками? Бабушке своей расскажи, когда встретишь.

Череву все еще отдувался тяжело. Лицо за эти три дня опухло еще больше, пошло красными нездоровыми пятнами. Сказал раздраженно:

– Уверен, что только у вас воины?.. Отважные воины Степи? Народ Боевых Топоров?.. Налетели лавой, выпустили тучу стрел, унеслись, как стая испуганных ворон!.. А встречный удар вынести сможете?

Артане смотрели, онемев. Череву морщится, слышно, как трещит череп бера, а внутри грохочет камнедробилка, глаза налились кровью, вот-вот лопнут. Видать, забрало бедолагу, обычно куявы на язык осторожные.

Скилл сказал с недоброй улыбкой:

– А вы проверьте. Что стоит куявам хоть раз вторгнуться в наши земли? Увидите, сможем ли защитить.

Череву отмахнулся, в жесте и словах было великолепное презрение знающего человека к тупым детишкам простолюдинов:

– Что вы можете защищать?.. Вы даже не знаете, где могилы ваших предков!

Под сводами потемнело. Придону почудилось, что едва слышно прогрохотал гром.

Скилл слегка побледнел, желваки вздулись страшные, рифленные. Но сдержал вспышку гнева, ответил сдержанно:

– Мудрецы говорят, что, когда мы умираем, наши тела становятся землею. Когда я умру, то уйду в свою землю... В которой сейчас мой дед, которого я так любил, его отец и отец его отца, все их братья и сестры! Мне ли не защищать землю, что вся из моей родни?.. Ту самую, что и есть моя кровная родня?

Аснерд громко кашлянул. Когда кашлял воевода, это было похоже на звук лопающегося льда в весенний ледоплав. Сейчас же светильники по всему огромному залу колыхнулись, а ближайшие погасли, как под ударом сильного холодного ветра.

– Мы все устали, – сказал он мирно, – все мы злые. Мне кажется, что с послами ваш пресветлый тцар уже не только все обговорил, но и опустошил винные подвалы...

Череву провел ладонью по лицу, а когда убрал, глаза снова были острые и осторожные.

– Ты прав, воевода. Нас уже тошнит друг от друга. Вы предпочитаете откровенность, так вот я вам и дал... откровенность. Эй, Липяк!.. Сбегай узнай, примут ли нас?

Молодой воин умчался, а воевода подошел, могучая длань похлопала Череву по плечу.

– Откровенность – удел сильных. Нас с Вяземайтом тошнило друг от друга, но в битвах мы не раз прикрывали друг другу спины. А вот лстецы страшнее...

Череву слабо улыбнулся.

– У нас говорят, бойся человека, что не ответил на удар.

Глава 10

Придона трясло так, что он слышал, как стучат его кости. С обеих сторон проплывают отвесные стены гор с выглядывающими оттуда драконами, глаза горят, из пастей огонь, но стены – не горы, да и драконы – всего лишь светильники в виде страшных голов. Под стенами зачем-то народ в пестрых одеждах...

Череве остановился перед дальней дверью. Двое стражей гигантского роста, таких не отыскать даже в Артании, застыли, как каменные статуи. Череве с усилием выпрямился, раздвинул плечи. На лице бера появилась значительность.

– Нас ждут, – сообщил он.

Стражи пристукнули древками копий, сделали по шагу от двери. Череве вздохнул, его белые пухлые пальцы легли на украшенную золотом массивную ручку двери.

Придон задержал дыхание. Дверь медленно отворялась, из помещения навстречу ударил яркий свет, словно дверь ведет не в другой зал, а в мир залитого солнечным светом золотого песка.

За спиной Придона пробормотал проклятия Аснерд. Старый воевода толкнул его в спину. Придон со стыдом ощутил, что проклятие в его адрес. Он заставил деревянные ноги передвигаться.

Из зала слышались веселые голоса, женский смех. Дверь открылась, Придон деревянными шагами двигался за Скиллом. Аснерд и Вяземайт вошли свободно, словно в артанскую конюшню, переговаривались, блики от светильников красиво играют на их обнаженных плечах, похожих на морские валуны.

Придон заставил себя вспомнить, что он и без коня выглядит сильным и красивым, а его здоровая молодая кожа блестит, словно натертая маслом. Он с усилием выпрямился, заставил себя смотреть прямо перед собой, не дергая головой, не бросая взгляды по сторонам.

В помещении два стола. Один поменьше, за ним сам великий тцар Куявии, могучий Тулей, он все в том же халате, будто и не снимал. Справа его управляющий Щажард, слева место осталось пустым. Сердце Придона сразу оборвалось в пропасть. На другой стороне стола четыре места, все свободные, а в трех шагах другой стол: длинный, уставленный самой разной едой, по обе стороны сидят очень красивые женщины.

Придон видел, как Скилл сразу засмотрелся на них, Олекса и Тур выпрямились, Аснерд перестал хохотать и принял вид значительный, а Вяземайт укоризненно покачал головой.

Череве поклонился еще издали.

– Светлый тцар, прости, я снова со своими гостями...

Тцар кивнул ему на второй стол, а артанам указал на места за своим столом. Сам он сидел свободно, величественно, руки на широких подлокотниках, резная спинка покрыта для мягкости и удобства шкурами барсов, сам тцар даже в халате выглядит роскошным и внушающим поклонение, на голове расшитая золотом шапка. Лицо приветливое, но в глазах злое торжество.

Придон с благодарностью взглянул на Щажарда. В этот момент хотелось сделать для него что-то хорошее, важное. Это тот, который не дал тцару прогнать их сразу.

На середине стола горят как жар широкие кубки из чистого золота. Огромные рубины блистают по ободкам, словно капли крови великанов.

– Садитесь, – сказал Тулей почти благодушно. – Мы решили за это время, что негоже любящему отцу принуждать родную дочь... Словом, она сейчас придет. Одевается к обеду... У вас, как я слышал, и к обеду, и к ужину женщины идут в одной и той же одежде? Гм, какие дивные бывают обычаи!.. Словом, как я уже сказал, пусть Итания сама скажет... Я не стану мешать счастью своего любимого ребенка. Как скажет, пусть так и будет!

Скилл подмигнул Придону. Сердце Придона пищало от волнения и страха, прыгало по всей необъятной груди. Он чувствовал, как оно то становится крохотным, как мышонок, то раздувается так, что может разорвать грудь.

Аснерд легонько ткнул Придона в бок, даже Вяземайт одобряюще стукнул по спине. Уже понятно, что решит дочь тцара. Самые доблестные и мужественные мужчины на свете – артане. А Придон ко всему еще и ослепительно красив той странной диковатой красотой, от которой шалеют женщины и к которой не чувствуют вражды мужчины.

Неслышный слуга возник как из воздуха. Придон не успел проследить за ним взглядом, как все кубки оказались наполнены, а слуга исчез, будто растворился в воздухе.

Он с подозрением смотрел в кубок на темную вкусно пахнущую жидкость. Череве сказал торопливо:

– Это виноградный сок в смеси с темными ягодами.

Аснерд поинтересовался:

– Перебродивший?

– Перебродивший виноградный сок зовется вином, – ответил Череве пугливо. – Что делать, нам в Куявии – веселие пити... Вам только завидуем.

Но, судя по тому, с какой жадностью выхлебал всю чашу, стать артанином согласился бы только под пытками. Да и то тайком бы сам давил виноград и делал вино.

Тулей повел рукой, захватывая весь зал.

– Здесь все знают, что вам можно предлагать, а что нельзя. Ответят мне лично! Так что веселитесь...

Аснерд выпил залпом, тут же сам налил себе снова, поднялся с кубком в руке. Крупный, широкий, располневший в поясе, он держался величественно, как тцар огромной державы, в лице достоинство, в жестах – гордость, в мудрых глазах грозное веселье.

– У вас прекрасное вино, – сказал он. – Я бывал в дальних странах, но нигде не пробовал ничего подобного!.. Да, артане не пьют вина, но, когда в чужих краях и в походе, мы не всегда можем соблюсти свои обряды.

Тулей сказал добродушно:

– А что на это говорят боги?

Аснерд ответил тем же щедрым голосом:

– Наши боги – не последние дураки. Наш человек, выведывая в чужих странах секреты, должен носить чужую одежду, есть чужую еду и кланяться чужим богам. В походе, если есть вино, а нет воды, боги сами накажут дурака, что умрет от жажды!.. И потому я везде говорил, и говорю сейчас, что на свете нет вина слаще и достойнее, чем вино из Куявии!

Его массивная, как пивной котел, голова повернулась в сторону смеющихся женщин. Он вскинул кубок, провел им справа налево, хватая цепкими глазами всех женщин сразу и каждую в отдельности. Они хихикали и краснели. Взгляд могучего воеводы слишком уж откровенен.

Аснерд сказал сильным звучным голосом:

– Выдам нашу самую затаенную из тайн, в которой страшимся признаться даже самим себе. Да, признаюсь...

– Аснерд, – сказал Скилл предостерегающе.

– А я все равно скажу, – упрямо ответил Аснерд. – Вот даже разболтаю!.. Так вот, на самом деле наши отважные герои ходили на Куявию вовсе не ради золота или славы! Это все так объяснялось потом, потом... Наши волхвы даже до интересов державы договорились! Смешные. На самом же деле трудными горными тропами, страшными для нас, привыкших к Степи, мы пробирались в вашу страну и похищали вас, самое великое сокровище Куявии и... всего мира.

Женщины засмеялись громче. Их глаза не отрывались от воеводы, во взглядах, помимо женского лукавства, сквозило и многозначительное обещание.

– Я, – сказал он так, словно проревел, но женщин, судя по их лицам, громовой голос воеводы не пугал, еще как не пугал, – суров, как ваши горы, и неприступен, как леса Славии! Меня даже родня называет человеком-скалой. Но сейчас мое сердце стучит так, что раскачивает, как пьяного. А душа тревожно ноет, как будто с нее сняли кожу. Вы сейчас отомстили мне за все набегі сразу, сполна и жестоко! Вы меня поразили в самое сердце, теперь я у вас в плену – раненый и скованный звуками ваших голосов, вашими глазами. Вы все – колдуньи! Но я не хочу, чтоб меня расколдовывали.

Он поднес кубок ко рту. Все молча наблюдали, как красные толстые губы обхватили край кубка, чтобы не пролилось ни капли. Кадык двигался мерно, мощно, кубок воевода задирал дном все выше, наконец донышко поднялось к своду. Воевода осушил виноградный сок до дна, не пролив для богов враждебной Куявии даже капли.

Тулей и Щажард обменялись взглядами. Тцар кивнул с кислой улыбкой, трудно возражать против такого тоста, а Щажард пристально посмотрел на Вяземайт.

– Я могу узнать мудреца, когда вижу его перед собой. В какой бы одежде он ни был... или вовсе без одежды. Могу я тебе, мудрый, задать вопрос?

– Сколько угодно, – ответил Вяземайт высокомерно.

Придон видел, как насторожились Скилл и Аснерд, да и сам Вяземайт подобрался, глаза посуровели.

– У нас вчера возник спор, – сказал Щажард вкрадчиво. – Наши мудрецы едва не вцепились друг другу в бороды, выясняя, когда начинается день? Одни говорили, что в момент, когда солнце встает из-за края земли, другие – что еще раньше, при рассвете, когда только алая заря... Что скажешь ты, мудрец страны Артании?

Вяземайт усмехнулся уголком рта. В запавших глазах было презрение. Придон вздрогнул, когда взгляд волхва упал на него.

– На эти вопросы ответит любой ребенок в Артании, – сказал Вяземайт. – Придон, ты слышал вопрос? Ответь, ведь мы здесь из-за тебя.

Взгляды, как острые стрелы, впились в тело Придона. Он судорожно вздохнул, язык прилип к гортани, мысли мечутся, как ошалелые пчелы, все плывет и качается перед глазами.

Как издали, услышал свой хриплый голос:

– День начинается... когда просыпается Итания. Тогда... снова жизнь, снова свет. Тогда я снова возрождаюсь к жизни! Тогда начинают петь птицы, цветы поднимают головы, трава просыпается, и тогда только... встает солнце!

Голос звучал наполненный такой страстью, что светильники вспыхнули ярче. На стенах властелины и полководцы прошлых времен повернули головы и смотрели на Придона очень внимательно.

Советник ничего не успел сказать, в зале пахло другим ароматом, нежным и тонким. Придон уловил его первым, он уже чувствовал, куда смотреть, и, когда на том конце зала колыхнулась штора, он всхлипнул и задержал дыхание.

Слуги раздвинули складки тяжелой материи. Итания вышла медленно, словно выплыла. От нее шел такой свет, что светильники разом потускнели. На пышных волосах едва держалась крохотная корона, из-под нее золото волос струилось, как потоки с высокой скалы. Искорки бегали в волосах, играли, шалили, и вся эта роскошь блистала, как полуденное солнце. Когда Итания прошла через зал и царственно заняла место рядом с отцом, коса легла на пол. Придон представил, что если расплести на ночь, то укроет золотом весь ковер в его шатре, а ночь превратится в сверкающий день. От этой мысли кровь закипела в жилах, он покраснел, как брошенная на горящие угли металлическая чешуйка доспехов.

С губ Итании не сходила улыбка. Похоже, ей нравился восторг на лицах артан, что из суровых воинов превратились в потрясенных детей. Особенно часто взгляд ее ясных глаз останавливался на Придоне. Ему почудилось, что она слышала его горячую речь.

Он в самом деле не мог ни дышать, ни жить, теперь весь он там, у ее трона, а душа его под ее ногами визжит и машет хвостиком, падает на спину и безумно счастлива, когда божественная ножка касается ее щенячьего брюшка.

Как сквозь волшебный сон, услышал сказочно музыкальный голос, от которого душа во мгновение ока оказалась на небесах, а потом, сообразив, где лучше, снова заползла под ступни ее ног.

– Как вам наша Куявия? – спрашивала она. – После вашей бескрайней Степи не кажутся ли дивными наши высокие горы, башни магов, наш огромный город?

Придон ощутил толчки с обеих сторон. Даже Скилл смотрит выжидающе, сам плотно сжал губы. Мол, сейчас говорить ему, его показывают, как красавца жеребца, стараясь продать подороже.

Он еще не успел придумать, что сказать, а душа его уже разомкнула уста и заговорила страстно, огненно, опалая губы жарким дыханием:

– Куявия?.. Величественные башни, горы, озера, дивные птицы... Итания, я не вижу даже землю, по которой ступаю... с того дня, как увидел тебя! Что мне красоты дворца? Я хочу сегодня, сколько могу, любоваться звездами твоих глаз, хочу смотреть на румянец твоих щек, на ямочки на твоих щеках! Что мне сокровища вашего дворца, тайны ваших магов?.. Частокол твоих ресниц таит больше тайн и загадок, я могу смотреть на них и любоваться вечно...

Аснерд крикнул, не то осуждая, не то одобрительно, Скилл досадливо хмурился. В глазах Итании мелькнул смех, но сказала она почти серьезно:

– В твоих словах, дорогой гость, столько силы, что я страшусь за эти стены!.. Может быть, лучше говорить о том, о чем положено на таких советах?

– О чем? – вскрикнул Придон.

Она пожала узкими плечиками.

– О политике, безопасности границ, торговле...

– Итания, – воскликнул он, – да что про государственные интересы, безопасность, торговлю?.. Я просто люблю тебя! Я не могу жить без тебя. Как только я увидел, я обезумел... Но даже безумный, клянусь, что никто не сумеет тебя так беречь и любить, как я – Придон, сын Осеннего Ветра и внук Громоверта! Я... просто не знаю даже, что готов для тебя сделать, чтобы ты... чтобы ты...

Он запнулся, ибо смутно и далеко зазвучал голос бога, но смысл был непонятен, а только ныло сердце, а его бросало то в жар, то в холод. Итания смотрела на него неотрывно, но он не мог понять, что в ее взгляде.

– Хорошо, – прозвучал в его ушах ее сладкий музыкальный голос, – но тебя не знаю я... не знает народ Куявии. Дочь тцара не может выйти за простолюдина, который ей понравится...

Скилл вскипел, встал так резко, что Аснерд и Вяземайт едва удержали стол.

– Мой брат – не простолюдин!

– Докажите, – отпарировала она. – Куявы должны видеть, что я выхожу замуж за героя.

Придон вскрикнул воспламененно:

– Только скажи, что сделать! Я все эти горы сверну...

– Сворачивать не надо, – ответила она быстро, – наоборот, надо поставить на место. Даже не горы, а... просто меч. В храме бога Урдула есть алтарь, где лежал тот меч. Сейчас он сломан... даже разломан на три части! Рукоять в одном месте, лезвие в другом, ножны заброшены в третье... Собери эти обломки и принеси их на алтарь. Там – они воссоединятся снова.

Придон воскликнул, дрожа от счастья:

– Я соберу!.. Я принесу!.. Я положу все на алтарь!..

Она ответила просто:

– Тогда возьмишь и меня.

Встречный ветер трепал волосы. Отдохнувшие кони несли резво, сами счастливо отдавались бешеной скачке, старались обогнать друг друга. Придон то и дело вырывался вперед, не терпелось поскорее получить от дяди «добро» на поиски меча, а от верховного волхва узнать, что его ждет.

Череве велел проводить их до самой пограничной речки. Провожатые загоняли коней, меняли в каждом встречном селе, а артане неслись, как не знающие усталости степные волки. Их кони лишь разогрелись, изредка начинали ронять пену, но, стоило степнякам чуть умерить бег, кони отдыхали так, будто сутки нежились на лугу.

Скилл посмеивался, взгляд его карих глаз то и дело упирался в спину младшего брата. Аснерд посматривал искоса. Старому воеводе чудилась во взгляде Скилла, кроме любви к младшему брату, еще и странная жалость.

– Жалеешь? – спросил он на скаку.

Скилл нахмурился навстречу ветру. Голос прозвучал натянуто:

– Когда я отбирал, с кем ехать, я отбирал по одному из тысячи достойнейших. Но – отобрал! А вот женщины... нет, не для поездки, а чтобы отдать ей, вот как этот дурак, свое сердце, не смог отыскать вообще... Ни в Артании, ни где еще, а скитался я немало.

Голос старшего сына тцара, как показалось воеводе, на миг дрогнул и даже прервался, но сам Скилл все так же сурово и прямо смотрел вперед, даже не морщился от сильного встречного ветра.

– Как думаешь, – спросил Аснерд, – она его заметила?

– Трудно сказать, – ответил Скилл. – Ты же знаешь, если судить о любви по обычным ее проявлениям, то она больше похожа на вражду, чем на дружбу.

Аснерд расхохотался, поперхнулся от залетевшего в пасть ветра. Рассмеялся и Скилл.

– Это тебе везет с женщинами, – сказал он почти с завистью. – Тебя любят везде!

– Везде, – согласился Аснерд гордо. – Но то все так, пустяки... Мне вообще-то сказочно повезло. Когда я возвращаюсь из похода, она выбегает мне навстречу... нет, не к порогу, как у других, а за городские ворота! Вот увидишь. Как чует, не знаю. Внутри женщин есть что-то волшебное. И всякий раз как впервые вижу ее сияющие глаза, слышу ее счастливый смех!.. Мне повезло. Мне повезло неслыханно. Я бы мог родиться раньше или позже, тогда бы мы не... Черт, не хочу даже думать о таком страшном! Мне то ли за заслуги в прежней жизни или же за подвиги моих родителей, но мне позволили родиться... в самое лучшее время. И когда мне было двадцать лет, я однажды встретил ее, юную и трепещущую, у колодца.

Скилл покосился на воеводу, грузного, тяжелого, с развевающимися по ветру седыми волосами.

– То было давно!

– Да, – ответил Аснерд счастливо. – Это было давно и... недавно. Когда я возвращаюсь, она выбегает за городские ворота, все такая же молодая и красивая. Другие уже давно бабы, старые и безобразные, злобные старухи... но моя все такая же юная, как в тот первый день! Конечно, каким-то уродам она может почудиться тоже старой... но у них неправильные глаза. А правильные – у меня.

Он ехал гордый и сам внезапно помолодевший. Выпрямился, грудь подал вперед, словно молодой воин, внезапно увидевший перед собой толпу восторженных девушек. Глаза задорно заблестели.

Придон на скаку все больше зарывался лицом в конскую гриву, глаза становились все несчастнее. Вяземайт мчался рядом, спросил озабоченно:

– Что-то случилось?

– Да! – вскрикнул Придон. – Да!

Вяземайт встревожился:

– Что?

– Разве не видишь? – вскричал Придон. – Туча идет с востока!

Вяземайт повернулся. Далеко у горизонтаросло облачко. Если ветром не развеет, то к вечеру может вырасти в тучу. Даже в грозовую тучу.

– Ну и что? – спросил он. – Дождь пройдет стороной. А если бы даже ветер переменился, то наши кони мчатся быстрее птиц. Мы можем уйти от любой грозы, если захотим.

Придон воскликнул с такой мукой, словно рвалось сердце:

– Да при чем здесь мы? Мы разве для себя живем? Для других ведь... Она ведь не любит дождь! Такая светлая и нежная не может любить дождь... Она такая ясная, чистая, она обожает чистое небо... Я бы полжизни отдал, только бы ползать по небосводу и сдирать все эти лохмотья еще на горизонте! А ночью я не могу спать, потому что звезды сияют недостаточно ярко, чтобы ей понравиться!.. И рассвет здесь не такой чистый и красочный, как у нас в Степи... Я хотел бы...

Дальше Вяземайт не слушал, приотстал к Аснерду и Скиллу. Олекса и Тур мчатся ноздря в ноздрю далеко впереди, эти ни над чем головы не сушат, для них в мире все просто и понятно.

Впереди выросли, быстро приблизились и под грохот копыт разбежались по сторонам могучие яворы. Воздух стал влажным, а когда кони взбежали на берег, Скилл предостерегающе засвистел.

Придон натянул повод, конь готов был ринуться в бурную воду: на том берегу уже родная Артания!

Пока гостили в Куявии, в верховьях куявских гор прошли затяжные ливни. Ручьи стали шире втрое, переполнили водами и эту реку, бурлит, вот-вот выйдет из берегов. Лучше бы, конечно, отыскать брод, но, как назло, на этом берегу толпятся эти жалкие куявы, голоса по-бабы, им-де на время наводнения срываться с насиженных мест, погибнет зерно на полях, а родные огороды не увезешь на телегах...

Придон толкнул коня, тот фыркнул, как рассерженный кот, но послушно бросился в бурные волны. Придон соскользнул с седла, поплыл, даже не держась за седло. Сзади обрушилась волна, это с разбега вломился в водные хляби гороподобный конь Аснерда.

Вскоре слева показался конь в яблоках, поплыл, как быстрая рыба, рядом голова Вяземайта. Волхв не просто держится за седло, а будто бы даже тянет за собой коня, помогает. Придон вспомнил рассказы, что род Вяземайта тянется от речного бога, тот даже коней его роду дарит своих, водяных.

Придон надал, выбился из сил, но выбрались на берег с Вяземайтом ноздря в ноздрю. Ноги подломились, он ухватился за стремя, чтобы не упасть на песок.

Вяземайт тут же вскочил в седло, быстрый и ничуть не уставший. Придон со стоном взобрался на конскую спину, толкнул коня пятками под бока.

– Догоняй, не позорь меня!

Сзади слышались плеск и голоса, это выбирались на берег Скилл с Аснердом. Олекса и Тур были еще на середине реки.

Вяземайт ехал неподвижный, суровый, молчаливый, как всегда. Придон помнил, что из волхва слова надо тащить клещами.

– О чем задумался? – спросил он задиристо. – Как хороша Куявия? – Ему до писка в груди хотелось поговорить о Куявии, перемыть косточки всем, с кем общались, мужчины любят сплетничать больше женщин, затем обязательно перевести разговор на Итанию, но так, чтобы волхв сам заговорил о ней...

К его удивлению, Вяземайт после паузы все же сказал мирно:

– Да так... Нет, не Куявия, конечно. Вспомнился родительский дом, где впервые поскакал на палочке... Где меня подбрасывали к небу могучие руки отца.

– И все? – спросил Придон.

Тот покосился на тцарского сына, усмехнулся.

– Нет. Вспоминал ручей, у которого впервые встретился с девушкой. Вспоминал кувшин воды, который подала. Ее руки, запах ее волос. Вспоминал и утреннюю росу на помятой траве, когда я вскочил и проводил ее к дому.

Придон спросил с замиранием сердца:

– А ту... которую любил? Вспоминаешь ли теперь?

Тяжелые густые брови Вяземайта слегка приподнялись. В голосе прозвучало удивление:

– Нет, конечно.

– Почему? – спросил Придон разочарованно. В груди стало пусто, словно от слов Вяземайта что-то могло измениться.

– Она всегда у меня перед глазами, – ответил Вяземайт ровным голосом, чересчур ровным. – Ни на миг... ни на миг я ее не забываю.

Конь под ним рванулся вперед, Придону на миг почудилось, что с боков выметнулись крылья. Несколько мгновений провожал остановившимися глазами удаляющегося всадника, за спиной загрохотали копыта.

– Ого! – донесся бодрый голос Скилла. – Остроглазый Вяземайт увидел родные стены Арсы!

А Вяземайт обернулся к Придону, счастливый и повеселевший, подмигнул и крикнул:

– Никогда не женись на женщине, с которой можно жить. Женись на той, без которой жить нельзя!

Глава 11

Олекса и Тур придержали коней, здесь уже опасности нет, все шестеро понеслись тесной группкой. Аснерд захохотал, крикнул:

– Скилл, побьемся о заклад, что меня у ворот встретит та, что снилась мне и в Куявии?

Скилл подумал, помотал головой.

– Нет, – прокричал он. – Нет!

– Почему?

– Не рискну. Больно вид у тебя счастливый.

Олекса покосился на родителя, пробурчал:

– Старый черт... Пора присматривать место в загробном мире, а ему бабы снятся!

Аснерд проворчал наставительно:

– Молодость прекрасна в любом возрасте!

Тур, другой любящий сын, подмигнул Олексе, сказал сочувствующе:

– А вот стариков надо убивать еще в детстве...

– Это как это? – не понял Олекса.

– Палкой по голове, – захохотал Тур. – Большой толстой палкой!

Стражи на городских воротах их увидели, узнали. Тяжелые створки начали распахиваться, в щель выскользнула высокая, статная, хоть и слегка располневшая женщина. Придон успел увидеть смеющееся счастливое лицо, а она, все же легкая, как мотылек, с ликующим визгом бросилась к Аснерду. Он подхватил могучей дланью, ее взметнуло к нему в седло, обнялись, слились в единое целое, и все, что от нее осталось у Придона, это впечатление нетерпения и щенячьей радости. В сердце остро кольнула едкая завистливая тоска.

Аснерд оглянулся, подмигнул.

– Для счастья мужчине нужна женщина... а для полного счастья – полная женщина!

Широко распахнутые ворота налетели, как порыв ветра. По обе стороны побежали, исчезая за спиной, добротные каменные дома. Арса – единственный или почти единственный город Артании, где все солидно, на века. Не в шатрах, как живет большинство артан, а настоящие дома и башни из камня.

По ветру гордо трепетал стяг Артании: огненный конь на синем фоне, черный камень наверху грозно разбрасывал рубиновые искры. По преданиям, Верховный Творец начал создавать мир с простого камня, который так и был назван Первокамнем, или Первым Камнем Творения. Камень находился в Артании, ибо первыми из всех людей Род создал, естественно, артан, а уж потом всех остальных наравне с червями, жуками и рыбами.

Потом были кочевья, войны с соседями, переселения целыми племенами, народами. Артане и куявы дважды или трижды поменялись местами, а еще и славы двигались, так продолжалось много тысячелетий, пока наконец артане, куявы и славы не обособились настолько, что обозначили границы своих племен, через которые обязались не переходить. Вот тогда только и обнаружилось, что Первокамень исчез. Был ли он похищен ревнивыми богами, стал ли незримым, или же за последние века вокруг него вырос дремучий лес, и теперь к нему потеряна дорога, никто не знает, однако артане свято чтут память о такой реликвии, на каждом стяге обязательно наверху из черного камня, а на самом полотнище – огненный конь, на котором явился Творец.

Олекса и Тур хохотали и вскидывали в приветствии огромные руки, Вяземайт благословлял встречающих, Придон смотрел на них с любовью и нежностью.

Мужчины все обнажены до пояса, гордо щеголяют шрамами, боевыми браслетами со следами глубоких следов от чужих мечей и топоров. Они, как и молодые воины, радостно кричали и бросали в воздух топоры.

Кто-то сразу пытался расспрашивать, что именно самые великие герои Артании привезли из проклятой Куявы. Аснерд вскинул свободную руку, другой прижимал к груди жену. Вся ее спина почти скрылась под его широкой ладонью.

– Сперва, – громыхнул он, – отчет великому тцару!.. А завтра будет объявлено, на чем мы сторговались.

Вечером был пир, а уже ночью, когда остались с дядей Горицветом наедине, Скилл подробно рассказал о поездке. Аснерд, Вяземайт и Придон дополняли, если что старший сын тцара упустил или счел незначительным.

Придон ловил на себе удивленный взгляд дяди. Горицвет, после непонятного исчезновения Осеннего Ветра, взял бразды правления Артанией в свои руки, заменял им отца. Как мог, конечно, ибо мягкий Горицвет еще мог править огромной и своевольной страной, на это хватало мудрости и даже твердости, но без жесткой отцовской руки братья выросли, как свободные дикие звери. К счастью или к несчастью, есть еще двое: Ютлан, младший сын, и Блестка, единственная сестренка, которым еще нужны любовь и забота старших.

Глаза Горицвета стали грустными и сочувствующими, словно ему сказали о неизлечимом увечье племянника. Когда Вяземайт предложил попробовать магию, чтобы излечить Придона от этой дури, Горицвет покачал головой:

– От любви существуют тысячи лекарств. Но надежных нет.

– Любовь одна, – возразил Вяземайт, – но подделок под нее – тысячи. Ну не поверю я, что дочь куявского царя может любить! Как думаешь, Аснерд?

Аснерд двинул плечами.

– А какая разница?

– Ты не видишь разницы между настоящим и подделкой?

Аснерд с жалостью посмотрел на волхва, постучал пальцем по голове и отвернулся.

– Вяземайт, – сказал Горицвет с неловкостью. – Ты разве не понял? Придону не так важно, любит ли она его... Он ее уже любит! Уже дал этот проклятый обет.

Придону стало почему-то стыдно, смотрят, как на смертельно больного, встал, вышел из зала. Телохранители у дверей тоже смотрят как-то странно. Неужто весь двор знает, что за стрела ударила в его сердце? И просадила насквозь?

Когда за ним захлопнулась дверь, оставшиеся задвигались свободнее, словно в самом деле при смертельно больном неловко говорить о его лечении, о лихих скачках или красивых женщинах.

Горицвет стукнул кулаком по столу. Лицо потемнело.

– Сознательно или нет, – вырвалось из него гневное, – но женщина всегда пользуется чувством чести и верности слову, которое так сильно развито у нас, мужчин! Теперь этот несчастный уже не может отказаться от неосторожно вылетевшего слова.

Вяземайт сказал осторожно:

– Но можем освободить мы. Найти способ, чтобы не задеть его честь.

Скилл фыркнул:

– Как будто он примет нашу помощь! Дядя, ты говоришь так, как будто не знаешь, что это за наваждение – любовь!

Улыбка их мудрого дяди была странной: печальной и нежной разом.

– Скилл, самый сильный и могучий сын моего брата... Ты пока знаешь только один смех – громкий, принимаешь только одних коней – быстрых, знаешь только одну породу любви – к женщине... Но, сын мой, на самом деле сперва мы не любим вообще никого. Затем любим всех, все наше племя. Затем любим некоторых людей, потом – единственную женщину, затем – единственного мужчину... Мне повезло – могу и люблю сразу троих!

Скилл усмехнулся:

– Ну, ты любишь не только нас троих, но и кучу женщин. А вообще-то, иногда кажется, что из нас троих ты любишь только Ютлана. Такой уж мазунчик!.. А нам с братом с утра до поздней ночи упражнения с топором, бег с камнями за спиной да кто быстрее донесет своего коня от ворот до коновязи...

Слабая шутка перевела каменные лица в просто деревянные. Еще чуть – и будут почти человеческими. Аснерд вздохнул так, что по горнице пронесся ветер, потянулся за кубком. Слышно было, как булькает родниковая вода, переливаясь из кувшина.

Вяземайт сказал осторожно:

– Тцар... Любовь может презреть цепи, крепостные стены толщиной с нашего Тарлафа... Но стоит только подчинить крохотную часть души долгу, и настоящая любовь становится невозможной! Попробуй напомнить Придону о величии страны, служении своему народу.

Тцар покачал головой:

– Это для него пока что простая шелуха из слов. Он и воевал ведь не с куявами! Отличился в набегах и в пограничных схватках с соседями по Артании. Такими же артанами. Нет, любовь к женщине понятнее, она уже воспламенила его детское... да-да, детское сердце в теле сильного мужчины...

Скилл обронил глухо:

– У любви есть своя честь. Стоит потерять ее – и любви конец.

Горицвет подвигал бровями, складки на лбу стали еще глубже. Похоже, так и не понял, хотя старался, сказал несчастливо:

– Как часто любовь отнимает разум у того, кто его имеет!

– Но дает его тем, у кого не было, – добавил Аснерд. Он хохотнул, посмотрел на волхва, добавил злорадно: – И уже не будет.

Вяземайт сказал холодно:

– Любовь – большая помеха в жизни. Все равно что всеми силами души страстно любить мотылька, чья жизнь длится не больше суток. Мотылька уже нет, а ты остаешься на всю жизнь с выгоревшей дотла душой, где и чертополох не растет!.. Мудрый предпочитает любовь к вечным богам, к вечным истинам...

Аснерд фыркнул:

– Но живем не среди богов? А в мире и без того мало любви и благодати, чтобы свой жар души отдавать существам, которые не могу потрогать руками!

Вяземайт вскипел, воевода на грани богохульства, тцар обнял волхва за плечи, отвел в сторону, похлопывая и успокаивая, Аснерд же хлопнул Скилла по широкой спине и вышел из зала.

Ночной звездный мир принял, пахнул степными травами, крупные звезды сочувственно смотрят сверху, с боков, даже, казалось, снизу. Душа тревожно ноет, смотрит растерянными глазами и не узнает мир. Все не такое, все изменилось за тот кратчайший миг, когда он был в Куявии. И все люди стали другими.

В ночной тишине голоса из распахнутого окна доносятся отчетливо, слышно, кто говорит с жаром, кто задумчиво. Но как сказал Вяземайт про выгоревшую душу! Какой голос!.. Если бы произнес в тот миг заветное, небо рухнуло бы на землю, злые силы поднялись бы из глубин земли или же все звезды погасли, устранившись неистовой бури в душе волхва.

Сзади слышались тяжелые шаги горного великана. Придон оглянулся, это не великан, лишь потомок горных великанов, всегда невозмутимый и могучий Аснерд.

Он робко улыбнулся старому воеводе. Аснерд захохотал, словно грянул гром, хлопнул его по плечу.

– Грустишь?.. На распутье?.. Пойдем, я тебе что-то покажу.

Придон воспротивился, слишком загадочная рожа у воеводы. От него несет жареным луком, икает, поглаживает плоское в валиках мускулов брюхо, но Аснерд властно тащил, тербил, тряс, и Придон наконец, вынырнув из тревожных грез, ощутил, что справа проплывают купола шатров, а они выходят на окраину их немалой для Артании столицы... но такой маленькой и бедной, если сравнивать с великолепиям Куябы!

Не все артане кочуют, все-таки часть, немалая часть, осела в городах. Правда, это не всегда каменные громады, как у куявов, но все же настоящие города: добротные, срубленные из дерева дома, склады для шкур, оружия, кузницы, оружейные мастерские, целые улицы кожевников, бронников, хлебопек. В любом войске в обозе везут наковальни и едут кузнецы для ремонта испорченного оружия и доспехов, но ковать настоящие боевые топоры можно только вот в таких кузницах, что не двигаются с места, куда подвозят горячее железо из плавильни.

Дорога вывела на окраину, здесь добротные дома на высоких столбах. Когда-то жили дозорные, следили за горизонтом, но кордоны отодвинулись, дозор несут на дальних заставах, а в домах на сваях поселились мирные жители.

Аснерд указал на крайний дом. Лестница убрана, внизу собралась толпа хохочущих парней, все смотрят вверх. Придон на миг увидел в окошке смеющееся девичье личико. Тотчас же мелькнула белая рука, на землю полетела шапка из шкуры молодого барашка.

Внизу раздался радостный рев, хохот, но один парень с самым огорченным видом подобрал шапку, отряхнул, сердито нахлобучил на голову. Сразу трое раздвинули круг, чтобы не мешали, почти одновременно метнули шапки. Один не попал, шапка ударилась в стену и полетела обратно. Неудачника хлопали по спине, поздравляли издевательски, но две шапки исчезли в темном проеме окна.

Придон смотрел с вялым интересом. Вскоре мелькнула белая рука, шапки одна за другой вылетели обратно. Внизу раздался хохот и рев разочарования.

Аснерд степенно снял шапку, парни затихли, расступились. Аснерд лихо крикнул, без размаха быстро и сильно метнул шапку. Как темный булыжник она прорезала воздух, исчезла в окне.

Придон спросил:

– Зачем?

– Когда я был молод, – ответил Аснерд, – совсем-совсем молод... я пришел сюда и метнул свою детскую шапочку... Помню как сейчас: из окна высунулась девушка, косы чуть ли не до земли, глаза как звезды, вот такая грудь, честное слово, у меня глаза вылезли, и говорит сверху сожалеюще: мал ты еще, дружище! Рановато пришел. Но потом приходи, буду ждать... И – выбросила мне шапку. Я стоял и смотрел, глотая слезы обиды, а парень постарше, чью шапку не выбросила, вскоре полез за ней, за своей шапкой, в заветное окно...

Парни притихли, тоже слушали, на воеводу смотрели с почтением. В домике на сваях долго ничего не происходило, затем в окне показалось белое нежное лицо. Девушка высунулась почти до пояса, пышная грудь легла на подоконник, черные как ночь косы свесились, крупные глаза отыскивали стоящих в сторонке Аснерда и Придона.

– Воевода, – донесся ее чистый звонкий голос, – то-то смотрю, шапка с золотой бляшкой!.. Что ты так поздно пришел, воевода? Где ты скитался все эти годы?

Аснерд поймал шапку на лету. Некоторое время смотрели, как по столбу карабкается счастливчик помоложе, чью шапку красавица не выбросила, потом Аснерд взял Придона под локоть. Придон без сопротивления дал увлечь себя обратно в центр города.

– Ну, понял? – спросил Аснерд.

– Что я должен понять?

Аснерд сказал с сожалением:

– Все-таки не понял...

Придон пожал плечами, раздраженный и недоумевающий. Аснерд шел молча, впереди выросла каменная громада их дома. Придон ощутил дружеский хлопок по плечу. Воевода обронил ему в спину:

– Даже вот к такой красоте можно либо слишком рано, либо опоздать... А твое безумие вообще приходит только раз в жизни. И то не к каждому.

Утром его позвали к Горицвету. Придон переступил порог, ожидая застать одного дядю, но в большой комнате уже Вяземайт, Аснерд, Скилл и еще двое молчаливых волхвов. Эти сидели под дальней стеной, неподвижные, как камни.

Дядя и Аснерд склонились над картой, что занимала половину широченного стола. Края, чтоб не топорщились, были прижаты тяжелыми ножами. Вяземайт и Скилл беседовали в сторонке, голоса приглушенные, у обоих лица хмурые.

Едва появившись на пороге, Придон ощутил на себе взгляды, дядя пригласил кивком к столу. Его лицо было такое же хмурое, как у Вяземайта и Скилла.

– Что-то случилось? – спросил Придон.

– А ты не знаешь? – спросил дядя ядовито.

– Нет, – честно признался Придон.

– Один безумец, – сказал дядя, – пообещал куявскому тцарю собрать для него обломки какого-то меча. К несчастью, тот безумец наш родственник... Еще хуже, что он – артанин, а это значит, что позор падет не только на нас, но на всю Артанию, если струсишь или споткнешься на первой же кочке.

Аснерд ободряюще похлопал Придона по спине. Звук был такой, словно под сильным ветром трепало корабельный парус.

– Ты не споткнешься на первой же кочке, – утешил он. – Здесь нет кочек. Но вот когда будешь выходить, смотри под ноги. Там ступеньки расшатались...

На хорошо выделанной телячьей коже змеились синие реки, вздымались черные и коричневые горы, города и села отмечены кружками, лиловыми полосками разной толщины обозначены дороги. Толстый палец Горицвета двигался от самого крупного кружка, означавшего Арсу, переползал с одной лиловой полоски на другую, ненадолго останавливался на коричневом.

Придон смотрел, затаив дыхание. На карте вся его Артания, часть Куявии и совсем краешек Славии. Это весь мир, это круг света, за пределами которого – тьма. Тьма! Хотя Придон слышал, что и за пределами Артании есть земли, но все равно там тьма, там страшные драконы, чудовища и Темные Боги, что отступили, потерпев поражение в битве со Светлыми Богами. Темными их называют, потому что в самые древние времена небо было темным, а когда на небе появилась луна, боги пытались ее сорвать с неба, но луна призвала на помощь молодых богов, и те оттеснили старых за Края земли. В детстве он наивно полагал, что за Артанией сразу обрыв, а внизу бездна, в которой нет ничего, и, когда он старался представить себе это «ничего», по спине всякий раз пробежали сладкие мурашки ужаса.

Но даже эти три тцарства на карте изображены не целиком. Особенно Славия, там только край, которым граничит с Артанией и Куявией, а дальше, насколько Придон знал, бесконечные дремучие леса, топкие бездонные болота, снова леса – настолько дикие и мрачные, что живущий там никогда не зрит солнца. Потому и люди там такие же дикие и свирепые, как лесные звери...

Куявия нанесена почти вся, только западного края нет, там размыто, реки и горные цепи обрываются, но известно, что там некоторое время тянется еще Куявия. Удивительно, но Артания обозначена еще меньше, чем Куявия: в восточных частях цепко держатся племена, что убивают всех чужаков, а на севере угнездился племенной вождь Тхор, он осмеливается называть

себя даже тцаром, ибо удалось объединить около десятка таких же мелких и жалких вождишек...

Придон услышал, как грозно всхрипнул Горицвет. Глаза налились кровью, лицо потемнело, а кулаки сжались. Похоже, эта заноза терзает его, как тцара Артании, больше всех.

Вяземайт похлопал ладонью по карте.

– Где могут быть эти обломки? – спросил он в пространство. – Если бы у людей, то мы бы знали...

– Как? – не поверил Горицвет. – У тебя есть такая магия?

– Всякий раззвонил бы о такой находке, – ответил Вяземайт хладнокровно. – Но, если молчат, как лещи зимой, значит – не найдены. А задача Придона не отнять, а отыскать. Конечно, помогать никто не станет. Разве для того, чтобы сразу убить и отнять. Значит, ножны даже в Артании не в кладовой Тхора и не в его владениях, а в землях дивных людей.

Скилл хмурым голосом нарушил тягостное молчание:

– То же самое и с рукоятью.

– И с лезвием, – добавил Аснерд бесстрастно.

Мурашки пробежали по спине Придона. Все посерьезнели, лица вытянулись. Скилл побледнел, в глазах, когда смотрел на брата, были любовь и глубокое сочувствие.

Когда-то борьба новых людей с дивными была главным делом всех людей. Дивные обладали огромной силой, все к тому же колдуны, но страшились и тосковали под странным небом, где появилась огромная луна, они утверждали, что солнце теперь восходит неправильно, раньше всходило на севере и заходило на юге, а еще раньше – поднималось на западе и опускалось на востоке. Однако новые уже принимали мир таким, какой есть, нападали на дивных, терпели страшные поражения, зато плодились с невероятной скоростью, и уже через десяток лет на дивных обрушивалась новая волна молодых и сильных удальцов.

Дивные, при всех своей устрашающей мощи, все же изредка гибли. Новые заметили, что защита дивных слабеет, с новой яростью стремились стереть с лица земли, пока те не отступили в дикие безжизненные горы, где отвесные стены и пропасти, где обороняться легче, так что новые постепенно оставили их в покое. Не то чтобы совсем уж оставили: нападают и убивают при каждом удобном случае, но теперь начались столкновения разросшихся племен за земли с хорошей травой, за лучшие зеленые долины, защищенные от злых ветров, и дивных в самом деле на время оставили в покое. Но все же мощь дивных несравнима с мощью простых людей. Чтобы убить одного из дивных, гибли целые армии. К счастью, из степных просторов Артании выплескиваются все новые и новые армии удальцов, а поголовье дивных как будто бы не восстанавливалось вовсе...

– Где будешь искать? – нарушил затянувшееся молчание Горицвет. – Даже в Куявии, где вроде бы власть тцара, не все ему присягнули на верность. Есть горные племена, что слышать о нем не хотят. Скорее всего рукоять меча там. Иначе уже лежала бы на алтаре в Куябе, других частей дожидалась...

– Ножны здесь, – напомнил Придон с надеждой. – В нашей Артании!

Горицвет усмехнулся, но улыбка была горькой:

– Нашей... А земли Тхора или Рослинника? А область Тмари, куда еще наша нога не ступала? А та вроде бы узкая полоска земли, на которой живут йгаку, где уже погибли две наши армии?.. Мы сильнее, верно, потому и объявили себя правителями всей Артании, но есть места, где мы еще не поили своих боевых коней!

Аснерд сказал сурово:

– Но хуже всего – Славия. В их лесах сгинула без следа не одна артанская армия. А еще раньше гибли куявы, тоже пытались наложить лапу на рудники Славии, на ее знаменитые болота, откуда железо почти готовое... Но куявы хитрее. Скорее нас сообразили, что со сла-

вами совладать сил не хватит, зато хитростью можно, вот и перешли к торговле. А мы из гордости все еще держим на кордоне армию: война и не война...

Вяземайт сказал ревниво:

– Наша черная бронза ничуть не хуже железа. Даже лучше. По крепости то же, зато не ржавеет. Не нравится мне все это, тцар! Слишком хитрое дело куявы задумали. Но и отказаться уже нельзя, нельзя...

Скилл толкнул Придона в бок. Тот вздрогнул, Скилл заметил:

– Брат, в любом случае ты не должен заезжать во владения Тхора. Это на севере Артании. Тхор артанин, но люто казнит всех, кто не принадлежит к его племени, ибо свое племя считает особым. Подозрительный. Уверен, что все мечтают свергнуть его. В каждом новом человеке видит лазутчика и подосланного убийцу.

Придон сказал убито:

– Брат, а если лезвие там?

– Плюнь, – посоветовал Скилл, – вернись.

– А как же...

– Итания? Я поведу к границам Куявии войско, и тцар сам приведет принцессу на берег кордонной реки!

Горицвет нахмурился, Скилл тут же умолк, виновато развел руками.

– Искать, – сказал он веско, – надо там, где землю проломили эти упавшие с неба камни. Эти колдуны Старого Мира, чей мир погубило вторжение злого Ахримана. Они его ненавидят и боятся, в то же время живут возле этих роковых камней... Почему?

– А потому, что в других местах нам их истреблять легче, – сказал Аснерд. – Особенно в Степи.

– Ну, в Степи вообще все легче, – сказал Вяземайт. Подумав, добавил со смешком: – Если не становиться против ветра, конечно.

– У дивных людей нет гордости, – определил Скилл, подумав. – Они прячутся в тени того, что погубило их мир. Но когда-то мы, преодолев... не страх, нет!... преодолев отвращение, все же вломимся в их гнусные места и все истребим, зальем кровью, выжжем, разрушим, довершая начатое нашей благословенной Луной и героем Ахриманом. И мир станет снова чист, светел, свободен для заселения нашим семенем!

Волхв сказал в затруднении:

– Ты только не спеши с этим... Ахриманом. Мы еще не решили, куда его... Ну, в злые демоны или в герои-богоборцы? Когда боги быются, что им жалкие муравьи или людишки? Для них все едино, но нам не все едино, что из их небесной драки выпадет. Вот и выбираем, кого в други, кого... в демоны.

Придон посмотрел на волхва оторопело:

– А я думал... ну, какая-то всеобщая справедливость...

Волхв брезгливо поморщился. Старческая рука стиснула посох, жилы под сухой кожей напряглись.

– Справедливо только то, – сказал он грозно, – что выгодно нам, людям! Еще лучше – артанам, самым избранным людям на белом свете. Все остальное... либо несправедливо или неправедно, либо менее праведно. Запомнил?

– Да-да, – пробормотал Придон, он ощутил, как в душе словно бы просветлело. – Ты снял камень с моего сердца. А то я все думал, думал... Так проще. И легче. Спасибо!

– Запомни, артанин – мерило всего на свете! Все во благо Артании, все во имя ее славы, жизни, гордости!

Скилл возразил стальным голосом, звучным и непримиримым, как обнаженный клинок:

– Ахриман погубил Старый Мир!.. Он привел на небо Луну, что теперь и ночью нас водит в походы!

Волхв поднял ладонь, словно защищаясь от напора:

— Мы не знаем долунного мира. Может быть, и тогда как-то... в ночные походы. Все племена и народы появились, когда Луна уже сияла на небе. Когда ее свет заставлял море дважды в сутки накатывать на сушу, а затем уходить обратно, оставляя на песке свои богатые дары человеку... Мы считаем это благом, это и есть благо, которое Ахриман принес нам... нечаянно принес, всего лишь своим низвержением с небес, но вот что он погубил, какие племена, каких зверей, какие чудеса разрушил?.. Так что не спеши объявлять его... хорошим.

Глава 12

Слуги трижды приносили жареное мясо, а кувшины с холодным виноградным соком меняли еще чаще. Наконец Горицвет и Вяземайт углубились в разработку пути, куда Придону ехать, с кем говорить первым, к кому обратиться позже, чьей помощью заручиться. Сам Придон вскоре ощутил себя лишним, потихоньку выбрался из зала, спустился вниз.

Дверь открылась в черноту. Он ахнул, обнаружив, что уже глубокая ночь, а ведь только что в небе сияло жаркое солнце, жадно вдохнул свежий воздух, без запахов смолы, горящего масла, растопленного воска.

Во дворе пахнет конями, сухими душистыми травами, воздух слегка колыхнется – чистый, самую малость пропахший железом и горящими углями. Из кузницы плывут мерные удары по железу, но звук мягкий, шлепающий, словно молот бьет по мокрой глине.

Он глубоко вздохнул, мир родной и привычный, однако странная тревога все еще в груди. Даже оглянулся, будто из-за здания кто-то замахнулся дротиком. По ту сторону двери слышались тяжелые шаги, дверь с грохотом распахнулась так, что ударилась о стену. На крыльце появился Скилл, спокойный, просто у него силы много, может оторвать дверную ручку, не заметив, что дверь заперта.

– Чего сбегал? – поинтересовался он. – Скучно стало?

– Да нет, – ответил Придон непривычно стесненно. – Просто как-то на душе...

– Да ладно тебе, – отмахнулся Скилл. – Это только у волхвов – души. А у нас – горячие сердца, крепкие руки, острые топоры... Хорошо здесь как, да? Волосожары как горят!.. А Волопас так и вовсе пышет, как жар...

Придон взглянул на звездное небо, тут же его взгляд устремился в сторону горизонта. Скилл сочувственно вздохнул, в той стороне проклятая Куявия.

– Я слушал певца, – сказал Придон внезапно. – Там, в Куябе. Он спел, а я бросил ему пару монет... Как вспомню, даже сейчас уши горят.

– Почему?

– Это он должен был мне бросать, – ответил Придон. Поймал удивленный и даже встревоженный взгляд старшего брата, покраснел, начал объяснять, чувствуя, что получается путано и непонятно: – Он во мгновение ока перенес меня на поле битвы, где я носился на горячем коне, а подлые враги падали под ударами моего меча, как спелые колосья под косой умелого жнеца! А с небес смотрели боги, наши прашуры, кричали хвалу... Потом он забросил меня в райский сад, где я вкусил блаженство от мира богов, где душа моя раскрылась и пела, дивные птицы летали над головой, а у ног сидели небесные девы и смотрели на меня большими удивленными глазами... и тут же перенес меня на трон владыки мира, властелина всего белого света, откуда я зрел все подвластные страны и народы... Мое сердце то смеялось, то рыдало, оно могло обливаться кровью, а в следующий миг прыгало, как ошалевший мартовский заяц...

Скилл слушал терпеливо, Придон ощутил сильные руки старшего брата на плечах, дал себя усадить на толстое сухое бревно с отвалившейся корой. Скилл сел рядом, обнял за плечи.

– И все же, – сказал он, – ты счел, что у певца власти больше?.. Гм, ты не согласишься, но насчет власти спорить не стану, хотя наши друзья нас не поймут. Но такая власть редко приносит деньги. А вот он твои деньги принял и поблагодарил. Так ведь?

Придон сказал убито, хотя удивился странной понятливости старшего брата:

– Да, конечно. Но я... только не смейся!.. возжелал овладеть этой странной властью. Я знаю, что по нашему слову сто тысяч всадников ринутся в смертный бой. Однако, Скилл, разве у тебя не чаще бьется сердце, когда Безухий трубит в боевой рог? Но, если в рог дует кто-то другой, для меня это лишь сигнал к бою. А когда рог прикладывает ко рту Безухий, свершается

нечто похожее на ту странную мощь, что выказал куявский нищий певец. Вот какой властью я мечтал бы овладеть больше всего!

Скилл покачал головой, глаза старшего брата были темными, как вода в ночи.

– Твое ли это дело?.. Если песню, то закажи бродячим певцам. За медную монету сочинят любую. Брось золотой – принесут десяток!

– Зачем мне десяток? – возразил Придон. – Нужна одна-единственная. Но там должны быть те особые слова... что разобьют скорлупу вокруг ее сердца!

Скилл сжал его плечи сильнее, от сильной руки брата шел сухой бодрящий жар. В голосе старшего брата прозвучала любовь пополам с осуждением.

– Тебе же медведь уши оттоптал!.. Да и голос у тебя... Из берлоги только реветь, людей пугать. Ты столько орал в битвах, что у тебя голос, как старая медная труба, что умеет выдувать только одно: в бой, в бой, в бой!... Кровь, кровь, кровь! А морда? Ты погляди на свою морду!..

Он указал на колоду с водой у колодца. Придон с неудовольствием отвернулся. Он знал, что там увидит, уже смотрелся. Смотрелся и в бронзовые пластины зеркал, и в отполированный щит, и в чистые лесные озера с неподвижной водой. Везде на него строго смотрело в упор суровое лицо воина. Белесый шрам на скуле, второй у виска, а третий, самый неприятный, пересекает левую щеку до середины нижней челюсти. Только в глазах, привыкших зло и недоверчиво всматриваться в линию горизонта, наверняка появилась непривычная растерянность.

– Ага, не хочешь, – сказал Скилл саркастически. – Хорошо, чтобы стать тцаром, но недостаточно хорош для бродячего певца?

Придон ощутил, как холодная рука страха и безнадёжности взяла в ладонь горячее сердце. Там зашипело, раскаленное, задергалось от боли, но железные пальцы сомкнулись, подобно железному капкану.

– Ну что мне делать, брат? – вырвалось у него отчаянное. – Вдруг, пока я буду искать этот проклятый меч, ее отдадут замуж! Наверняка отдадут! Я ведь это увидел... прочел в их лживых глазах!

– Я тоже, – обронил Скилл.

– Что?

– Тоже прочел. Это лживый народ.

– Но что делать, брат?

Скилл сдавил его плечи, встряхнул.

– Подряд семь лет в наших степях были урожаи. Ни одного падежа скота. Табуны несметны, а сила и удаль мужчин ищет выхода. Мы создаем войско, которого не знала еще наша Артания. Перед ее мощью дрогнут не только окрестные племена, но и проклятая Куявия!

Придон прошептал убито:

– Прости, я ни о чем другом не могу думать...

– Так и я о том, – ответил Скилл бодро. Он захохотал. – Горицвет против, но ты же знаешь его... Он хорош в управлении страной, но когда дело касается войны, то боевой топор передает мне. А представь себе картину, когда наше войско покажется на берегу пограничной реки! Что скажут куявы?

– Будут воевать.

– Будут ли? – усомнился Скилл. – Они торгаши. Торгаши и трусы. Мы не станем скрывать своего войска, как делали всегда... Пустим их, я говорю о куявах, посмотреть, даже пересчитать. Когда увидят, сколько у нас тяжелой конницы, сколько легкой, сколько мы собрали лучников с длинными стрелами... куявы от ужаса спать не будут! А мы потребуем всего лишь... догадываешься? Всего лишь отдать нам эту прекрасную Итанию. Да не просто отдать в рабство, а связать династическим браком наши царственные роды! Без всяких условий и прочего торгашества. Это еще подумать, кто кому делает честь, что берет ее в жены. Ведь Итания будет женой самого Придона, моего брата!

Он хохотал, похлопывал по литым плечам брата, по широкой спине. Хлопки получались мощные, звучные, словно огромная рыба била широким мокрым хвостом по водной глади. Придон слегка ожил, шевельнулся. Лицо дрогнуло, разгладилось. Скорбно сведенные судорогой губы чуть раздвинулись в робком подобии улыбки.

– Брат, – спросил он неверяще. – Брат... Я люблю тебя. Ты в самом деле...

– Что?

– Готов такое сделать... для меня?

Скилл снова обнял его за плечи, прижал. Некоторое время сидели так неподвижно, сердца их стучали, как одно большое сердце.

– Я люблю тебя, брат, – наконец сказал Скилл тихо. – Когда-то и я... Словом, куявы – люди расчетливые. Они увидят, что воевать нет смысла. Невыгодно! Это мы можем драться... и класть жизни за неведомые им честь и доблесть, а эти трусы все считают и высчитывают... Мы с тобой приведем огромное войско, под ним будет прогибаться и стонать земля. Когда наши всадники пустят коней в реку, то запрудят ее своими телами. Воды выйдут из берегов и потекут на их поля!.. Нам приведут твою женщину... и дадут богатое приданое!

– Приданое?

Скилл объяснил со смехом:

– Это у нас дают выкуп за невесту. Чем богаче и знатнее – тем выкуп больше. А у куявов все наоборот, они ж уроды! Там с невестой дают выкуп... тьфу, приданое. И чем невеста богаче, тем этого добра больше. Так что мы еще и выгоду поймеем.

Придон вздрогнул, насторожился:

– А ты в самом деле отступишься?

– В чем?

– Отведешь войска?

Скилл помолчал, ладонь на плече Придона слегка приподнялась, зависла в воздухе. Потом Придон скорее услышал, чем ощутил, теплый дружеский хлопок.

– У меня была идея, – признался Скилл, – невесту взять, а войско двинуть на Куявию... Но я люблю тебя, брат! Мы возьмем женщину и вернемся. У нас хватает еще непокоренных врагов в самой Артании. Да и соседи скалят зубы... Надо кое-кому вышибить.

В голосе звучали тепло и любовь. Все верно, подумал Придон со смешанным чувством. Мой брат меня любит... Не получу Итанию, в самом деле двинет войско в Куявию. А так все увидят нашу мощь, как только куявы привезут Итанию, дары тут же раздадим войску, что еще больше укрепит его боевой дух... Я увезу Итанию в стольный град, а Скилл по договору с куявами отведет свое войско... Все равно есть немало дел для богатырей: покорить заносчивых соседей вроде Тхора, расширить кордоны, укрепить кремли и сторожевые башни. Усмирение всей Артании... это может растянуться даже не на один год. А потом мысли брата снова вернутся к проклятой Куявии, стране подлых торгашей и колдунов, но это уже не будет нарушением договора. Отыщется другой повод для вторжения.

– Я люблю тебя, – ответил он с чувством. – А что ты обронил, что и ты когда-то...

Скилл внезапно встал. Только что рядом сидел любящий старший брат, ласковый и добрый, который учил его садиться на коня, показывал, как владеть мечом и стрелять из лука, а теперь с лавки поднялся холодный и суровый вождь племени, все чаще заменяющий дядю не только на поле боя, но и в правлении страной.

Придон с изумлением смотрел в изменившееся лицо брата. Жестокое, словно вырезанное из камня, даже не вырезанное умелым резцом куява, а высеченное грубым молотом слава, оно напряглось, губы сжаты, а в глазах... даже непонятно, чего в глазах больше: огня или льда.

– Мы возьмем для тебя эту женщину, – ответил он могучим голосом, которым привык отдавать приказы на поле битвы. – А сейчас мне надо пойти проверить стражу на башне.

Придон смолчал, что не дело вождя лично проверять стражу. Из глубины сердца медленно поднимались, словно из теплого ленивого болота, первые прекрасные сверкающие слова, которые не потерять бы, не повредить грубыми пальцами, привыкшими к рукояти боевого топора!

В нем снова заговорил бог.

Ночь, полночь, но сон не приходил. Сердце томится, с души, как говорил Аснерд, сняли кору, словно с живого дерева. Теперь чует любое движение воздуха, тревожно ноет, а странные слова разъедают душу, ищут выхода. Он не находил себе места, встал, оделся, вышел во двор.

Над головой в такт шагам колыхалось бездонное звездное небо. Глаза почивших пращуров смотрят строго, вопрошающе. Он брел повесив голову. Ответить нечего, предки ждут подвигов, а он раскис. В его сердце не звучат победные кличи воинов, не слышно стука топоров по щитам, нет криков погибающих врагов.

Очнулся, когда под ногами захрустели мелкие кости, сухие черепки разбитой посуды. Дальше в призрачном лунном свете белеют огромные камни. Трава здесь вытаптывается, ее нельзя скашивать, нельзя кормить коней.

Здесь захоронены погибшие артане. Деды-прадеды, погибшие боевые друзья. Он с десяти лет носил за многими из них шлемы, с двенадцати ему было дозволено носить за ними щиты, а с пятнадцати он уже сам принял участие в первом боевом набеге на соседей.

И вот уже десять лет он в постоянных набегах, схватках, боях. Последние пять лет он сам водит свой отборный отряд молодых героев. О них уже слагают песни, а старики кивают внукам на его прямую спину и наставляют, что должны быть такими, как он, Придон, средний сын тцара.

Но сейчас он уже не герой, ибо сердце трепещет, как у молодого оленя, оказавшегося посреди стаи волков. А сердечный щем переходит в боль, тоску, горечь...

Послышался странный звук, быстро оглянулся. Никого...

Облитые лунным светом, загадочно блестят неподвижные, словно высеченные из камня, верхушки деревьев. Напротив сложенная из темного гранита усыпальница артанских тцаров кажется мимолетной тенью, что тут же рассеется, едва на нее упадет серебряный луч. В ней нет тела его неизвестно в каких краях сгинувшего отца, но зато там тело матери...

Деревья с блестящими вершинками внизу чернее угля, лишь усыпанная золотым песком дорожка серебрится в лунном свете, медленно проползает под толстыми подошвами, а сама усыпальница медленно разрастается, уже видны медные ручки массивной двери...

Придон вздрогнул, кровь похолодела в жилах. Дверь без скрипа приоткрылась, из помещения выскользнула темная фигура. Качнулась, словно намеревалась укрыться в тени, но внезапно остановилась, загрозя ему дорогу.

Придон пытался произнести хоть одно охранительное заклятие, но не мог шевельнуть помертвевшими губами. А в голове сразу пронеслись все те слухи, что ходили среди челяди о его матери...

У человека, который загородил ему дорогу, в глазницах полыхал багровый огонь.

Отец, говорят, добыл их мать, Порею Солнцерукую, в дальней стране, чуть ли не в Темных Землях. А может быть, и в самых Темных, но только он сразу умолкал, когда на пирах или в беседах заговаривали, когда и как он добыл красавицу-жену. Все герои любят побахвалиться, как и какими усилиями обошли соперников, вырвали победу в последний миг, но отец помалкивал всегда.

Позже от волхвов стало известно, что этой красавицы тщетно добивался не то могучий маг из Темных Земель, не то бог оттуда же, но если она и раньше умела пресечь его притязания, то теперь, замужем, обрела добавочную защиту. Правда, Темный Бог как обезумел, последовал

за ними и продолжал помогать ей уже в Артании, но здесь его мощь была не столь велика. Местные чародеи во главе с молодым еще Вяземайтом воздвигли мощный щит, и бог в бессилии ломился через преграды, сокрушая одну за одной, но Вяземайт с такой же легкостью взамен каждой порушенной стены магии возводил две новые.

Придон помнил, как однажды Вяземайт вызвал их, Скилла и его, Придона, на городскую стену, это были сумерки, повел по воздуху руками, пошептал. Вдали открылось словно бы окно в другой мир. Придон с содроганием увидел, как по темной безжизненной степи летит навстречу ветру чудовищный всадник на огромном черном коне. Лица не рассмотреть, но от всей фигуры сразу повеяло недоброй мощью. Впереди всадника огромными скачками неся исполинский пес, черный, страшный, глаза горят, как раскаленные уголья, раздуваемые ветром, хвост вытянут струной. Ветер треплет шерсть...

Всадник метнул в их сторону взгляд, окно сразу исчезло, но Придона затрясло, ему как-то передалось чувство страсти, горя и отчаяния всадника, его любви и одновременно ненависти к златокудрой, из рук которой исходит свет... Он потрясенно понял, что все это направлено на его мать, а этот всадник и есть тот, перед носом которого их отец сумел выхватить и увести лучшую в мире добычу! И вот он уже сколько лет страдает, добивается, оставил свои Темные Земли и бродит по этой страшной для него и ненавистной подлунной земле, надеясь пробраться к его матери, похитить, увести...

Постепенно странности их матери через служанок и челядь стали известны всей Артании. Она никому не позволяла присутствовать, когда мылась. В ее спальне всегда царила полная тьма, светильники убраны вовсе, чтобы никто ненароком не зажег, а окна плотно закрыты дубовыми ставнями.

Но артане ее любили за красоту, за светлую улыбку и за тот странный дар, которым ее наделили боги: где бы она ни появлялась, в тех местах коровы начинали приносить по двое телят, прекращались болезни скота, а трава начинала расти быстрее.

Еще она могла самую темную ночь во дворе превратить в светлый день, стоило лишь приподнять длинные рукава роскошного платья. Свет от ее рук разгонял тьму, рассеивал тени, а нечисть с криками покидала гнезда.

Потом она заболела внезапно, без всякой причины. По всей Артании заговорили, что не обошлось без злых чар. Слухи пошли разные, кто-то валил на Темного Бога, хотя вряд ли тот решился бы на такую гнусность, кто-то обвинял проклятых куявов, кто-то многозначительно кивал на враждебные горные племена, что на границе с Куявией...

Может быть, степи Артании все же угнетали ее, как и страшный мир с Луной и сместившимися звездами... если правда то, что отец вырвал ее из племени долунных существ. Но она угасала долго, не желала сдаваться, а когда ощутила близость кончины, то слезно просила Осеннего Ветра трое суток охранять ее тело в склепе. Тцар, тоже в слезах, обещал все исполнить, хотя просьба явно нелепая, а врагов на ближайшие сто конных переходов нет. Двое суток охранял сам, охрип от рыданий, глаза ничего не видели от выпланных слез, но на третьи вынужден был отлучиться, нести стражу поручил доверенным воинам.

Но обезумевший от любви и страсти Темный Бог за это время сумел сломать все магические стены, стражей усла за городскую стену, сам пробрался в склеп, отворив все зачарованные запоры, овладел мертвым телом своей возлюбленной. А затем в исступлении, когда разум помутился от горя и сознания, что его любовь все равно ускользает от него, на этот раз навеки, он пустил к ее телу своего коня и даже пса.

Наутро их отец явился в склеп и сразу увидел, что произошла беда. Одежды на его жене порваны, сама на полу, на лице гримаса страдания и отвращения. А еще через несколько недель она, будучи мертвой, родила. Мальчика, здорового и крепкого, после долгих колебаний решили оставить в живых, у отца просто рука не поднялась умертвить ту частичку, что оста-

лась от его жены. Ребенка назвали Ютланом. Следом за мальчиком Солнцерукая, к ужасу отца и стражей, родила жеребенка и... щенка.

Сын мертвой рос на диво сильным, быстрым. Он отказался от молока кормилиц, зато с жадностью пожирал сырую печень, и отец не мог без содрогания смотреть на окровавленный рот младенца с серьезными глазами. Был он угрюм и немногословен, никто никогда не слышал его плача. Возможно, он вообще плакать не умел. Дети его сторонились, женщины боялись, и лучшими друзьями стали кровные братья по матери: конь Алац и пес Хорт. На недели он исчезал из города, носился по Степи, и не было зверя, которого не догнал бы его конь с горящими глазами и не завалил бы его пес, при виде которого в смертном страхе разбежались все псы. Как и не было чудовища, с которым устранился бы сразиться юный Ютлан, сын неведомого бога и женщины из Темных Земель.

Но тцар любил его, как любил Скилла и Придона, звереныш все же сын женщины, которая для него все, что у него было лучшего, а его любимцам Скиллу и Придону – родной брат. К слову сказать, Скиллу и Придону было безразлично, чей сын на самом деле Ютлан: рос с ними, играл с ними, и оба привыкли считать его таким же сыном тцара, как и себя.

Потом они все потеряли отца. Войско возвращалось после удачного похода, везли на телегах много захваченной добычи, только подвод с золотой посудой насчитывалось больше сорока, двигались медленно, и тогда отец с тремя богатырями пустился впереди войска, спеша обнять детей...

Когда войско прибыло и оказалось, что четверо так и не появились, на их поиски были посланы лучшие следопыты, самые быстрые конники. Не нашли даже следов.

В этот раз Ютлан, преодолев свое нежелание находиться с людьми, просился с ними и в Куявию. Скилл велел остаться: дяде нужна помощь, а кто, как не он, в их отсутствие опора мудрому, но чересчур доброму дяде? И Ютлан, нахмурившись, сурово пообещал, что, пока они в Куявии, он не позволит никому перечить или ослушаться дяди.

А вообще Ютлан на охоту всегда уходил один. Даже ночевал неизвестно где, ибо его комната во дворце рядом с комнатой Придона всегда оставалась пустой. И вообще старался держаться один, словно переживая свое странное происхождение. Придон помнил, как однажды отец позвал их всех и наставлял младшенького:

– Ты должен быть с братьями всегда вместе! Понимаешь? Вместе!.. Тогда вас никто и никогда не одолеет. Не понимаешь? Ну-ка дай мне тот колчан со стрелами...

Ему принесли колчан, полный стрел. Отец достал одну стрелу, протянул Ютлану:

– Ну? Сломать сумеешь?

Ютлан пожал плечами:

– Конечно.

Легонько хрустнуло, обломки упали на пол, а мальчишка вопросительно посмотрел на отца.

– Прекрасно, – сказал отец довольно. – А две?

Он подал сынишке две стрелы. Ютлан взял, посмотрел на отца, усмехнулся. Послышался треск, на пол упали обломки двух стрел.

– А теперь, – сказал отец, – сделаем вот так...

Он подал младшенькому весь толстый пучок стрел, улыбнулся, сделал приглашающий жест.

Ютлан взял стрелы, детские ладони едва-едва обхватили весь пучок. Все видели, как он закусил губу, напрягся, даже побагровел. Пучок медленно начал гнуться. Все затаили дыхание. Ютлан нажал сильнее, послышался треск. Из рук мальчишки на пол посыпались сломанные стрелы.

Ютлан выжидающе уставился на отца.

– И что с того, отец?

Отец открыл и закрыл рот. За его спиной верховный волхв чему-то прыснул и, зажав рот ладонью, поспешил из зала.

– А ничего, – наконец ответил отец с досадой. – Дураком ты растешь! Боюсь, им и останешься.

Тогда все трое так и не поняли, почему отец ушел, чем-то очень рассерженный. Часто потом Придон вспоминал этот эпизод, усмехался. Иногда даже их героя-отца постигала неудача. Особенно когда касалось воспитания... Так и росли, больше зная воевод и начальников дворцовой стражи, чем подолгу исчезавшего в походах отца.

И вот теперь мать мертва и лежит в этой усыпальнице, отец исчез, странный лунный свет волшебным покрывалом укутал сад и каменный свод, сверху можно рассмотреть самые мелкие капельки росы, а внизу могильная тьма и даже сырость могилы...

Темная фигура качнулась, багровый свет нечеловеческих глаз осветил лицо. Придон, опасаясь, что младший брат исчезнет, сказал тихо:

– Брат!.. Это я, Придон.

Уже без страха, а чувствуя тихую печаль, он подошел, Ютлан стоял неподвижно. Лицо не по-детски серьезное, вместо глаз все тот же яростный огонь, что сейчас стал тише, не выплескивается из глазниц. Высокие скулы нехорошо блестят, словно металлические, щеки в тени, только выступающий подбородок поймал лунный луч и позволил ему растечься по нижней челюсти.

– Я тоже люблю нашу маму, – сказал Придон тихо, – и тоже прихожу сюда... украдкой.

Ютлан угрюмо молчал. Придон обнял этого странного младшего брата, пальцы ощутили, как напряглись твердые мышцы, звереныш явно боролся с желанием вырваться и убежать.

– Я знаю, – прошелестело в темноте. – Я видел твои следы.

– Разве я оставлял? – спросил Придон тихо. – Я же... Ах да, ты же лучший следопыт.

Ютлан помолчал, спросил так же угрюмо, голос звучал сипло и не по-человечески, будто Ютлан говорил последний раз очень давно:

– А откуда знаешь про меня ты? Я следов не оставляю.

– Я чуял запах, – ответил Придон.

Придон не выпускал брата, держал легонько за плечи. Ютлан не вырывался, лицо в тени целиком, пурпурный огонь в глазах то остывает до темно-багрового, даже чернеет, оставляя кроваво-красными только зрачки, то снова давая им разгореться мстительным огнем.

– Ты потерял мать, – проговорил Придон, – мы все ее потеряли... Но у тебя остался я. Остался наш старший брат... Не убегай от нас... постоянно. Ты видишь, насколько мы одинаковые... Даже к маме в одно и то же время, таясь от других!

Красные зрачки расширились, кровавый отсвет зловеще подсвечивал массивные надбровные дуги. У Придона возникло нехорошее предчувствие, что брат обернется зверем и либо вцепится острыми зубами ему в горло, либо убежит. Нижняя челюсть как будто удлинилась еще больше, лунный свет заблистал на кончиках ушей, что выдвинулись из темноты.

На него пахнуло животным теплом лесного зверя. Он не успел понять запах, таких зверей не знал, только в мозгу быстро пронеслись смятые картины чего-то ужасного, целиком из шипов, когтей и зубов, но тут же запах рассеялся, перед ним стоял Ютлан. Красный свет угас, луна блестит на шапке волос, не достигая ушей, а нижняя челюсть всего лишь упрямо выдвинута, как у всех мужчин из их рода.

– Ты мой брат, – выдохнул Ютлан.

Глава 13

После странной встречи возле усыпальницы возвращался медленно, сна по-прежнему ни в одном глазу, сердце ноет, все равно не заснет, завтра с утра из городских врат, глупо последнюю ночь в родном доме тратить на сон.

В окнах дворца горит свет. Ставни не закрыты. Видно, как по стенам стремительно проносятся длинные черные тени. Придон улавливал взмах руки, это его дядя, он любит размахивать руками, замечал косой полет тени, наподобие падающей летучей мыши, – это прошел Скилл.

Дядя и брат не спят, ломают головы, как обезопасить его путь. Как помочь ему, потерявшему для страны, для племени, для народа, ибо обезумел в своей страсти к женщине из чужого народа...

Ноги с середины двора свернули, что он может сказать дяде и Скиллу? – вместо входа во дворец под лунным светом начала вырастать крыша конюшни. Ноздри уловили домашний запах конских тел, свежих каштанов, душистого сена. Из-за двери послышалось фырканье, стук копыта по дереву. Луговик как-то почуял приближение хозяина.

Сонный конюх, что дремал у дверей, вскочил, бросился отворять двери перед героем. Придон отмахнулся, вошел в мир знакомых родных запахов, Луговик потянулся из стойла навстречу. Придон обнял его за шею, Луговик что-то ощутил, попытался убрать в сторону большую конскую голову, но Придон все равно поцеловал в умную морду. Конь брезгливо фыркнул. Настоящий боевой конь, не переносит телячьих нежностей. Но Придон не шлепнул его по лбу, не захохотал громко и грубо, как должны смеяться настоящие мужчины, и конь сам ткнулся мягкими бархатными губами в лицо друга и хозяина, легонько боднул головой.

– Не спрашивай, – прошептал Придон, – я даже себе не могу ответить... Но все увидишь сам. Мы узрим дивные места. Только я и ты... И все поймешь.

Он знал, что конь в самом деле понимает каждое слово, каждый жест, вскрик или движение в седле. Когда-то выхаживал его осиротевшим жеребенком, сам поил молоком из чашки, сам купал и чистил. Да и Придон понимает ржание Луговика, взмахи головы, стук копыт и выражение всегда печальных и мудрых конских глаз. А когда они вместе вламываются в ряды врагов, кажется, что это единый страшный зверь ворвался в стадо беззащитных овец и режет, колет, бьет копытами и хватает огромными зубами!

Летняя ночь коротка, на востоке появилась светлая полоска. От темной земли вверх пошел слабый нежный свет. Очень медленно проявился едва заметный оттенок розового.

Придон вздохнул, на выходе сказал конюху:

– Насыпь отборной пшеницы. Осмотри копыта, нам сегодня в долгий путь.

Конюх вздохнул.

– Для того чтобы увидеть, – сказал он робко, – что небо везде синее, вовсе не надо отправляться в этот самый долгий путь.

Придон улыбнулся.

– Знаю, признаешь только один путь – к нашим сердцам, как Вяземайт из всех дорог признает только тропку к богам, а все остальное для него – тупики. Но все-таки люди намного проще! Мы ходим простыми земными путями. Готовь коня, я чувствую, что не задержусь.

Он в самом деле чувствовал, как жадное нетерпение гложет изнутри внутренности. Темное здание дворца, что в лунном свете блестит, как большая рыба на темном небе, теперь грозной глыбой выступило на светлеющем небосводе. Но светильники еще горят, а к теням Горлицы и Скилла прибавилась еще одна...

Когда он толкнул дверь и переступил порог, Горлицы все так же нависал над столом с расстеленной картой, словно и не менял позы, а Скилл и Вяземайт на другом конце комнаты

размахивают огромными топорами. Обнаженные торсы блестели, богатыри явно отбирали оружие всю ночь, пока Горицвет мысленно бродил по дорогам, переправлялся через бурные реки, выбирая для Придона дорогу побезопаснее.

Теперь в углу появился еще один стол. Золотыми украшениями блистал ларец, вдоль стены выстроились топоры, копья, мечи. Грудами навалены доспехи, все дорогое, самое лучшее...

А под стеной очень смирно и тихо, как мыши, сидели Олекса и Тур. Придон сперва их даже не заметил, оба не двигались, не шевелились. Даже, кажется, не осмеливались дышать.

Придон ощутил, как жар коснулся щек, сполз на шею.

– Да что вы так, – проговорил он тоскливо. – Это мое безумие, а вы... Вместо того чтобы наброситься на меня, обругать, связать и посадить под замок, вы еще и возитесь, как с больным!.. Я ж так никогда не рассчитаюсь с вами.

Вяземайт оставил в покое топор, грудь волхва бурно вздымалась. В глубоко запавших глазах блеснули искорки.

– Это будет недолго, – пообещал он.

– Правда? – спросил Придон с недоверием.

– Ты шею свернешь очень скоро, – пояснил Вяземайт.

– Ну, спасибо, – пробормотал Придон. – Хоть какое-то утешение.

Дверь с грохотом отворилась. Аснерд вошел насупленный, лицо обрюзглое. По комнате прокатилась мощная волна запахов железа и пота.

В руке Аснерда победно горел головной обруч с рубином размером с голубиное яйцо. Красный камень блестел зло, Придон, как воочию, увидел пламя пожаров, что останется за хозяином этого обруча, и кровь, которую прольет боевой топор.

– Надень, – велел Аснерд отрывисто. – Пока он будет на тебе, защитит от любой стрелы, камня или швыряльного ножа. Увы, не от брошенного артанского топора, ведь ковали этот обруч наши артанские колдуны! А ты знаешь, как метко и мощно бросают топоры артане...

Придон обеими руками принял обруч. Кончики пальцев слегка кольнуло, словно обруч попробовал нового хозяина на зуб.

– Спасибо, – поблагодарил он. – А как же ты?

Аснерд фыркнул.

– У меня пять тысяч удалцов, прикроют меня даже от комара. А тебе твою голую, как у жабы, спину прикрыть некому.

– Аснерд...

– Бери, бери!

Обруч сел плотно, волосы на лбу прижал. И хотя не шлем, закрывающий голову, ведь есть шлемы с личиной, что закрывает и лицо, но все же Придон ощутил защищенность, даже без всяких магических штучек.

– Спасибо, – повторил он с чувством. – Я никогда не забуду твоего дара, Аснерд.

Горицвет снял с пальца кольцо, металл тусклый, невзрачный, даже без камушка, простое серенькое кольцо.

– Возьми.

На его широкой и твердой, как весло, ладони колечко выглядело совсем крохотным и невзрачным. Тем более что рядом блестели унизанные золотом пальцы.

– Что это? – спросил Придон.

– Бери, бери. Мне подарил однажды твой отец. Так что я просто возвращаю наследнику.

Придон осторожно взял колечко двумя пальцами. В самом деле простое, из невзрачного металла, вроде бы из бронзы, но все же не бронза и не железо. Примерил на средний палец. Руки у него крупные, ладони широкие, а пальцы длинные и толстые, однако кольцо, теперь это заметно, для него великовато. Для какого великана его сковали?

– Кольцо твоего прапрадеда, – сказал Горицвет. – Где добыл, не говорил. Мне в моей спокойной жизни оно ни к чему. Кольцо на пальце обезвредит любой яд, если к чаше прикоснешься кольцом. Так что надень, надень! И носи не снимая. А любой сосуд на чужбине бери только этой рукой.

Вяземайт взял с маленького столика ларец, зачем-то взвесил на руках. Щелкнуло, крышка дивным образом откинулась, будто ее толкнули изнутри. В глубине тускло блеснул старой медью широкий желтый браслет, какие мужчины иногда носят на предплечье.

– Возьми, – сказал Вяземайт сурово, – этот дар от братства волхвов Артании. И будь его достоин. Носи только на левом предплечье. И... береги этот дар.

Придон подумал, что вообще-то сам браслет должен беречь его руку от острых мечей, но спросил только:

– А его мощь в чем?

Волхв на секунду запнулся, в запавших глазах мелькнуло смущение и тут же спряталось, как мелкий зверек при виде большого.

– Мы только знаем, – проговорил он, – что в нем заключена некая странная мощь. Но какая? Пока узнать не удалось. Возможно, узнаешь ты.

– Как? Я не волхв...

– Возможно, это браслет, что просыпается лишь во время битв, схваток, запаха крови. Или он недвижим в своей стране, а в горах Куявии или в лесах Славии пробудится его мощь?

Скилл, который наблюдал молча с боевым топором в руках, сделал шаг вперед. Лицо суровое, но Придон улавливал в глазах старшего брата глубокую тревогу.

– Возьми, – сказал Скилл. Он протянул топор обеими руками. – Это простой боевой топор. Никакой магии, это честный воинский топор!.. Он не обезвредит яд и не прибавит тебе сил, но он крепок, как наша воля, и всегда остр, как мудрые слова наших старейшин.

Придон взял топор с трепетом в сердце. Он чувствовал, что значит для Скилла расстаться с таким оружием. Которое, возможно, будет потеряно где-то в чужих краях, как потеряны редкие доспехи отца вместе с их хозяином.

– Спасибо, брат, – сказал он с чувством. – Всем спасибо! Я даже не знаю, за что вы все так добры ко мне.

Аснерд громко кашлянул, глазами указал Горицвету на все еще неподвижных Олексу и Тура. Горицвет кивнул, глаза поймали Придона, он сказал громко:

– Видишь этих смирных овечек?..

Придон сказал с неловкостью:

– Да, но...

– Они пойдут с тобой, – сказал Горицвет коротко.

Придон отшатнулся.

– Нет! Ни за что!

Горицвет покачал головой. Лицо его стало злым и жестоким.

– Это приказ, – отрезал он. – Молчи, я знаю, что ты скажешь!.. Мол, иду почти на гибель, потому не могу брать с собой других людей... Что, не так? Молчи-молчи!.. Дурак, мальчишка. С тобой рвалось идти все войско. Нам пришлось отбирать лучших, а из них лучших из лучших!.. Туру нет равного в кулачном бое, он может поднять гору, с конем на плечах обгонит тебя в беге, а любые стрелы ловит на лету с закрытыми глазами! А второй... ну-ка, поднимись, покажи ему свои руки!.. Это знаменитый Олекса, он умеет все то, что делает Тур, и вдобавок ему дано богами умение слышать, как растет трава, о чем переговариваются в глубинах земли муравьи и как шелестит вода в стеблях травы!

Придон смотрел на Олексу и Тура с неловкостью и стыдом.

– К тому же, – закончил Горицвет, – только Олекса может отыскать, где сейчас кочует Градарь... А только Градарь может подсказать, где искать обломки твоего меча.

– Бога Хорса, – поправил Придон.

Горицвет отмахнулся.

– О таком боге уже забыли. А о тебе, если найдешь, будут слагать легенды.

– Но какой Градарь? – пробормотал Придон. – Не тот ли знаменитый, который...

Горицвет сказал с неохотой:

– Он не всегда был старым и знаменитым. Когда-то был молодым дурнем, вроде тебя. Только пока другие ходили в походы, он не мелочился: выпрашивал у стариков, записывал, ездил по стране, везде вызнавал, где могут быть обломки того меча. Собирался сразу стать непобедимым воителем... Но, пока все вызнавал, то ли успел постареть, то ли просто поумнел, то ли все выложил в песнях...

Придон пробормотал:

– Зачем ему меч? Он и без меча завоевывал людей.

Горицвет скупо ухмыльнулся:

– Тогда он еще не знал, что обладает силой побольше.

– Значит, – спросил Придон, – сперва к нему?

– Да, Олекса проведет вас.

Они все смотрели на него серьезно, уже без жалости, как вчера.

– Ну почему, – взмолился он, – почему беретесь? Вам-то что? Это слишком большая жертва...

Горицвет посмотрел почти с отвращением. Аснерд вздохнул, сдвинул плечами. Вяземайт развел руками, мол, мал и глуп, чего с него взять. Даже Олекса и Тур смотрели с некой снисходительностью.

– Ты так и не понял, – проговорил Горицвет с сожалением. – Да, тебе еще долго надо учиться понимать мир, прежде чем подумать о троне... Ты все еще думаешь, что поиск меча – твое личное дело?

– Ну да, – прошептал Придон. Он нервно сглотнул комок. – Мне нужен этот меч. Я его обещал отвезти в Куябу...

– Мальчишка, – повторил Горицвет.

– Не понимает, – сказал Аснерд.

– Да как он может понять? – возразил Вяземайт. – Для него сейчас весь мир – Итания. Слушай, Придон, никто из нас твой меч отнимать не собирается. Добывай и вези в Куябу.

Придон прошептал, сбитый с толку:

– А чего хотите вы?

– Чтобы ты добыл и привез сюда Итанию.

Снова он чувствовал, что стоит с глупо раскрытым ртом. Аснерд, Вяземайт, Скилл и даже эти двое его будущих путников смотрят так, словно с детства знают некую истину, до которой никак не доползет он, сын тцара, который никогда не слыл дураком.

Скилл кашлянул, сказал очень мягко:

– Он сейчас взволнован, ему трудно понять. Дайте я ему скажу... Придон, ты знаешь, чем страна богатеет? Правильно, хорошими землями, тучными пастбищами. Это для нас главное. Чтобы выжить, главное. А чтобы процветать, нужны залежи золота и железа. Если надо, то приходится за них воевать... Еще престиж страны меряется по тем волшебным вещам, которые в той стране есть. Волшебные топоры или даже мечи, хотя не понимаю такой дури, что никчемные в бою мечи делали волшебными... волшебные скатерти, дудки, дивные жар-птицы, чародейские посохи... Особенно ценятся волшебные кони, в цене колдовские камни, кольца, амулеты... Понял, да?.. Не менее ценимы герои, ибо без героев страна если не мертва, то влачит жалкое существование до тех пор, пока кто-то сильный не придет и не возьмет ее целиком, с пастбищами, золотыми рудниками, волшебными вещами.

Он перевел дух, никогда не говорил так долго. Аснерд протянул кувшин с холодным напитком. Скилл отпил жадно, красноватые струйки потекли по подбородку, перевел дух и сказал уже чуть веселее:

– А самое главное сокровище любой страны, любого народа и любого племени – это женщины! Для них добывается и власть, и золото, и земли, и волшебные жар-птицы. Ну, ты же слышал...

Он снова припал к кувшину, пил долго, пока не запрокинул вверх дном. Придон украдкой оглядел лица, на которые как будто упал солнечный луч. Даже всегда хмурый и мрачный как ночь Вяземайт просветлел, а в глазах появилось мечтательное выражение.

Артания, это знают все, почти вся из Степи, на юге от Куявии ее отделяют горы. Среди неприступных скал укрепилось одно воинственное племя, слава о котором идет по всей Артании, о нем знают в Куявии и даже в Славии. Не за доблесть мужчин племени, не за богатства земли или особой выделки мечи: в том племени живет знаменитая Яливия, о которой слагают песни, о которой грезят мужчины и которой завидуют все девушки. Частокол ее ресниц сравнивают с разящими наповал стрелами, ее глаза – озера, в которых мечтает утонуть каждый мужчина, а ради ее улыбки всякий готов броситься хоть в пропасть, хоть на копья...

В таком же горном племени, но уже по ту сторону границы, на стороне Куявии, живет Тация, при виде которой солнце желтеет от зависти и спешит скрыться за тучкой, боясь сравнений. Когда Тация выходит в ночи, то озаряет все вокруг, как будто снова взошло солнце. Еще идут слухи, что в племени убичей в одной очень бедной семье родилась девочка, на красоту которой уже едут любоваться из дальних стран, а могучие властители стран спешат договориться о браке с ее родителями, предлагая своих сыновей в мужья.

За легендарную Бивию, у которой волосы из чистого золота, сражалось семь племен, за Симиллу поссорились тцары и великие полководцы. Когда пошла молва о некой красавице из племени щагов, под которой даже трава не гнется, сразу же из всех трех держав отправили знатных людей проверить: так ли это, а если так, то как можно заполучить такое сокровище...

– Превыше всех волшебных коней и волшебных амулетов, – закончил Скилл, – цена красивых женщин! Об Итании давно слава, только ты в походах не слушал эти песни... Так что эту красоту добываешь не только для себя, как думаешь по малолетству... Для всей Артании!

За окном тревожно и призывно заржал Луговик. Придон встрепенулся, по телу пробежала тревожная волна, на руках встопорщились волосы.

– Пора, – сказал он. Попробовал улыбнуться. – Мой конь лучше меня знает, когда надо в поход.

– У тебя чудесный конь, – согласился Аснерд. – Вообще после женщин кони – первые.

– По красоте, – уточнил Вяземайт. – А так кони вообще-то умнее. Но кому этот скучный ум нужен?.. В женщинах, конечно.

Скилл обнял крепко, задержал так на миг. Придон ощутил, как к горлу поднимается горький ком. Все заботятся о нем, а он – только о себе.

Подошел Аснерд, обнял так, что дыхание вылетело со всхлипом, а Вяземайт только положил ладони на плечи, посмотрел в глаза, кивнул.

Последним Придона обнял Горицвет. Придон чувствовал, как тот не хочет выпустить его из рук, ибо здесь он трясется над братьями, как наседка, чтобы сгинувший в неведомых краях брат не укорил за малую заботу о племянниках, а за пределами Артании он будет сам по себе, разве что Олекса и Тур присмотрят...

Придон наконец высвободился, в глазах начало щипать. Дрогнувшим голосом сказал:

– Пора! Прощайте.

Луговик в нетерпении переступал копытами у крыльца. Второй конь, заводной, потряхивал гривой у коновязи. За седлом горбился небольшой дорожный мешок: артане берут даже в самые дальние походы лишь самое необходимое.

Проводить вышли все, Скилл еще раз обнял, Придон прижался к брату. Голос прозвучал хрипло, проклятый ком раздувает горло, как будто там застрял булыжник:

– Я люблю тебя, брат!.. От слова, что я дал, отказаться не могу, сам знаешь. Я добуду этот проклятый меч! Но ты, прошу, проводи по берегу реки наше войско. Пусть эти торгаши узрят и устроятся нарушения договора.

– Устрашится, – пообещал Скилл угрюмо. – Всяк в Куявии будет знать, что, если до твоего возвращения ее отдадут другому, по всей Куявии возопят вдовы! Я вторгнусь в их проклятые земли и не оставлю там камня на камне!.. Запылают поля и села, а лесные звери и вороны разжиреют на трупах куявов. Я разрушу все их отвратительные города, разбросаю камни и посыплю солью, чтобы ничего не росло... Знай, брат, в Куявии всяк будет стеречь, чтобы ее не выдали замуж!

Он захохотал, в громовом голосе было грозное веселье воина. Он любил блеск и звон металла, победные крики и хрипы умирающих врагов. Где он проносился со своим быстрым, как молния, войском, за спиной шла стена огня и достигала небес. Лесные звери бежали сломя голову, а овдовевшие женщины со страхом твердили младенцам его имя.

Из конюшни вывели уже оседланных коней Олекса и Тур. Придон хотел вскочить в седло, но взгляд ухватил на крыльце худенькую женскую фигурку.

Блестка, видя, что ее заметили, торопливо сбегала по ступенькам к брату. Придон смотрел на нее с нежностью и тревогой: слишком чистенькая и хорошенькая, словно рождена для жизни в Куявии. Волосы черные, как ночь, и, как звезды, в них проскакивают крохотные искорки. Овал лица тоже закругленный, милый, чистенький, как только что снесенное яичко. Солнце светило ей в спину, и Придону почудилось, что она вся светится, как только что просвечивались на солнце ее розовые ушки.

Большие блестящие глаза их сестры-затворницы смотрели с немим испугом. Он вспомнил, что его тело испятали новые шрамы, невольно шелохнулся, как бы закрыть их, но от этого движения задвигались огромные бугры мышц, под смуглой кожей прокатились шары.

Ее хорошенький ротик приоткрылся, Придон еще не знал: в испуге или что-то хочет сказать, но сердце его едва не выскакивало, хотелось пасть на колени, прикинуться лбом к ее коленям.

– Сестренка, – сказал он умоляюще, – неужели я за это время стал таким страшным?

Она покачала головой.

– Придон, – услышал ее тихий голос, – Придон, брат мой... Что ты с собой сделал?

– Что? – спросил он.

– Что тебя терзает? – спросила она. – Придон...

– Сестренка, – сказал он. – Тебе четырнадцать весен... Спроси меня снова, когда тебе будет хотя бы шестнадцать. Я люблю тебя, Блестка!

Он поцеловал ее в обе щеки, она сразу застеснялась и покраснела, как маков цвет, а он вскочил в седло. Луговик заржал и пошел боком. Придон огляделся, вздохнул. Моя бескрайняя Степь, я оставляю тебя! Оставляю огромную чашу неба – синюю днем и темнозвездную ночью, оставляю горький запах полыни, пение птиц и стрекотание кузнечиков... если в Куявии они и есть, то не такие, оставляю прокаленную солнцем и сглаженную ветрами землю.

Все родное останется здесь, ничего не взять, ибо не уберечь в его полной волнений и лязга мечей и топоров жизни.

Сердце заныло, когда оглянулся на сестру. Всегда у артан вся забота о сыновьях, потому что на их плечи потом ложится основная тяжесть. Дочери остаются в тени. Но кто, как не

малолетняя сестра, страдала и не спала ночами, когда он уходил в удачные набеги? Кто первым бросился к нему с плачем, когда он возвращался раненым?

Он резко повернул коня, подхватил Блестку на седло, она в испуге прижалась к его широкой груди. Он бережно обнимал, прижимал к своему твердому, как дерево, телу, такую маленькую, тонкую, с хрупкими, как у птички, косточками. Сестра доверчиво затихла в безопасности на его груди, на груди брата, которого совсем недавно берегла и защищала, хотя он и старше ее почти на десять лет. А Придон, возвышаясь над нею на голову, в самом деле ощутил странные защищенность и покой, словно и сейчас сестра могла спасти его от всех бед и развеять все горести.

Его губы коснулись ее волос.

– Увы, я уже выпорхнул...

– Впервые уезжаешь так далеко, – прошептала она ему в грудь, не поднимая головы. – Один! Без брата, без друзей.

– Не один, – ответил он так же шепотом, – теперь я беру с собой самое дорогое, ценное, огромное!

Она спросила удивленно, сквозь печаль в глазах:

– Что же?

– Свою боль, – ответил он. – Отныне не расстанусь с этой сладкой мукой в сердце ни на краю пропасти, ни в смертельном бою, ни на пиру за чужим столом!..

– Придон...

Он поцеловал ее крепко-крепко и опустил на землю.

– Спроси, – повторил он, – когда тебе будет хотя бы шестнадцать лет.

Глава 14

За городскими воротами он резко остановил коня. Олекса и Тур тут же оказались с обеих сторон, глаза настороженные, цепкие, а ладони зависли над рукоятями топоров.

Придон без труда стащил браслет, снял с головы железный обруч. Черные как смоль волосы освобожденно рассыпались по плечам.

– Тур, – велел он, – отвезешь это обратно.

Тур не протянул руки, лицо воина было бесстрастным.

– Нет, – ответил он.

– Ты отказываешься меня слушаться?

– Приказ тцара выше, – ответил Тур.

Придон видел, как Олекса кивнул, соглашаясь, да и сам чувствовал, что брякнул не то.

– Но есть то, – сказал он, – что выше приказов любого тцара. Интересы Артании! На мне слишком ценные вещи для нашего народа, чтобы потерять их для нашего народа. А если сложим головы? В Артании тысячи и тысячи отважных сердец. Даже род моего отца не прервется, Скилл и Ютлан – настоящие герои. Но этот браслет, этот обруч... таких больше на свете нет!

Тур несколько мгновений смотрел ему в глаза. Лицо воина мрачнело. Олекса посмотрел на обоих, отвернулся. Конь опустил голову и тяжело всхрапнул.

Очень нехотя Тур принял чародейские вещи и сложил в вещевой мешок. Спohватившись, Придон протянул ему боевой топор Скилла.

– Возьми! Я видел, как этот топор рассекает камень, как будто тот из творога. И ни одной зазубрины! Даже не тупится. Этот топор должен быть у Скилла, он всегда первым врубается в ряды врага.

Тур заколебался.

– А как же ты?

– Моя секира в походном мешке, – ответил Придон. – На первом же привале надо будет вытесать рукоять.

Олекса сказал за их спинами:

– Я вытешу.

Тур вздохнул, даже Олекса принимает и одобряет поступок Придона, взял топор и, не выпуская из рук, предупредил:

– Только далеко не заезжайте! Я все равно догоню.

Круто развернул коня, гикнул, свистнул, конь с места взял в бешеный галоп. Губы Олексы, когда провожал взглядом всадника, тронула скупая усмешка. На всем пути Тур будет стараться проскочить поближе к деревьям, чтобы испытать неистовый восторг, когда целый ствол, срубленный, как легкая тростинка, на скаку, соскальзывает с косого пня и втыкается в землю заостренным концом!

Дорога тянулась серая, а покрытые пылью кусты по обе стороны выглядели клочьями серого неопрятного тумана. Дважды перед конем перебежали ящерицы, а совсем близко над головой пролетела большая черная птица, каких он не видывал раньше. Все это что-то значило, предвещало, пророчило, но, как говорят волхвы: судьба сильного ведет, слабого тащит, а героям так и вовсе дано вести за собой судьбу. Бывает, что ведут не только свою судьбу, но и судьбы целых народов.

Тур догнал нескоро, заорал издали:

– Привал!.. У меня конь притомился!

Олекса поинтересовался:

– Как приняли?

Тур сердито зыркнул в сторону Придона...

– Попался бы – убили!

Привал, коней пустили попасться, перекусили хлебом и сыром, наслаждаясь свежим воздухом и простором, и снова в седла, снова рысь, галоп, безумная скачка навстречу ветру.

Солнце изредка проглядывало в разрывы облаков, и тогда на голые плечи обрушивался приятный жар, проникал вглубь, горячил кровь. Ветерок изредка взметывал пыль. Приходилось всматриваться до рези в глазах, пытаясь определить, скачет ли впереди кто-то на резвом коне или же просто балует ветер.

Далеко слева зелень выглядит слишком уж резко очерченной, явно засеянное поле, но домика не видно, справа так же далеко темнеет гряда невысоких гор.

Когда он проезжал здесь пять лет назад, видел только небольшую рощу да крутую петлю, что делает речушка, а теперь здесь десятки домов, добротное селение, вот-вот поставят стену и смогут называться городком.

Пару домов так вообще поставили в два этажа, еще с десятков – в полтора. Люд чувствовал себя в безопасности, дома иногда совсем теряются на пространстве, словно их строили волки-одиночки или очеловечившиеся медведи, но кое-где все же сбивались, как овцы в стадо. На улице народ попадался именно здесь: на завалинках, просто на спиленных стволах толстых деревьев. Все провожали Придона и его спутников любопытными взглядами, дважды за ними увязывалась ребятня.

Тур загорланил веселую песню. Придон прислушался, слова знакомые, даже привычные, сейчас вдруг показались грубыми и какими-то... идущими мимо.

– Не так надо, – шепнул он одними губами. – Но как?..

Ветер сорвал с губ и унес, копыта стучали чаще, это он сам безотчетно ускорял конский бег, встречный ветер охлаждал и не мог охладить раскаленный лоб.

Но как, пронеслась злая мысль, как выговорить эти клокочущие, как лава, слова, чтобы получился не дикий крик, а песня? Которая тронет Ее сердце?

Справа и слева нарастал грохот. Олекса и Тур поравнялись, их кони несут всадников легко, могучие богатырские кони – Горицвет лично проследил, чтобы их кони не уступали Луговуку. Придон покосился с неприязнью. С их появлением сладостные грезы об Итании вспорхнули и унеслись, как испуганные бабочки.

– Где же Градарь? – крикнул он.

– Уже скоро, – прокричал Тур, – если верить Олексе!

– Он что, всякий раз кочует по разным местам?

– Да, он все еще не привыкнет, – ответил Тур, – что мог бы переложить все заботы о перекочевье на внуков.

Олекса крикнул через голову Придона:

– Внуки у него умнее. Едут не наугад, а туда, где и в прошлом году трава была густая и сочная... А Градарь не раз терял стада...

– Все не успокоится! – прокричал Тур.

Они чуть сбавили конский бег, кони потряхивали гривами, глаза блестят, готовы нестись до изнеможения.

– Да, – согласился Олекса, – пора бы ему на покой... Как думаешь, Придон?

Придон ответить не успел, Тур захохотал, став похожим на своего громогласного отца.

– Покой? Это то же самое движение!

– Да ну? – спросил Олекса саркастически. – Куда же?

Тур пожал плечами:

– К старости, к смерти... Так раз уж покой все равно не спасает, то не лучше ли?..

– Лучше, – согласился Олекса – Кто жаждет покоя, тот должен быть глухим, слепым и... это... не интересоваться женщинами. Вообще-то покой не где-то, а в нас самих. Я, к примеру, покоен...

Тур посмотрел на него и чему-то рассмеялся. Олекса рассердился:

– Чего ржешь?.. Он тогда жульничал!.. У него свинец был забит в кости!

Они заспорили, Придон даже не слушал, у них свои интересы и свои разговоры, постороннему не понять, да и неинтересно, как вот и его не понять... да он и сам себя не понимает, но это жуткое и сладостное сумасшествие, эта дивная мука, что терзает грудь.

Скакали весь день, потом напоили коней и снова понеслись уже в ночи. Степь залита волшебным лунным светом, странный мир, когда небо темное, а земля как будто укрыта серебром.

Придон на скаку запрокинул голову. Угольно-черное небо со сверкающими звездами выгнулось над ним огромной опрокинутой чашей. Он – в центре мира, и все звезды смотрят на него. Звезды – это глаза тех, кто пал, защищая родную землю. Они внимательно следят за артанами, словно совесть. Когда умру, подумал он, нет... когда погибну... тоже стану звездой и буду смотреть на артан, чтобы не сворачивали с пути.

Но пока что, сказала в нем без всякой связи, я готов отдать кровь по капле, чтоб в твоём саду она взошла цветами!

Смутно удивился, при чем тут звезды, но тут же со сладким тревожащим страхом понял, что, куда бы ни смотрел, о чем бы ни думал, ее образ всегда перед глазами, а в самых умных беседах может ляпнуть что-то невпопад, ибо разговаривает и с нею.

Рассвет застал их все еще скачущими. Дивные артанские кони устали, но все еще неслись, мало уступая в скорости летящим стрелам.

А потом, уже при ярком солнечном свете увидели, как вдали за клубилась пыль, затем из желтого облака вынырнул летящий навстречу всадник. Следом таким же бешеным галопом неслись еще двое. В руках блестят боевые топоры, все трое обнажены до пояса, все трое окоричнели от знойного солнца, длинные черные волосы трепещут под встречным ветром, вытянутые в струну, как гривы и хвосты их коней.

Передний, подскакав ближе, выглядел таким разочарованным, что Придон через силу улыбнулся. Молодые герои размечтались, что удастся сразиться с неведомым чужаком, что явился угонять их табуны!

Он вскинул ладонь в приветствии. Передний всадник остановил коня, красиво поднял на дыбы, так же красиво поднял руку, мол, и у него тоже есть мышцы, крикнул звонко:

– Приветствую, сын тцаря! Меня зовут Автангал...

Придон ответил:

– Приветствую, Автангал. Я помню тебя. Ты носил за героем Кунгером щит, а когда тому метнули в спину нож, ты перехватил на лету.

Автангал расцвел от смущения, голос зазвенел:

– Доблестный Придон! Такой великий воин запомнил меня, десятилетнего подростка? Я счастлив и никогда твоей похвалы не забуду.

– Сейчас ты уже мужчина, – определил Придон, хотя Автангалу вряд ли больше пятнадцати лет. А запомнил он его потому, что для самого тогда был первый поход во главе самостоятельного отряда. – Благородный Градарь у себя?

Подскакали двое других, такие же подростки, не по годам развитые, широкие в плечах, сила и удаль выплескиваются из ушей, глаза горят жаждой подвигов, свершений. Их уже сейчас можно на Куявию.

Один сказал поспешно:

– Да!.. Как всегда, за пиршественным столом. Я проведу тебя, если позволишь!

Второй метнул сердитый взгляд, каждому хочется выскочить хоть ненадолго из скучной работы табунщика, но смолчал.

– Показывай дорогу, – велел Придон.

Кочевье Градаря увидели по дымкам, что поднимаются из-за края земли, темными струйками уходят вверх по чистому безоблачному небу. Похоже, шатры на том же месте, что и пять лет тому, когда Придон виделся с Градарем последний раз, хотя за это время Градарь поменял... или мог поменять место стоянки бесчисленное число раз.

К удивлению Придона, у огромного шатра из расписного шелка он увидел три стола. Артане пили и веселились, Придон еще издали слышал их удалые песни, только ожидал, что пируют по обычаю прямо на шкурах, брошенных на землю, а столы... какие столы у суровых артан, что постоянно кочуют?

Мальчишка ускакал вперед, бегал вокруг столов, что-то верещал, как быстрая белка. Один из пирующих поднялся, вышел навстречу с распахнутыми руками:

– Придон, мальчик мой! Как ты возмужал...

Придон соскочил на землю, Градарь обнимал, щупал плечи, огромные, как валуны, пробовал ущипнуть мышцы, но проще вонзить ногти в толстые корни старого дуба, наконец с любовью хлопнул по вздутым пластинам груди.

– Какой богатырь!.. Да, в тебе видна кровь прадеда...

В голосе Градаря Придон уловил недосказанное, словно тот успел оборвать кончик фразы. Невольно вспомнились приглушенные рассказы взрослых, что временами он, Придон, сын тцара Осеннего Ветра, бывает похож на своего легендарного прапрадеда, который взял, по слухам, в жены женщину из дивных людей. Как, впрочем, якобы сделал и его отец, но про отца только слухи, а вот прадед в самом деле взял женщину из дивного народа и несколько этого не скрывал.

Градарь уже тащил его за локоть к праздничному столу. Там поднялись, стоя провозгласили веселую здравицу в честь молодого героя. Кубки с настойками из горьких и жгучих трав столкнулись над столом со звоном, через медные края сорвались капли, но дальше пирующие пили и ели, обнимались, орали и хвастались, уже не обращая на гостя внимания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.